

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Ольга БЕЛОУСОВА

За стеной

Посмотри мне в глаза

Повести

Новокузнецк
2015

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Б43

БЕЛОУСОВА Ольга Александровна

За стеной. Посмотри мне в глаза : повести / Ольга Белоусова ; [отв. за вып. Калашников Н. Н.] ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 116 с. : фот, рис.

Сотая книга

100

*издательства «Ник без
Сотрани»*

© Ольга Белоусова

На первой странице обложки

– рисунок Марины Колотвиной (г. Новокузнецк)

На четвёртой странице обложки

– рисунок из интернета (без авторства)

БЕЛОУСОВА Ольга Александровна родилась 9 мая 1977 г. в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Томского университета, затем аспирантуру. Кандидат исторических наук. Зав. кафедрой Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний России, майор внутренней службы. Участник II Форума молодых писателей России в Москве в октябре 2002 г., где обсуждалась её фантастическая повесть «За стеной». В КЛФ «Контакт» пришла в ноябре 2002 г. Первая публикация – рассказ «Корабль с голубой планеты» – в газете «Голубая магистраль» (Саратов) 27 августа 1991 г. Печаталась в журналах и коллективных сборниках Москвы, Киева, Таганрога, Казани, Новокузнецка, Кемерово. В начале 2007 г. в московском издательстве «ФОРУМ» вышла первая книга Ольги Белоусовой – роман «Перекрёсток волков».

Повесть «За стеной» впервые опубликована в журнале «Реальность фантастики» в № 11 за 2004 год.

Повесть «Посмотри мне в глаза» впервые опубликована в журнале «Огни Кузбасса» в № 3 за 2006 год (в очень большом сокращении). В этой книге – первая полная публикация повести.

За стеной

1

*Понятие "нормальный"
определяет общество,
в котором ты живёшь.*

Фокс Малдер

Я проснулась в ужасном настроении. Впрочем, по утрам у меня такое случается. И, думаю, не только у меня. Кому и когда добровольно хотелось вылезать из тёплой кровати? Но в тот день моё недовольство окружающим миром достигло наивысшей отметки. Я долго лежала с закрытыми глазами, пытаюсь понять, с чего мне так мерзко, а потом разом всё вспомнила. Уж лучше бы у меня память напрочь отшибло.

Вчера приходил Серый. Само по себе это событие отнюдь не блещет оригинальностью и пережить его я в состоянии. Ведь переживала же все последние восемнадцать лет нашего знакомства. Да вот только на сей раз мой дружок детства прибыл не один. И опять же, приведи он с собой чистюлю-Эдика или даже, на худой конец, глупого Дрю, это вряд ли можно было бы назвать бедой. Но нет же, Серый пришёл с *родственниками!* Вернее сказать, с одним родственником, потому что больше у него никого не осталось. Да и Тим ему всего лишь троюродный дядька, пятая вода на киселе, как говорит мама. И они на пару завели песню... Ну, знаете, как раньше бывало: «У вас товар, у нас – купец...» Только Серый обошёлся без предисловий. «Тётя Нел, нам с Диной пора жить вместе. Вы не против?» Против? Кто против? Мама против? Моя мама только «за»! Ах-ах, жаль, бабушка не дожидала до такого радостного события... Уж действительно, как жаль! Она бы меня в обиду не дала! Короче говоря, не успела я и рта раскрыть, как мать (моя собственная мать!) нас благословила.

– А чего тут думать? – удивилась она, когда, после ухода дорогих гостей, я всё ж-таки попыталась устроить дома небольшой скандал. – Ваше время пришло. А на мой взгляд, так Сержик ещё и подзадержался маленько.

– Ты могла, по крайней мере, спросить меня...

– О чём, например? Серж или не Серж? Ты ведь прекрасно знаешь, ни к кому другому он тебя всё равно не отпустит.

К несчастью, в её словах имелся смысл. Серый в своих пристрастиях был удивительно постоянен, неважно, что это – пиво, охота или женщина. Слабо утешало только то, что мы в общине такие не одни. Моё поколение, пятое от Взрыва, выросло, значит, наступила пора свадеб.

В этом месте у меня снова начала болеть голова.

По крыше нудно барабанил дождь – погода проявляла характер. Вылезать из кровати не хотелось, но я с детства усвоила, что есть вещи,

без которых ни один более-менее приличный день пройти просто не может. И расставание с одеялом непременно входит в их число.

– Дина, вставай, – позвала мама из кухни. Я сделала вид, что не слышу, хотя прекрасно понимала, что этот трюк не сработает. – Вставай, Дина, – повторила мама через пару минут. – Пора просыпаться!.. Дина!

Лучше встать, пока у неё хорошее настроение.

Я доползла до умывальника, поплескалась в холодной воде и заглянула на кухню.

– Нарви лука, – сказала мама, не оборачиваясь. – Завтракать будем.

Она всегда поднималась ни свет ни заря, искренне считая, что жизнь очень коротка и потому долгий сон – роскошь, которую мы себе позволить не можем.

На улице было свежо и мокро. Длинные толстые стрелки лука издали напоминали лужу крови. Старательно обходя особенно грязные места на дорожке, я пробралась в середину этой «лужи» и принялась выбирать лучшие кустики.

– Мы собираемся за ягодой, – сообщила из-за забора Лера.

– Доброе утро, – буркнула я, срезая ножом сочные стебли. Красноватый сок на руках тоже напоминал кровь.

Лера выпрямилась, откинула со лба длинные волосы и засмеялась.

– Доброе утро, Дина. Слушай, мать тут рассказала, зачем они вчера к вам ходили. Сержик молодец, не забыл, что мой отец ему дядька, пусть и не по прямой линии. Он такой довольный – первый раз, всё-таки, родича сватал.

Поддеревни за мой счет развлеклись. Интересно, это должно греть мне душу?

– Отстань!

– А Эдик только завтра собирается... Он мне по секрету сказал. Вы, пожалуй, нас перегоните.

– Если у нас соревнования, добровольно уступаю тебе пальму первенства, – я махнула рукой, во все стороны полетели алые брызги луковичного сока.

– Ненормальная, – снова засмеялась Лера. – А что такое пальма?

– Отстань от меня, а?

– Ты в лес пойдёшь?

– Ненормальным лесу не место, – мрачно сказала я, выбираясь из луковых зарослей. Лук – как сорняк, дай волю – заполонит весь огород.

– Значит, пойдёшь, – откликнулась Лера. Я решила проигнорировать её высказывания, иначе наш разговор мог затянуться на неопределённое время. Я сполоснула лук в тазу и зашла в дом.

На кухне на своём любимом месте (у него уже и место своё здесь появилось!) у окошка как ни в чём не бывало сидел Серый. После смерти отца, когда он остался совсем один, он частенько ел у нас. Мама его жалела и подкармливала, а он помогал нам по хозяйству и приносил мясо

с охоты. Охотником Серж был хорошим. Наверное, лучшим в общине. Он никогда не возвращался из леса с пустыми руками.

– Утро доброе, моя красавица!

– Кому доброе, а кому и нет.

Он ухмыльнулся. Я схватила нож и принялась с остервенением крошить ни в чём не повинные стебли. Мама разлила по тарелкам жидкий суп.

– Осторожнее, Диночка, ты ведь не с заклятым врагом сражаешься, – заметил Серый. Я молча высыпала лук ему в суп, плюхнулась на своё место и уткнулась в тарелку.

– Рита сказала, что завтра начнут расчищать старые дома, – задумчиво заметила мама, усаживаясь рядом. – От мусора и привидений. Ох, и расплодилось же их у нас...

Одной из главных идей в деревне была: «Каждой семье – отдельное жильё!»

– Мам, давай немного передохнём, – жалобно попросила я.

– А кто тебе мешает?

– Мне перечислить поимённо?

– Я ведь о тебе забочусь!

– У меня будет несварение желудка!

– Не волнуйтесь, тётя Нел, – сказал Серж, отставляя в сторону пустую тарелку. Вот это аппетит! Как же я его прокормлю?! – Мы всё обсудим, как только Дина успокоится. Кроме того, нам не нужен дом. Я ведь живу один.

У меня внутри всё замерло. О том, что у нас уже есть дом, я как-то не подумала.

– Ты поел, дорогой? – ласково поинтересовалась я.

– Да, спасибо.

– На здоровье. А теперь... иди-ка ты отсюда! Не порть мне с утра настроение! У тебя для этого целая жизнь впереди.

– Не нужно, Диночка, воспринимать данное событие как личную трагедию, – спокойно, *слишком* спокойно сказал Серый. Я знала этот его обманчивый тон – как правило, он не сулил ничего хорошего. Раньше я никогда не позволила бы себе подобных высказываний: побоялась бы последствий. Мы с Сержем выросли вместе, и я ещё в детстве усвоила одну простую истину – в его присутствии некоторые слова лучше произнести про себя, чем вслух. Обычно я так и поступала...

– Если бы это зависело от меня, я бы прожил свою жизнь один, но общине нужны дети. И ты хорошо это знаешь. Ты ведь разумна, Дина, так какая муха тебя сегодня укусила?

Серый встал.

– Уже уходишь, Сержик?

– Дела, тётя Нел.

– Надеюсь, мы сегодня больше не увидимся, – пробормотала я.

– Надейся, Диночка. Надежда дышит до последнего, – он развернулся и направился к выходу. Я смотрела, как он нагибает голову, чтобы не удариться о притолоку.

– Не смей мне угрожать!

Серый даже не обернулся. Хлопнула входная дверь. Я предпочла думать, что это сквозняк.

– Дина, Дина...

– Что, мама?!

– Глупая ты ещё. Сержик – лучший из парней твоего поколения...

– Чем лучший?

– Он не глуп и силен.

– Веский аргумент!

– Очень веский. Нам нужны дети. Здоровые дети.

К здоровым Старшие относят тех, кто сам ходит и сам думает, а главное – может иметь детей. Количество рук, ног и голов при этом не пересчитывается. Кого теперь это волнует?

А было время, когда жизнь ребёнка не стоила и одного хлебного колоска.

После Взрыва людей в деревне оказалось так много, что в каждом доме теснилось по три-четыре семьи. Город умер, и больше им некуда было пойти. Сюда пришли те, кто смог выбраться из развалин, не утонув в болотах, кого не сожрало оголодавшее лесное зверьё. Почти все они были облучённые и обречённые. И очень хотели есть. А есть было нечего, потому что Взрыв весь урожай отправил псу под хвост. Вокруг деревни всю траву подобрали, каждый колосок, каждое деревце перетрясли. Многие тогда, в самом начале, умерли, и многие погибли позже, так и не приспособившись к новому миру.

Трупы сжигали. Боялись инфекций и увеличения кладбища – при таких темпах смертности – до невероятных размеров. К тому же, на второй или третий год рядом с деревней появились волки: страшные, злые и вечно голодные, потому что остальные звери почти всё вымерли от радиоактивного заражения. Волки приспособились питаться исключительно трупами и чуяли их даже под землёй. А бороться с этой напастью у людей не хватало сил.

Умерших не жалели, ведь они и страдать перестали, и общине их кормить больше не надо. А вот с домашним скотом была настоящая беда: помочь ничем не могли, только смотрели, как мучается. Мясо заболевших животных в пищу не годилось. На вкус такое, что проглотить, и тут же наизнанку выворачивает. Поэтому, наверное, и людоедства у нас не было.

Людоедства не было, а голод был. Вот и не ценили детей – лишний рот. Да они и рождаться почти перестали. Долго, очень долго у нас на каждого новорождённого приходилось десять умерших. А на каждого *здорового* новорождённого – четыре больных. Сейчас во всей деревне только одна улица жилая. И смерть больше не кажется полезной штукой. Потому что, если не будет людей, то что же тогда будет? Но это так, фи-ло-со-фия...

Мама налила кисель в чашки. Какое-то время мы молчали. Кисель был кислым, но я знала, что сахара дома нет, и не будет до осени.

– Ты завела бессмысленный разговор, дочь. Община – от слова «общее». Мы зависим друг от друга. У тебя нет выбора. Так же, как нет его ни у кого из нас.

Мать была не права. Выбор имелся. Но только для самоубийц. Не нравится жить в общине – живи без общины. Я видела одного такого. Он убил отца Сержа, и община его изгнала. Когда он выходил за ворота, Серый бросил в него камень. Только камень, хотя в его глазах была ненависть, страшная, как Взрыв. Тот человек ушёл, и только потом я поняла, что его приговорили к смерти, куда более ужасной, чем от удара ножом. Много позже кто-то принёс в деревню изжёванные обрывки одежды.

Так что мать моя была не права. Просто о *таком* выборе как-то глупо говорить вслух.

– Если ты можешь дать общине детей, значит, дашь, – сказала мама, уловив мои мысли.

– А кому они здесь нужны, *мои* дети?

– Ты не можешь знать, какие дети у тебя родятся.

– Если они будут похожи на меня...

– Они будут похожи на тебя и Сержа. Значит, они будут сильными и умными. Они смогут выжить в этом мире и продолжить род. Это – главное.

Я сделала очередной глоток, посмотрела на мать. Она одна из немногих детей, переживших Взрыв. Ей почти семьдесят, а выглядит не старше тёти Риты, как будто застряла где-то в своей молодости. Она сказала мне однажды, что просто запретила себе стареть, и так, мол, страшная. И всё, не стареет. Только исхудала сильно, как река после мёртвого сезона, а ходит тяжело – ноги болят. Кожа мягкая, тонкая и вся в мелких крапинках. Мама называет это веснушками, но я знаю – это от первых дождей после Взрыва. Раны у неё плохо заживают, и всегда шрамы остаются, даже от лёгких царапин. На лбу один, широкий, красный. Когда Взрыв случился, её толчком с кровати на пол сбросило, вот и разбилась сильно. А вокруг глаз – чёрные круги, такие, что бровей не видно. Облучение. По-разному, но оно проявляется у каждого в деревне. У каждого, кроме меня.

– Почему я родилась такой, мама?

В общине её долго считали бесплодной, поэтому моё рождение стало для всех настоящим чудом. Говорили, что быть такого не может – и родила поздно, и ребёнок здоровый. То есть, *абсолютно* здоровый. Говорили, девочка не выживет, не приспособлена. Не может быть, но вот было. Не должна была жить, но выжила. Отец умер через год, и я его совсем не помню. Зато помню бабушку, которая похоронила своего мужа, двух сыновей и много кого ещё, а умерла, когда мне исполнилось девять. В отличие от мамы, она любила рассказывать о прошлом и считала, что мы обязательно должны вернуться в Город. Да вот только её мало кто поддерживал.

– Почему я родилась такой, – повторила я вопрос, чувствуя, что мама не хочет отвечать.

– Не знаю, Дина, – она раздражённо нахмурилась. – Ты до сих пор об этом переживаешь?

– До сих пор? – я чуть не подавилась киселём. – Представь себе! Я ведь не похожа на них, – я махнула рукой в сторону двери, через которую недавно вышел Серый. – Думаешь, они это забыли? Как бы не так!

– По-моему, Сержу абсолютно всё равно, похожа ты на него или нет. Кроме того, никто ведь не показывает пальцем на Дрю...

– Спасибо за сравнение!

Дрю – огромный, волосатый, добрый, совершенно глупый и очень сильный Эдькин младший брат. Мы используем его для перевозки тяжестей, на большее он всё равно не способен.

– Ничего уже не изменишь, Дина.

– Так ли уж ничего, мама?

– О чём ты говоришь?

Я потёрла нос, сделала пару глотков из чашки и спросила, наконец, то, что меня давно мучило:

– Скажи, а может так быть, что там, за лесом, есть люди... Такие, как я?

– Нет!

Ответ матери был резким, испуганным протестом. Я поторопилась продолжить, пока она не прервала мои рассуждения и не выпроводила из-за стола.

– Но почему ты так в этом уверена? Бабушка говорила, что всеобщей войны не случилось. А вдруг Взрыв затронул не весь мир? Вдруг где-то далеко живут другие люди. Живут и ничего не знают о нас? Может, стоит их поискать? Город...

– Нет.

– Но почему, мам?

– Забудь о Городе. Нет там ничего, и быть не может. А если кто-то где-то и есть, то очень далеко, и искать их незачем. Радиация везде и на всех действует одинаково. Ты – лишь исключение, подтверждающее общее правило. К чему куда-то ходить, когда в собственной деревне такого полным полно?

– А если хочется? Бабушка говорила...

– Моя мать слишком увлекалась глупыми сказками. Из-за их дурацкой станции мы чуть не сдохли, а она всё мечтала туда вернуться! – голос мамы внезапно сорвался на крик. – Зачем?! Мы никогда никому...

Она оборвала себя на слове, как будто испугалась, что раскрыла страшную тайну. Я ждала, затаив дыхание. Ещё ни разу я не видела её такой. Но продолжения не последовало. Мать внезапно успокоилась, покачала головой и сказала:

– Я всегда считала, что тебе не следует забивать голову рассказами о прошлом. Мы остались живы. Не всем так повезло. Подумай лучше над этим.

И я подумала.

*Всегда лучше войти в историю,
чем влипнуть в неё.*

Из книги «Философия для начинающих»

– Дина! Ты идёшь?

Это Лера. Честно говоря, я надеялась, что она обо мне забудет.

– Иду...

Я стянула волосы в хвост, накинула куртку и вышла на крыльцо. Воздух стал ещё более сырым и холодным, чем утром. Конечно, я и не рассчитывала, что погода специально для меня изменится в лучшую сторону, но всегда хочется верить в чудо.

– В такую погоду в лес ходят одни идиоты, – пробормотала я вместо приветствия.

Лера рассмеялась. В глазах, рыжих, как пламя, блеснули задорные искорки.

– Дина, но ведь мошкары на болотах не бывает только в дождь.

Мошка, мелкая, въедливая, невероятно кусачая, была нашим общим бедствием.

– Твоя правда, – вздохнула я, спускаясь с крыльца. Дождь с утра усилился, и земля под ногами стала напоминать мерзкий кисель.

– Ну, мы же не за смертью идём!..

– Не знаю, не знаю...

– Вы надолго? – раздался за спиной голос мамы.

– К вечеру вернёмся, тётя Нел! – заверила Лера.

– Трупы можно начинать искать с утра, – буркнула я.

– Тьфу-тьфу, Дина, – Лера суеверно поплевала через плечо. – Кто же такие вещи перед дорогой говорит?!

Мама протянула мне корзинку.

– Утонешь, Дина, домой не приходи.

Мы брели по извилистой, бесконечно длинной деревенской улице. Один конец её упирался в поле, распаханное под пшеницу (правда, каждый год вид у этой «пшеницы» был какой-то новый...), а другой – в резкий изгиб реки. Вернее сказать, брела я, а Лера бодро шагала, не обращая никакого внимания на мелкий морозящий дождь и грязь под ногами. Я решила не упоминать о том, что с утра уже заходил Серый. Лера не любит ссориться и никогда не поддерживает моих бойцовских устремлений.

– Кто ещё пойдёт? – спросила я. Честно говоря, мне было всё равно.

– Эдик и Машка. Мы не стали собирать толпу.

– Какое счастье, – ехидно заметила я.

– Диночка, ну почему ты такая недовольная? – Лера весело взглянула на меня, словно обожгла глазами.

– Не выпалась. Надеюсь, Эдик не до второго Взрыва одеваться будет.

– Не ворчи. Вон они, у калитки.

Знаете загадку: «Зимой и летом одним цветом?» Это про Эдика. Кто-кто, а он всегда выглядит одинаково. В смысле, одинаково здорово. Высокий,

худой, очень розовенький и очень чистенький. Это одна из его замечательных способностей – уметь отводить от себя любую грязь. Машка, сестра Эдика, в потрёпанных штанах, отцовских болотных сапогах и куртке с закатанными по локоть рукавами, рядом с ним выглядела замарашкой. Впрочем, в пятнадцать лет тебя не испортит даже мешок из-под картошки.

– Утро доброе, Дина, – приветливо кивнул Эдик. – Не думал, что ты пойдёшь...

– Я тоже не думала.

– Дина не в настроении, – пояснила Лера. При мне они всегда говорили вслух. Правило хорошего тона – пользоваться в обществе только тем языком, который понятен окружающим. А телепатия – это тоже своего рода чужой язык. Для меня для он недоступен. Я только иногда могу угадывать чужое настроение или мысли.

– Пошагали? – нетерпеливо спросила Машка. Эдик подхватил висевший на заборе мешок, вклинился между мной и Лерой, и мы двинулись по направлению к пшеничному полю. На оставшемся пути нам встретилось чуть ли не полдеревни. Интересно, чего ради они на улицу лезут в такую погоду? Впрочем, похоже, дождь раздражал только меня одну.

– В обход или через танк? – спросила Машка, когда за нами захлопнулись ворота деревенской ограды.

– В обход, – сказала я. – Там чище.

– Через танк, – сказал Эдик. – Так короче.

– Демократией у нас и не пахнет, – съязвила я, но спорить с Эдиком не стала.

– А что такое «демократия»? – спросила Маша. Вот любопытный ребёнок! Откуда я знаю?! Так всегда говорит мама, когда возвращается с общинного схода.

Эдик фыркнул.

– Не обращай внимания, сестрёнка. Наша Дина иногда бывает *слишком* умной.

– Чаще книжки читать надо (на кой в деревне целую библиотеку держат?) и на уроки ходить, – огрызнулась я, с громким хлопом вытаскивая ногу из грязи.

Нормально учились мы всего один год, ещё до смерти моей бабушки. Зазубрили алфавит и таблицу умножения, задачки какие-то по математике решали. Только, кроме меня, никто в этом необходимости не видел. Вот и забросили потихоньку школу.

Переругиваясь, мы добрались до танка. Он гордо возвышался посреди поля, как памятник безвозвратно ушедшему прошлому. В своё время наши мужики вынуждены были отказаться от мысли перетащить его к краю поля, и с тех пор вокруг этого чудовища ежегодно колосилась пшеница. Потрясающее сочетание.

– Эй, стоп, а *этой* что здесь делает? – Я ткнула пальцем в восседавшую на башне танка до боли знакомую фигуру.

Как он сказал? Надежда дышит до последнего? Лично у моей начались предсмертные судороги.

– Спускайся, Серый, – махнул рукой Эдик.

– Диночка, дружок, ты невежлива, – заметил он, мягким кошачьим движением прыгивая вниз.

– А тебя никто не спрашивает! – я повернулась к Лере. – Могла бы и предупредить, *подружка!*

Та виновато вздохнула.

– Дина, ты же знаешь, что он тебя никуда одну не отпускает...

Это-то я, к сожалению, знала очень хорошо.

– Я возвращаюсь!

Эдик хмыкнул.

– Как знаешь, — равнодушно сказал Серый. И, помолчав, веско добавил: – Останешься без ягоды, вот и всё.

Он был прав, как всегда. Моя надежда дрыгнула левой ногой и издохла, предоставив мне одной получать сомнительное удовольствие от выбора дальнейших действий. Я раздражённо передёрнула плечами и решительно зашагала вперёд. Серый догнал меня, улыбнулся.

– Ты разумна, Диночка.

Самый крутой его комплимент.

– Я это уже слышала, и, при том, не однажды, Сержик.

Грязь под ногами, именуемая полем, наконец-то закончилась. Начинался лес. Почва стала привычно упругой. Серж теперь шёл впереди. Я давно заметила, с какой лёгкостью наши сверстники уступают ему лидерство. Он прокладывал дорогу сквозь бурые заросли папоротника и крапивы. За ним гуськом, стараясь не отстать, тянулись я, Машка, Лера, Эдик. Дождь здесь почти не чувствовался. Я смотрела в спину своему будущему мужу и придумывала планы мщения, один чудеснее другого. Я занималась этим все последние восемнадцать лет нашего знакомства. По сути, в его обществе мне только это и оставалось. Я абсолютно точно знала, что ни один из них не решусь осуществить. В гневе Серый бывает страшен. Я имела счастливую возможность узнать это из первых рук. Счастливую, потому что в тот момент в центре его внимания находилась не я.

Постепенно деревья вокруг начинали редеть.

– Осторожнее, – бросил Серж, не оборачиваясь. – Болота...

Без него мы бы, конечно, этого не поняли.

Появились и быстро закончились заросли молодых и потому чрезвычайно болтливых дубков: за какие-нибудь четверть часа мы успели выслушать все лесные новости и сплетни. Мама утверждает, что деревья на самом деле должны быть другими – молчаливыми, с высокими стволами и круглыми ветвями, усыпанными какими-то «зелёными листочками». Не знаю, не видела. Ни того, ни другого. У нас такое не растёт. Да оно и к лучшему – тут своих проблем выше макушки, не хватало ещё с «листочками» разбираться.

Ноги стали увязать по шиколотку. Я старалась наступать только на следы Серого, потому что болота – не шутка. Неизвестно, кто в этой трясине водится. Оттяпает полноги, и дело с концом. Естественно, стоило подобной мысли забрести мне в голову, как за спиной раздался возглас Машки:

– Ой! Ой-ой-ой!

Мы с Серым развернулись почти одновременно. Машка замерла в двух-трёх шагах от меня в странной позе, наклонив голову и нетерпеливо шаря руками за спиной.

– Что случилось? – подскочил замыкавший наш маленький отряд Эдик.

– Не знаю, то ли укусил кто, то ли просто кольнуло, – словно оправдываясь, объясняла Машка.

– Зачем же так орать? – заметила я.

– Так больно же...

– Идти можешь? – спросил Серый.

– Наверное...

Серый раздражённо нахмурился. Правый глаз из карего превратился в чёрный. Я знала, что он чертовски осторожен, особенно когда не один. Если кому-то плохо, рисковать не станет, повернёт назад. С другой стороны, он терпеть не может неожиданностей, отвлекающих его от намеченной цели.

– Эдька, глянь, что у неё со спиной?

Эдик медленно провёл руками вдоль тела сестры. Он умел чувствовать и лечить чужую боль. «Цены нет такому соседу», – говорила мама. Это точно. Цены нет. Эдик был очень похож на Серого, недаром они друзья. Таких оценить просто невозможно.

Кстати, моя бабушка никогда у Эдика не лечилась, предпочитая собственные проверенные методы.

– Горячо, дурак, – дёрнулась Машка и тут же получила подзатыльник, судя по звуку, не очень-то серьёзный, но всё же заставивший её замолчать.

– Будешь огрызаться, отправлю домой одну, – предупредил Эдик. – Ничего у неё нет, Серый. Крыло неудачно сложила, вот нерв где-то и защемило. Говорил ведь ей – не одевай мешок, возьми корзинку, бестолковая! Кто его теперь понесёт? Я?

Машка не ответила, обиженно отвернулась и принялась перестёгивать ремни на мешке, чтобы удобнее было нести на плече. У неё на спине есть два маленьких пушистых крыла. Машка их под одеждой прячет. Говорит, мёрзнут сильно, несмотря на перья. И зудят. Растут, значит. «Как у ангела», – говорит мама. Летать наш «ангел» пока ещё не научилась, но, по-моему, это знаменательное событие было уже не за горами.

Мы двинулись дальше.

Петляющий путь, которым вёл нас Серый, довольно быстро начал вызывать у меня беспокойство.

– Я не знаю этих мест, Сержик, – в конце концов сказала я.

– Ну и что? – пожал он плечами, не оборачиваясь. – Ты много чего не знаешь.

– Это факт. И всё-таки, куда мы идём? Ты, часом, не заблудился?

– Не бойся, Дина. Я здесь прекрасно ориентируюсь.

Я не помню ни одной ситуации, в которой Серый бы растерял свою уверенность.

– Почему-то я знала, что ты так скажешь.

– Если знала, зачем спрашивала?

– Хотела удостовериться, что в мире есть нечто вечное.

Мой сарказм, естественно, не достиг цели. Серый умел игнорировать окружающих, но, кстати, терпеть не мог, когда игнорировали его.

У любой дороги имеется начало и конец. Наша заканчивалась в центре огромной поляны, залитой солнечным светом. Такой яркий свет я видела только два раза в год, в дни солнцестояния.

– Где мы? – спросила Лера, нервно оглядываясь.

– Непохоже, что здесь растёт ягода, – задумчиво проговорила Машка. Она скинула на землю мешок и растирала уставшее плечо.

– Это – наша с Серым тайна, – раздался из-за моей спины голос Эдика.

– Раз уж мы собираемся жить вместе, мы подумали, что должны с вами чем-нибудь поделиться.

– Интересно, а при чём, в таком случае, здесь Машка? — пробормотала я себе под нос. – Или вы собираетесь жить и с ней тоже?

Никто не обратил на меня внимания.

– Чем-нибудь? – переспросила Лера. – Это как понимать?

– Ну-у... – замялся Эдик, глянул на меня. – Мы просто хотим, чтобы вы поняли, что мы вам доверяем. Ведь это – тайна. Настоящая тайна, которую в общине никто знать не должен.

– В таком случае, вернёмся к началу. Где мы? – повторила Лера.

– В Сердце болот, – ответил Серж очень тихо, но отчетливо, так, что мы услышали каждое слово.

3

Всё чудесатее и чудесатее...

Алиса

– Не может быть! – ахнула Машка.

– Не кричи, – поморщился Сержик. – Они не любят шума.

– Они?

– Ну... болота... Они немножко живые.

– Только немножко? – съязвила я. Окружающий меня мир мне не нравился, он вызывал чувство беспричинного страха. Я злилась на Серого, потому что, уже увидев его на танке, поняла, что этот поход за ягодой вряд ли будет похож на предыдущие. Серый любил приключения. Особенно в моём обществе.

– Говорят, отсюда ещё никто не возвращался, – задумчиво сказала Лера. Спасибо, утешила.

– Глупости, – отрезал Эдик. – Мы с Серым здесь уже раз десять были и ничего, до сих пор живы-здоровы.

– Это никогда не поздно исправить, – ехидно заметила Машка. Я усмехнулась, Эдик нахмурился.

– Я рад, что ты пошла со мной, – сказал мне Сержик. – Здесь самая вкусная ягода во всём лесу. Ты такой ещё не ела.

– И ты, конечно, решил расширить мой кругозор. Уверена, эта прогулка – исключительно твоя идея.

– Моя, – самодовольно кивнул он. – Я хотел, чтобы ты перестала на меня дуться.

– Мне боязно, – призналась я, не обращая внимания на его слова. – Всё какое-то чужое... Земля твёрдая... Трава... зелёная?! Как в книжках. Только откуда? Бабушка говорила, что после Взрыва лес сильно изменился... Они ведь, когда в деревне обосновывались, обшарили его вдоль и поперек. И по болотам ходили...

Сержик ответить не успел – за спиной раздался удивлённый возглас Леры:

– Смотрите! Что это?

У неё на ладони лежало несколько маленьких розовых ягодок. Земляника. Не наша, желтоватая с толстыми белыми прожилками, а самая настоящая, как на старых картинках.

Машка осторожно подцепила длинным, загнутым как у птицы, ногтем одну ягодку с ладони Леры и сунула в рот.

– Ты что, с ума сошла? – крикнула я. – А вдруг её есть нельзя?!

– Вкусно, – улыбнулась Машка.

– Не волнуйся, Диночка, здесь всё съедобное, – заверил Серый.

Я ведь уже говорила, что самоуверенность – отличительная черта его характера?

– Пойдёмте дальше, – предложил Эдик. – Вам здесь понравится...

Это был совершенно чужой лес, наполненный незнакомыми запахами, звуками, красками. Особенно красками. Мы так и не привыкли к зелёной траве и цветам, пахнущим мёдом, к высоким деревьям, у которых не видно макушек, к сладкой воде из родника. К отсутствию дождя. К необыкновенно звонкому эху. У нас в общине ещё живы те, кто помнил время, когда весь мир был таким...

Уши внезапно заполнил звенящий грохот. Я вскинула голову. С неба что-то падало. Это что-то было объято пламенем. Хотелось убежать куда-нибудь, но я почему-то стояла на месте и смотрела на падающий огненный ком. Потом земля вздрогнула, а я потеряла равновесие и упала, хорошенько приложившись о нехстати подвернувшуюся корягу.

Гул и грохот исчез. Я ещё немного полежала, прислушиваясь. Когда падает такая жуткая горящая штукавина с неба, всегда начинается пожар, и я хотела знать, где именно он начался, чтобы понять, в какую сторону бежать...

Пожара не было. Я медленно поднялась, сделала несколько шагов, проверяя на прочность собственные ноги. Померещилось, что ли? Ничего себе – померещилось! Чуть не оглохла...

Второй раз я упала по собственной вине, споткнувшись о ту же корягу. Растянулась на зелёной траве, уткнувшись во что-то *металлическое*, замерла на мгновение, а когда подняла голову...

Он лежал, зарывшись носом в чёрную чужую землю среди изломанных, искореженных почти ощутимой болью деревьев. Корпус покрыт мхом и травой. Пустые дыры вместо окон.

– Ой, – тихо сказала за спиной Лера. – Что это?

– Самолёт, – ответила я. – На таких раньше люди летали по воздуху.

– Как птицы?

– Да. Смотри, вот крылья.

– Но они, наверное, тяжёлые, как же ими махать?

– Не знаю.

– Ты что-то путаешь, Дина.

– Нет, не путаю. Ты разве не помнишь? Нам Митяй картинки показывал.

Митяй (Дмитрий Альбертович) – один из бывших инженеров станции, а ныне деревенский механик и по совместительству наш учитель математики. Ему уже за восемьдесят перевалило, а память до сих пор лучше, чем у меня.

– Не помню, – с раскаянием сказала Лера. – Ты же знаешь, мы не любили учиться. Только ты... Но ты-то совсем другая.

– Спасибо за напоминание. Ты слышала шум?

– Слышала... Что это было?

– Сама бы хотела знать.

Мне на плечо легла тяжёлая ладонь Сержа. Я подпрыгнула от неожиданности.

– Я тебя потерял. Не уходи далеко, здесь можно заблудиться.

– Ещё один! Я, между прочим, не такая беспомощная, как всем вам кажется! – тут же вскинулась я.

– Сержик, Дина нашла... как, говоришь, эта штука называется?

– Самолёт, – повторила я и махнула рукой. Впрочем, удивить Серого мне не удалось.

– Знаю. Он свалился с неба ещё когда мы с Эдькой сюда впервые забрели.

– Что, прямо на ваших глазах?!

– Ага, – Серый зевнул.

– Но ты никогда об этом не рассказывал!

– А должен был?

– Ты ведь собираешься со мною жить!

– Собираюсь. А что, возникли какие-нибудь проблемы? – в его голосе послышалась угроза.

– Дина... – предостерегающе шепнула Лерка. Она немного побаивалась Серого. Не удивительно, его боялось полובщины. Время от времени к этой половине присоединялась и я.

– Мы здорово тогда спугались, – неохотно признался он. – Только что было всё в порядке, и вдруг – гул, грохот, словно второй Взрыв случился. Мы сначала не поняли ничего, наверх посмотрели, а там он. Падает. А

голову от людских криков аж надвое разрывает... Страшно... Удар был такой, что земля под ногами закачалась.

– Я хочу посмотреть...

– Нет. Мы с Эдькой туда лазали. Внутри всё выгорело. И ни одного трупа, как будто он пустой летел. Только оболочка и осталась. Ничего интересного.

– Но ведь кто-то же кричал?!

– Кричал, – согласился он. – А может, нам показалось.

Я знала, что с Сержем спорить бесполезно. Обидно, конечно, но лучше не надо. Я заглянула в его глаза. Левый – голубой, правый – карий. И никаких эмоций.

– Но разве так бывает?

– Почём я знаю. Бывает, наверное. Он на наших глазах уже четвёртый раз падает. Слышала шум?

– Угу.

– Только сегодня немножко тише было... Картинка повторяется, а звук убрали. Отец говорил, что раньше для этого какое-то специальное название было...

– Кино? – с надеждой спросила я. Я не знала что это такое, но слово помнила.

– Может быть, – пожал плечами Серый. – Смешное слово... Может быть... Земля полна чудес, Диночка.

– А Старшие думают, что их мир ушёл навсегда. Слушай, а что, если это совсем не так, если люди – те, другие – где-то рядом? Город...

Серж сжал моё плечо, наклонился и шепнул на ухо:

– Город мёртв.

– Ты-то откуда знаешь?

– Просто поверь мне на слово.

– А...

– Не вздумай что-нибудь выкинуть, моя красавица, – рука, сдавливающая плечо, сжалась сильнее. – Ты меня знаешь.

– Хорошо-хорошо... – если спорить дальше, можно ненароком лишиться некоторых частей тела. Серый кость сломает – не заметит.

– Обещай!

– Обещаю...

Клещи разжались. Я с облегчением почувствовала, как к плечу хлынула кровь.

– Ребя-а-а-та-а! – донеслось до нас из-за деревьев.

– Пошли, – сказала Лера. Для неё, так же, как и для Серого, этот вопрос был закрыт.

Мы собирали ягоду – знакомую и незнакомую. Последнюю Серж велел съесть сразу, сказал – болота всё равно не дадут вынести. Я подумала, что он просто хочет сохранить от Старших свой секрет. Возможно, он прав. Я не собиралась вмешиваться. В конце концов, мне с ним ещё жить вместе некоторое время. Некоторое... Всю жизнь.

Лера разожгла костёр, и мы зажарили тушку зайца, пойманного ребятами, закоптили среди остывающих угольков грибы и жёлуди. Заяц был похож на наших, домашних, только лапок у него было четыре, а вот таких красивых грибов, с большими белыми ножками и ярко-красными в крапинку шляпками, я раньше не видела. Наевшись, мы развалились в мягкой траве.

– Кажется, пора возвращаться, – нехотя сказал Эдик, глядя на темнеющее небо.

– Пора, – откликнулась Лера. Машка, лёжа на животе, тихо вздохнула.

– Как странно...

– Что, Диночка? – Серый перекатился на бок, ласково улыбнулся.

Ласково. Это было что-то новое. Обычно, видя его улыбку, я инстинктивно ожидала неприятностей. Похоже, даже на него подействовала чудная магия этого места.

– Про Сердце болот столько всего страшного рассказывали, а на самом деле всё оказалось не так. Выходит, Старшие нас обманывали? Они не видели его... *таким?*..

– Видели, моя красавица. Только действительно *не таким*. Болота... Я же говорю – они живые. Понравился человек – показали чудо, выпустили обратно, в мир. Не понравился – и сгинул навсегда. Старшие здесь чужие. Пережитки прошлого. Для них Сердце болот – гиблое место.

– А мы – свои?

– Свои... Даже ты. Лера, туши костёр, этот огонь только тебя слушается.

«Даже ты». Как я устала это слушать. *Другая.* Не такая, как они. Можно подумать, я могла выбирать.

Как только в рыжих глазах Леры исчезли последние отблески пламени, мир вокруг нас погрузился в темноту. Я поморгала, привыкая к внезапно наступившей ночи, и поняла, что чужой лес исчез, забрав с собой тёплое солнце и яркие краски. Шёл до противного знакомый мелкий дождь. Мы вернулись в болота.

– Все на месте? – раздался рядом голос Сержа. Его глаза яркими угольками светились в темноте. – Эдька?

– Погоди, Серый. Один совет напоследок, девочки. Общине лучше не знать, куда мы ходили. Не поверят, а если поверят, больше в лес не пустят. Договорились?

Мы что-то согласно промычали в ответ.

– Хорошо. Теперь можно идти.

– Не отставайте, – предупредил Серый. Нащупал мою руку. – Не вырывайся, Диночка. У меня нет желания искать себе новую жену.

Я хмыкнула, но промолчала. Начиная привыкать к его заботе.

Мы снова долго петляли по лесу, увязая почти по колено в топкой почве. В темноте я видела гораздо хуже, чем мои спутники. Несколько раз оступалась, падала в трясину и, если бы не крепкая хватка Серого, вполне могла бы там и остаться... Машка, в очередной раз помогая вытаскивать меня из болота, ударилась спиной о дерево и повредила крыло. Эдик,

тащивший её мешок, тихо ругался, глядя, как в всплеске пламени, рождённом Лерой, сгорает злополучная осинка... Мы шли и шли, и мне начинало казаться, что этому походу не будет конца.

Я, конечно, оказалась не права. Закончились болота, потом закончился лес. Светало. На башне танка сидел Марик, Машкин ровесник и друг. Увидев нас, он подскочил и радостно, на все поле, завопил:

– Вернулись! Вернулись!

Потом сосредоточенно замолчал, – наверное, звал кого-то. Кого? Зачем? Мы в недоумении переглянулись.

– Чего орёшь? – спросил Эдик, придирчиво оглядывая свой костюм. Как всегда, на нём не было ни пылинки. Как будто по болотам ходил не он, а его тень.

– Как чего? – обиженно спросил Марик. – Вас уже вся община ищет. Лес прочесали, реку... Только что в болота не ныряли!

«А надо было», – подумала я.

– Что, одного дня без нас прожить не можете? – ехидно поинтересовалась Машка, явно напрашиваясь на комплимент.

– Одного?! А четырёх не хочешь?

Мы хором охнули. Нет, не хором. Эдик с Серым промолчали. Хорошо, наверное, иметь крепкие нервы.

– Ну ладно, четыре... Всё равно, чего орать? – пожал плечами Серж. – Ты же телепат, Марик. Надо было просто позвать...

– Я звал. Аж голова разболелась! Да только вы как сквозь землю провалились!

Он даже не представлял, насколько был близок к истине.

4

*Женщине спокойно жить
мешают два обстоятельства:
муж и ещё раз муж.*

Женщина

– Здравствуй, – сказала я, ласково похлопывая по чёрному стволу дуба. Его плоские и тонкие, как книжные страницы, ветви склонились к моему лицу в ответном приветствии. – Скучал?

Я поплотнее притянула к поясу корзинку и двинулась вокруг дуба, осторожно стряхивая в неё бурые жёлуди размером с мою ладонь. Дуб развлекал меня смешными историями, я смеялась и следила за тем, чтобы не повредить хрупкие ветки.

– Приходи теперь дня через три, не раньше, – проскрипел он напоследок.

– Обязательно. Спасибо, – я погладила протянутую мне ветку. Ритуал выполнен, можно отправляться дальше.

– Э-ге-ге, – раздалось за моей спиной. – Диночка, дружок, что это ты здесь делаешь?

Говорят же, что у лжи короткие ноги. У моей, похоже, их и вовсе не было от рождения.

Я медленно повернулась, одновременно ощупывая ступнями мягкую болотистую почву. Не хватает ещё куда-нибудь провалиться у него на глазах!..

– Сержик, дружок, – сказала я, стараясь наиболее точно воспроизвести его интонацию, – если мне не изменяет память, лес никому не принадлежит, а ты мне не родич, чтобы я давала тебе отчёт...

– *Пока* не родич, – напомнил он и вкрадчиво осведомился: – Ты, никак, в путешествие собралась?

Я вспомнила, что Серый в гневе бывает страшен, и, к тому же, умеет читать чужие мысли, а потому решила не отрицать очевидного. Правда, это очевидное резко отличалось от того, что я сказала маме.

– Вот ещё... Просто к тётке хочу сходить, – махнула я рукой. От напряжённых попыток сохранить перед мысленным взором образ волосатой толстой тёти Тины у меня тут же разболелась голова.

– К тётке... – протянул Серый, прикрыл правый, карий глаз и небрежно ткнул пальцем мне в бок. – А жёлуди – это, конечно, гостинец от мамы?

– Ага, – согласилась я.

– М-м... По-моему, тебе чего-то не хватает для поддержания образа.

– Чего? – спросила я подозрительно, ожидая подвоха.

– Красной шапочки.

Сказка была из тех, что Серый в детстве слушал с необычайным вниманием. Уверена, его любимым героем был волк. Попрощавшись с образом тёти Тины, я рискнула сменить тактику. Как говорит мама, лучшее средство защиты – это нападение.

– А что здесь делаешь *ты*? Если мне не изменяет память, ты собирался на охоту! У тебя свидание?!

Если я хотела его насмешить, то мне это удалось. К сожалению, именно эту цель я не преследовала. Серый захохотал, громко, от всей души. Потом внезапно оборвал смех. Я поняла, что с нападением, как и с враньем, у меня тоже получилось не очень.

– Ты постоянно впутываешься в неприятности, Диночка...

– Я?! – Я задохнулась от возмущения.

– Ты. А у меня...

– А не ты ли впутываешь меня в эти самые неприятности?!

Он, как всегда, пропустил мои слова мимо ушей.

– ...нет желания искать себе новую подругу, поэтому...

Уж в чём в чём, а в этом утверждении он постоянен. Мы с Сержем выросли вместе и, сколько я помню, он всегда охранял меня как свою собственность. Поначалу я над этим не задумывалась, а когда задумалась, что-либо изменить было мне уже не под силу. Я, конечно, раздражалась, но Серого мои эмоции совершенно не волновали.

– ...окончен. Мы возвращаемся домой.

Если я что-то и пропустила из его слов, то, видимо, что-то незначительное. Ход его мыслей был мне абсолютно ясен. Последняя

жалкая попытка предпринималась мною уже скорее от отчаяния, нежели от уверенности в успехе.

– Сержик, ну пожалуйста, ну что тебе стоит... Я только хочу немного прогуляться... Не будешь же ты вечно за мной следить... Твои же дружки тебя и засмеют... Ну пожалуйста...

– Ты становишься такой покладистой, когда чего-то хочешь, – усмехнулся Серый голубым, как небо, левым глазом. Я обиженно поджала губы.

– Я уже и маму предупредила...

– Предупредила! Наврала с три короба!

Что было, то было. К счастью, он не знал, *что именно* я ей наврала...

– Так ты, значит, в Город подалась, моя красавица?

Вот вам и вся конспирация. Нет, определённо, сегодня не мой день.

– Ты обещал, что не будешь ни в чём меня ограничивать, – напомнила я мрачно. Это не было шантажом. Шантажировать Серого – всё равно, что кидаться на танк с лопатой.

– Я *обещал*? Наверное, тебе приснилось.

Наверное. В кошмарном сне.

– Знаешь, почему я не удивлена?

– Не знаю, – хмыкнул Серый. – Почему?

– Потому что ничего другого от тебя ждать не приходится!

Я с трудом выбиралась из зарослей, ступая по своим же, ещё не окончательно исчезнувшим следам.

– Помнится, и *ты* мне кое-что обещала, Диночка, – сказал Серый, легко передвигаясь рядом. Он не боялся леса, словно знал все его тайны. Впрочем, мне казалось, что он вообще ничего не боится.

– Что именно?

– Ты обещала не ходить в Город.

– Тебе приснилось, – отрезала я.

– Думаешь?

Я не стала спорить. Мало ли что он мне в ответ может предъявить.

Пока я размышляла на эту тему, Серж пришёл к решению.

– Знаешь, Диночка, чтобы ты не считала меня тираном, предлагаю тебе отправиться в Город вместе. Если только, – я почувствовала, как изменилось его поведение, – ты, радость моя, не собиралась куда-нибудь ещё...

– Ты ревнуешь?

Последний вопрос был лишним. Ревнивец Серого я во всей общине не встречала. Ревнивец и неуравновешеннее. Он выходил из себя по любому поводу.

– Ты думаешь?

Серый резко остановился, схватил меня за руку, развернул к себе. Я увидела, как его глаза наливались кровью.

Почва под ногами начала проседать. В большой палец впилось что-то острое. Я ойкнула. Серж отпустил меня, выругался и зашагал дальше, не оборачиваясь. Я шла следом, растирала руку и придумывала планы

мщения. Как я уже упоминала, это было моё любимое занятие. Правда, с реализацией планов пока туговато.

Мы обогнули болото по краю (длинный путь, зато без приключений) и оказались на лесной дороге, пересекавшей лес с востока на запад. Дорога угадывалась с трудом. Земля поросла густой бурой травой. Кое-где тропу перегораживали сухие стволы огромных деревьев. Наверное, их снесло первыми ураганами, последовавшими за Взрывом. Дорога терялась где-то в глубине леса, но бабушка говорила, что, следуя по ней, можно оказаться в Городе.

– Она заканчивается у Города, – повторил мои мысли Серый.

– Ты был там?! – догадалась я.

Он помолчал, потом махнул шестипалой рукой на запад.

– Был, Диночка. Дважды.

– И ты от меня скрывал?!

– Ну-у... Вообще-то, я как раз собирался предложить тебе туда прогуляться. Ты меня опередила.

Я не кинулась на него с кулаками только потому, что быстро соображаю. Достаточно быстро для того, чтобы понять, насколько бесполезным занятием являются подобные упражнения. Посчитала в уме до десяти, глубоко вздохнула и спросила:

– В общине никто не знает?

– Нет, конечно. Узнали бы, представляешь, какой разразился бы скандал?

Это точно. Старшие считают, что пока работает Реактор, возвращение в Город невозможно. Им, конечно, виднее, сами его строили. А мы в этом не разбираемся, да и не очень-то стремимся разобраться. К чему? Их мир всё равно для нас потерян. Что касается Реактора, то останавливать его некому. Все «спецы» (мамино словечко) или погибли при Взрыве, или умерли от полученной во время ликвидации аварии дозы радиации.

– Ты не передумала, моя красавица?

Я сделала вид, что не услышала издёвки в его голосе.

– Нет, мой красавец, не передумала.

Если отступлю сейчас, он мне потом всю жизнь будет напоминать эту дорогу.

– В общине скажем, что ходили в домик лесника. Никто не станет интересоваться подробностями.

Собственно, именно это я и сказала маме. Ну, что я и Сержик решили немного побыть вдвоем. Домик лесника – любимое место встреч молодых парочек. Далекое, тихо и без свидетелей. Мама ещё обрадовалась, решила, что у нас налаживаются отношения. Как же! Я-то наивно верила, что Серый ушёл на охоту!

– Мне всё равно... Минуточку! А что ты говорил раньше? Когда ходил в Город без меня?

– Ты ревнуешь, Диночка?

– Ты думаешь, Сержик?

Он со смехом поднял вверх обе руки.

– Будем считать, что мы в расчёте.

Серый достал из сапога широкий длинный нож и зашагал по дороге. Я последовала его примеру.

Солнце было уже высоко над головой, когда мы, наконец, остановились. Серый снял с пояса жестяную флягу с водой (в общине только у него была такая, все остальные носили воду в выдолбленных желудях), сделал один большой глоток и протянул флягу мне. Я молча покачала головой – вода у меня была своя – и огляделась.

– Похоже, жёлуди придётся есть сырыми. Вряд ли здесь стоит разводить огонь.

– Ты разумна, – лениво улыбнулся Серый. – Впрочем, прежде чем разговаривать с твоей матерью, я это выяснил.

– Не сомневаюсь, – заметила я, раскалывая ножом скорлупу. Как и предупреждал дуб, жёлуди были ещё не совсем зрелые. Но выбирать особо не приходилось – в деревне с едой было неважно. Сказывались весенние дожди, от которых земля на грядках покрывалась жёлтой коркой.

– Зачем ты ходил в Город? – спросила я, протягивая Серому очищенный орех. Он взял его с таким видом, будто делал это ежедневно.

– Любопытство.

Черта, совершенно не присущая всему нашему поколению.

– Любопытство? – в сомнении переспросила я.

– Да, – отрезал Серый. Распространяться на данную тему он явно не собирался. – А ты зачем?

Я хотела найти людей или увидеть Реактор. По обстоятельствам. Но говорить это Серому я, конечно, не стану.

– Любопытство.

Он хмыкнул, а я подумала, что с его появлением над моей затеей нависла бо-ольшая туча. Хорошо бы избавиться... Но как?

– Расскажи мне про Город, – попросила я.

– Там много интересного, – Серый закрыл глаза, вспоминая. Со стороны казалось, что он полностью расслабился, но я знала – это очень обманчивое впечатление. – Дома... Большие! Ты таких и не видела. Дорога... жёсткая... другая.

– Асфальт, наверное, – предположила я. – Серый такой, ровный... Бабушка рассказывала.

– Наверное, – нехотя согласился Серж. Неприятно, что кто-то знает то, чего не знает он. – Дома все пустые, я проверял. Вещей много оставлено... Только они уже негодные. Взрыв ведь давно был.

– Давно.

– Почему люди ушли?

Я пожала плечами. Глупый вопрос. Ответ на него известен даже младенцам в общине.

– Радиация.

– Радиация... что это такое? Ты её видела? – Серый внезапно и без видимой причины разозлился. Впрочем, в этом не было ничего оригинального – злился он чаще всего именно *без* видимой причины.

– Нет, не видела. Ты же знаешь, что это невозможно. И не заводишь. Когда ты такой, ты становишься некрасивым.

– Да?

– Да.

Он заразительно рассмеялся, открыл глаза.

– Я не боюсь радиации.

– Знаю.

Бояться того, чего не видишь, могут только Старшие. Наверное, потому что они, в отличие от нас, понимают, о чём идет речь.

– Отдохнула? Пойдём дальше?

– Погоди, – у меня в голове внезапно появилась одна идея. – Мне надо... отлучиться...

Я огляделась и шмыгнула в придорожные кусты.

– Не уходи далеко, – крикнул в спину Серый.

Я и не собиралась. Сон-трава обычно растёт вдоль обочин.

– Пойдём, – сказала я через пару минут, успев осуществить всё задуманное и кое-что сверх программы.

Серый вылез из соседних кустов, одёргивая на ходу куртку.

– Пойдём, моя красавица.

Он был хорошим попутчиком. Не тратил силы и внимание на пустые разговоры, не торопил меня, но и расслабляться не давал. Он казался удивительно надёжным и сильным, а это раздражало.

– Устала? – спросил Серый, перепрыгивая через очередной полусгнивший ствол.

– Нет, – ответила я, перебираясь следом, пусть менее грациозно, зато без посторонней помощи. – Далеко ещё?

– Если поторопимся, ночевать будем в Городе.

Я машинально взглянула на небо и вздохнула. А если не поторопимся? Мы двигались на запад вслед за солнцем, которое пока не собиралось садиться. Но признаться, что устала? Ни за что!

Я не заметила, как Серый метнул нож. Собственно говоря, я и опасности не заметила. Из кустов на дорогу вывалилась громадная туша с торчащей из груди рукояткой ножа.

– Что это? – спросила я подозрительно спокойным голосом.

– Испугалась? – Серый склонился над тушей, легко выдернул нож и обернулся ко мне. – Испугалась?

– Не успела, – честно призналась я, подходя ближе.

– Это – медведь, – гордо пояснил он, вытирая нож о траву. – Говорят, раньше встретиться один на один с медведем мог только *очень смелый* охотник.

– Не может быть! – Я проигнорировала его намёк на собственную храбрость. – Я читала про медведей. Они огромные, очень сильные и злые.

– Этот тоже не маленький, – заметил Серый. – А насчёт характера, пожалуй, уже поздно выяснять.

– Но... ты убил его одним ударом!.. Разве такое возможно?!..

– Как видишь, – Серый пожал плечами. Потом улыбнулся и соизволил дать разъяснения: – Я уже охотился на них раньше, когда думал, что их можно есть. Наверное, до Взрыва медведи и вправду были одними из самых опасных обитателей леса. Только сейчас их место занял я. Я сильнее, быстрее, и я *никогда* (ты же знаешь) не промахиваюсь. А после удара в сердце ещё никто не оживал.

Туша на земле дёрнулась. Я вздрогнула и отскочила назад. Хорошо ещё, что не закричала – опозорилась бы на всю жизнь.

– После смерти так бывает, – спокойно заметил Серый, направляясь дальше.

– Зачем же ты его убил, если его есть нельзя? – спросила я, обходя тушу стороной, чтобы догнать Серого.

– Иначе бы он убил *нас*, – не оборачиваясь ответил мой будущий родич. – Нас-то есть можно...

– Но медведи не едят мясо!

– Да? Не знаю, до Взрыва может быть и не ели...

Я не стала спорить. В конце концов, он охотник, ему виднее.

Небо потихоньку темнело, окрашивалось на востоке в синее. Мама говорит, что небо – единственное, что совершенно не изменилось за последнюю тысячу лет. Это удивительно, особенно, если вспомнить, сколько усилий приложил человек для достижения обратного эффекта.

– Смотри – Город! – сказал Серый, протягивая вперёд руку. В просветах редколесья виднелись огромные строения непривычных форм. – Мы пришли.

Это и дубу было понятно.

5

Большой город – большое одиночество.

Маленький город – ?..

К встрече с Городом я была готова, пожалуй, лучше любого другого в деревне. С детства я слушала бабушкины рассказы о его непонятных чудесах.

Когда-то Город начинался с кирпичных одно- и двухэтажных домиков – «коттеджей». Они были окружены палисадниками с цветами и фруктовыми деревьями. В центре дома были другими – высокие «небоскрёбы» из стекла и бетона. Дороги – широкие и ровные, как лёд. И по ним ездили «машины». Дома украшались разноцветными вывесками. Людей в Городе было много, так много, что остаться одному на улице было почти невозможно.

– Пойдём? — полуспросил, полуприказал Серый.

– Я боюсь, – внезапно призналась я. И предупредила: – Не вздумай надо мной смеяться.

– Я и не собирался, – он пожал плечами. – Это ведь как прогулка по кладбищу. Всё давно уже умерло, но ещё живет. Мне тоже страшно, хотя я и прихожу сюда в третий раз.

– Ты будешь моим экскурсоводом, – решила я и зашагала к неприветливой серой массе, окутанной красноватыми бликами уходящего дня.

– Кем? – удивлённо переспросил Серый.

– Эк-скур-со-во-дом, – по слогам продиктовала я. – Это такие люди, которые водят других людей по незнакомым местам и всё им рассказывают. – Я понимала, что моё объяснение на правду смахивает весьма отдалённо, но более точное определение, которое слышала от бабушки, повторить сейчас не смогла.

– Ладно, – гордо согласился Серый. – А что бы ты хотела посмотреть в первую очередь?

– Всё! – заявила я.

Мы шли по широкой улице. Справа и слева – полуразрушенные строения, у основания покрытые толстым ковром мха. Бетонная дорога в трещинах, сквозь которые пробивается редкая ядовито-оранжевая трава. Я наклонилась, сорвала одну травинку и почувствовала, как по руке побежала струйка крови – порезала палец.

– Осторожнее, – запоздало предупредил Серый. – Некоторые ещё и кусаются...

– Ночевать будем тут, – объявил он чуть позже, показывая рукой на тёмный двухэтажный дом. – Безопасно.

Внутри было прохладно. Серый взял меня за руку и уверенно повёл куда-то.

– Ступеньки... Поворот... Пригни голову...

Я хотела возмутиться – нечего обращаться со мной как с младенцем, я прекрасно вижу в темноте (конечно, гораздо хуже, чем он), но промолчала. Мама говорит, что мужчинам иногда нравится чувствовать себя защитниками.

Комната была большой, как и всё вокруг. В два ряда вдоль стен стояли низкие, судя по размерам, детские, кровати. На полу валялась кукла. Когда-то у меня была точно такая же. Мама сберегла, когда с родителями из Города уходила.

– Ложись, – сказал Серый, махнув в сторону кроватей. – Я первым подежурю, потом разбужу.

Я думала, что не смогу заснуть – слишком много впечатлений набралось за один день, но сон пришёл сразу, окатил тёплой тяжёлой волной и отступил, подчиняясь требовательному голосу Серого:

– Дина! Дина! Вставай!

Я открыла глаза. В пустом проёме окна виднелось чуть посветлевшее на горизонте небо.

– Уже утро? Чего же ты меня не разбудил?

– Это Реактор. До рассвета ещё как минимум три часа, мне хватит, чтобы выспаться.

Реактор. Надо запомнить, в какой он стороне.

Я встала, и Серый тут же занял моё место, отвернулся к стене и мгновенно заснул. Я прошлась по комнате, разминая затёкшие ноги. У дальней стены стояли низкие шкафчики с покосившимися дверцами. Я потянула за единственную сохранившуюся ручку и замерла в удивлении.

Там было три полки, доверху набитые книгами. Я села на пол, вытащила одну книжку и почувствовала, как задрожали руки. Это было настоящее *богатство*.

...Кто-то положил руку мне на плечо. Я подпрыгнула от неожиданности, напрочь забыв про нож, Серого и прочие средства защиты, имеющиеся в моём распоряжении.

– Диночка, радость моя, разве можно так увлекаться?

Серый стоял рядом, довольный собой и окружающим миром.

– Ты напугал меня до смерти, – сказала я после того, как почувствовала, что дыхание моё пришло в норму. И вдруг заметила, что в комнате было совсем светло. – Уже день?

– Ты забыла меня разбудить. Если бы у меня не было так развито чувство времени, то...

– Всё-всё, я поняла. А ты знал, что здесь есть книги?

– Знал. Тебе понравилось?

– Да...

Он кивнул.

– Я так и думал. Ты – единственная из нас, кто *до такой степени* любит *читать*. Пойдём.

Город заворазживал. Здесь почти ничего не было от нового мира – ни низкорослых деревьев-шепунов, ни мелких, больно кусающихся мошек, ни мягкой болотистой почвы – ничего... Только редкая трава, тишина и ветер.

Дома действительно оказались большими, очень большими. Те, что устояли во время Взрыва, а таких было немного. В окнах кое-где сохранились стёкла. Штукатурка осыпалась и выцветшими пятнами украшала землю вокруг.

– Зайдём? – спросила я, кивая в сторону ближайшего подъезда.

– Не сюда. Здесь нет ничего интересного. Вот дальше...

Я поверила на слово. Серый был в городе раньше, значит, знает.

Мы шли и шли. Переулки, усыпанные мусором; гулкие пустые дворы; магазины, заваленные полусгнившими вещами, которые уже никогда никому не пригодятся. В одном из них я нашла хороший нож – лучше, чем у Серого. В широком лезвии отражался мир. Первоклассная сталь, и время её не берёт. У нас такой уже не делают. Немного подумала, и отдала Сержику – ему нужнее.

Большинство вещей было изгрызено крысами. Книг я больше не находила. Я не понимала, почему крысы обошли стороной тот, первый

дом. От них даже у нас в деревне трудно избавиться, что уж говорить о месте, где с ними и бороться некому.

Самих крыс мы не видели. Серый сказал, что они живут в подвалах, поэтому в подвалы мы не пойдём.

– Если нападут стаей – не отобьёмся.

Я знала, что он прав. Крыс побаивалась даже Лера, а она могла поджигать вещи взглядом.

К метро мы вышли случайно. Серый, конечно же, не знал, что это такое. Думал – очередной подвал или бомбоубежище, но я поняла сразу. «Метро»... Это была моя любимая история о прошлой жизни. Наверное, потому что я плохо её понимала, а непонятное всегда притягивает.

– Пойдём! – умоляюще сказала я. – Пожалуйста, Сержик! Это – самое настоящее метро! И если его не засыпало...

– Нет, Дина, там могут быть крысы.

Но я не слушала его. Я спускалась по ступенькам и чувствовала, как со всех сторон на меня накатывает темнота, прохлада и запах... Вряд ли это можно передать словами.

Серый всё-таки пошёл следом. То ли любопытство потянуло, то ли побоялся, что овдовеет, не успев жениться.

Огромное тёмное помещение, заставленное пыльными ржавыми железными ящиками странной формы. Дальше – узкие лестницы, перегороденные перилами. Мама говорила, что такие лестницы ездили сами. Нужно было только встать на ступеньку и ждать, пока она отвезёт тебя вниз или поднимет наверх. Кажется, это называлось...

– ...скаматор... калотор... О! Эскалатор!

– Что-что? – переспросил Сержик, услышав мой возглас.

– Это называется «эскалатор»! — гордо провозгласила я и выругалась, споткнувшись в темноте.

– Аккуратнее, Дина. – Сержик успел поймать меня за плечо и вернуть в вертикальное положение.

Мы спускались всё глубже и глубже под землю. Я замёрзла, но возвращаться назад не хотела и потому не жаловалась. К запаху я привыкла быстро. А Серый заметил:

– Чем-то пахнет. Незнакомым...

– Метро... – сказала я, словно это всё объясняло. – Здесь всегда так было.

В конце концов, спуск закончился. В подземелье было темно, хоть глаз выколи, и пусто. Гулкое эхо вторило нашему разговору. Сделав шаг, я врезалась носом в стену.

– Я же сказал, аккуратнее, – прошипел мне в спину Серый. Он почему-то перешёл на шёпот. Потом взял мою руку. – Не вздумай вырываться, Дина.

Я и не думала. Убедившись, что нос цел и невредим, я оцупала руками сразившее меня препятствие. Стена была холодной и... круглой. Глаза привыкли к темноте, и я осмотрелась.

– Это называется «платформа».

Потолок подпирали огромные колонны. Каменный пол был усеян кусками штукатурки и стекла.

– Пусти, Сержик. Я уже хорошо вижу.

Для разнообразия он почему-то мне поверил и разжал пальцы.

– Здесь ходили поезда, – я подошла к краю платформы. Внизу сквозь темноту проглядывали две стальные полосы. Когда-то они блестели, отполированные колёсами вагонов, а потом, после Взрыва, движение остановилось, и рельсы покрылись ржавчиной и пылью. – Такие тележки с крышами...

– Я помню. В учебнике по математике были картинки. А ты много знаешь, – чуть раздражённо заметил Серж.

Я спрыгнула с платформы.

– Это всё бабка. Она боялась, что её мир уйдёт в прошлое. Собственно, именно это и произошло, только она никак не хотела с этим мириться. Знаешь, странно, что здесь так много всего сохранилось. Мама считает, что Город – это куча развалин. Говорит, природа не терпит пустоты и быстро заполняет чем-то новым освободившееся пространство. Раз человек ушёл, то обязательно должно прийти что-нибудь другое.

– Крысы...

– Нет, Сержик. Крысы – это продукт эволюции. Они не виноваты, что лучше нас приспособились к новой жизни. Я имела ввиду... ну, например, что лес поглотит Город или...

– Я не знаю, что такое «эволюция». Крысы идут, Дина.

Я подняла голову и не увидела, а почувствовала напряжение во всём его теле.

– Где?

Серый повернул голову вправо.

– Там, – он махнул рукой, и тогда я тоже услышала пока ещё далёкий скрежет сотен коготков.

– Ой... – только и смогла сказать я.

Серый наклонился и протянул мне руку.

– Отсюда пора сматываться, моя красавица.

Я в одно мгновение оказалась рядом с ним, больно ударившись коленками о край платформы. Скрежет коготков теперь стал более отчётливым. Мы побежали.

Путь вверх оказался почему-то намного длиннее. В какой-то момент я почувствовала, что на спину упало что-то тяжёлое и живое. Резко крутанулась, сбрасывая с себя крысиную тушку, и увидела...

Это было похоже на речной поток. Тёмная масса, вырываясь из тоннеля, текла к эскалатору, разбивалась у поручней на рукава и поднималась по ступенькам, догоняя и обгоняя нас. Я на мгновение замерла, парализованная страхом.

– Не останавливайся! – крикнул Серый. Он бежал по соседней лестнице. – Если они отрежут нас от входа, мы пропали!

Пропали! Не то слово! Сожрут в два счета.

Мы почти успели. До последней лестницы оставался какой-нибудь десяток шагов, когда крысы взяли нас в кольцо. Большие, размером с приличную кошку, они смотрели на нас красными глазками-бусинками и, наверное, прикидывали в уме, кому сколько достанется.

– Бей по носу, – негромко сказал Серый. – Со всей силы. Береги шею. Помни, главное – выйти на свет. Укусы потом заживут.

В левой руке он держал нож, который я ему подарила. Я в который раз пожалела, что не умею поджигать взглядом. И вообще...

Они кинулись на нас все разом. Я очень хотела испугаться, но не могла. Чувствуя, как рвётся моя одежда, как в тело вонзаются острые зубы, как мой нож с противным хрустом входит в тела крыс, я ощущала только раздражение из-за того, что мне испортили чудесную прогулку.

А потом всё закончилось. Мы сидели у входа в метро. Светило чуть красноватое солнце. Было тепло, тихо и непривычно спокойно.

– П-почему т-ты в кота не превратился, – с трудом выговорила я, пытаясь отдышаться.

– Потому что пока бы я перевоплотился, да пока сознание восстановил и сообразил, что к чему, крысы бы уже тебя дожевали, – охотно пояснил Серый. – И потом, чтобы здесь мог сделать один, пусть даже лесной, кот? Ты видела, сколько их было?

Я видела. В кои-то веки Серый подробно ответил на мой вопрос, а я не знала, стоит ли этому радоваться.

– Испортили такой день...

Серый хрипло рассмеялся.

– Я тебя предупреждал.

– А почему они не пошли за нами?

– Потому что не видят на свету. Глазные нервы атрофированы. И вообще, они открытое пространство не любят. Даже ночью на улицы редко выходят.

– «Атрофированы»... Какие ты слова знаешь!

– У тебя учусь.

– Я есть хочу.

– А у тебя крепкие нервы, моя красавица.

– Подозреваю, что и это ты выяснил заранее.

Он снова рассмеялся.

– Сколько лет мы знакомы, Дина?

– Восемнадцать, если мне не изменяет память. С моего рождения.

– Было бы странно, если бы за такой срок я выяснил только цвет твоих глаз.

– Да? А кстати, – я зажмурилась, – какого цвета у меня глаза?

– Серого, – не задумываясь, ответил он. – А насчет обеда есть одна идея. Пойдём!

– Куда?

Серж встал и протянул мне руку.

– Туда, где много еды.

6

*Что может быть обидней,
чем банка сгущёнки?*

Рекламный агент

Искусанные крысами ноги горели, но идти было можно. Правая рука онемела. Серый выдавил из глубокой раны побольше крови, чтобы заразы в организме не осталось, и туго перетянул лоскутом моей же рубашки. Сам он выглядел примерно также, но уверенно держался на ногах.

– Промыть бы укусы, – сказала я, с трудом поднимаясь.

– Они не ядовитые, – заверил Сержик. – Да и где ж здесь нужные травы возьмёшь? Авось обойдётся. Не в первый раз.

– Главное, чтобы не в последний.

– Не будь занудой. Помнится, ты хотела приключений. Вот и наслаждайся.

Через полчаса блужданий по лабиринтам незнакомых улиц, когда мне стало казаться, что Серый просто-напросто заблудился и боится в этом признаться, мы остановились у тяжёлой железной двери. Бомбоубежище. Когда ждали войны, такие строили в каждом дворе. Только война так и не успела начаться.

– Не пойду! – заявила я и на всякий случай отступила на пару шагов. – Крыс сегодня я уже видела.

– Там нет крыс.

Серый сказал это таким тоном, что мне сразу же захотелось ему поверить, но я не поддалась минутной слабости.

– Почему? – спросила я подозрительно.

– Не знаю, Диночка. Но я говорю правду. Крыс там нет. Я что, похож на самоубийцу? Между прочим, это *ты* полезла в...

– Всё-всё, верю, – сказала я поспешно. Не люблю, когда мне напоминают о собственной глупости.

Серый вставил нож в тонкую щель между дверными створками, и одна из них легко ушла в стену. Я вздохнула и шагнула за Серым в темноту.

Внизу оказалось довольно большое и очень холодное помещение, заваленное деревянными ящиками и пластиковыми упаковками. На полу у входа среди стружки и обёрточной бумаги валялись открытые пустые банки.

– Я ел, – сказал Серый, кивая на мусор. – Когда последний раз приходил в Город. Раньше я об этом складе не знал.

– Это съедобно? – Я ткнула пальцем в коробки.

– Угу.

– До сих пор?

– Это же военные запасы. На века делались.

Серый подошёл к полке у стены. Я услышала, как рвётся упаковка.

– Держи. – Он протянул мне жестяную банку, покрытую толстым слоем масла. – Открывай ножом. Сможешь?

– Смогу.

Когда-то у нас дома было полно консервов.

Мой дед был человеком прозорливым, недаром Совет возглавлял. После Взрыва, когда оставшиеся в живых люди беспорядочно рванули из Города, он вывез свою семью очень даже организованно. Сюда, в деревню. А когда начался голод, уговорил мужиков из тех, кто ещё на ногах мог стоять, таскать продукты из городских армейских запасов. Женщины поначалу ругались, потому что радиации боялись больше, чем голода. А дед сказал, что он от своей дозы облучения уже давно помереть должен был. Не помер, значит, не судьба. Беда общая, детей нужно спасать, иначе конец всему. И пошёл с первой группой в набег на продуктовые склады. Получилось, что те, кто не умер от радиации, выжил на радиоактивных консервах. И моя мать в том числе.

В банке, которую дал мне Сержик, оказалось тушёное мясо. Есть пришлось руками. Большие сочные солёные куски таяли во рту, напоминая о детстве. Соус тёк по пальцам, падая на пол жирными уродливыми кляксами.

– Мы похожи на варваров, – заметила я, отыскивая среди бесчисленных коробок хоть что-нибудь, отдалённо напоминающее воду.

– Варвары? – Серый напрягся, пытаясь открыть какой-то ящик. – Кто такие?

– Варвары – это германские племена, разрушившие великую Римскую цивилизацию.

– Ну-у, сравнила! Когда произошёл Взрыв, большинства из нас ещё и на свете не было. Этот мир разрушился сам по себе. Мы только доедаем то, что осталось. Держи.

В протянутой им банке был компот из фруктов.

Серый ел быстро и много. Его не интересовал вкус мяса или сгущёнки – он хотел насытиться. И до Римской цивилизации ему не было никакого дела. Мужчина... Охотник. Потребитель, как говорит мама.

Наевшись, мы ещё долго сидели молча. Мне хотелось спать, но оставаться в этом подземелье было страшновато.

– А всё-таки, почему здесь нет крыс? – спросила я, пытаясь не зевать.

– Какая разница, Диночка? – Серый поднялся, потянулся. – Пора выбираться отсюда. Когда сядет солнце, мы должны быть в том доме, где ночевали вчера. Я не знаю здесь других безопасных мест.

Солнце действительно садилось. Как быстро пролетел день...

– Слушай, Сержик! Раз здесь столько еды, то почему бы нам не захватить немного в деревню? С голоду ведь помрём до следующего урожая!

– Не помрём, – уверенно и как-то лениво ответил он. – Не впервой. И потом... Ты же знаешь, что наши ничего городского есть не будут. Отвыкли уже. И бояться. Не боялись бы – из Города столько всего можно

было бы домой принести... Здесь ведь и оружие есть... Только поискать надо... Сами не ходят, и нам не разрешают!

Серый опять начинал злиться.

– Ну ничего, скоро всё изменится... Скоро...

Я догадывалась, что он имел ввиду. Уже не в первый раз я слышала среди молодёжи недовольные реплики в адрес Старших. У молодых пока не было лидера... Пока. Серый – прирождённый вожак. Я чувствовала, что момент прощания со старыми порядками уже не за горами. Только вот я не знала, к добру ли это.

– Пора домой, – сказала я, стараясь увести разговор в сторону. – А уходить не хочется.

– Если с нами в этот раз ничего не случится, обещаю, что мы сюда ещё наведаемся.

Хорошее обещание, интересно, останется ли оно в силе утром?

7

*Всем тем, чья совесть нечиста,
Кто прячется в своём краю,
Закрывает райские врата,
А нас встречает Бог в раю...*

Крестоносец

Мы снова спали по очереди. Сначала я, потом Сержик. Улегшись на согретую мной постель, он долго ворочался с боку на бок, ворчал, что, мол, кровать маленькая. Как будто я была виновата. Но зато когда он всё-таки заснул, то сон его был крепче крепкого. А вот в этом моя вина точно имелась. Вечером я тайком подсыпала ему во фляжку толчёные корни сон-травы. Я знала, что он будет вне себя, когда проснётся, хотя бы потому, что у него будет страшно болеть голова, и всё же рискнула. Я надеялась вернуться раньше, чем наступит счастливый момент его пробуждения. Мой путь пролегал через пустые улицы, слабо освещённые далёкими розовыми отблесками работающего Реактора. Туда я, собственно, и шла. Мне казалось, что я найду там ответы на все свои вопросы. Это было чистой воды сумасшествие, но разве Лера не называла меня ненормальной?

Из-под стены в мою сторону рванулась серая тень. Крыса! Я взмахнула ножом, крыса отскочила, злобно сверкнув маленькими глазками.

– Пшла вон! – прикрикнула я и тут же испуганно смолкла. Мой голос гулким эхом отразился от стен, ударил в уши и пропал. Повторять опыт не хотелось. Воистину, молчание – золото.

Крыса исчезла, но, похоже, ненадолго. Если я не хотела стать чьим-то завтраком, стоило поторопиться. Как говорила мама? После войны выживут только крысы и тараканы? Ну, войны-то не было, так что не известно, кто в этих развалинах остался. Разумеется, кроме крыс и тараканов.

Розовая полоса на горизонте постепенно становилась всё шире и ярче. Веяло прохладой. Я чувствовала, что близка к цели.

Оба звука я услышала одновременно. Шуршание множества лапок за спиной и журчание воды впереди. Я резко обернулась.

Если в метро крысиная стая напомнила мне речной поток, то здесь, на улице, это было больше похоже на бескрайнее болото. Оно чуть заметно колыхалось в такт моим шагам и увеличивалось с каждым мгновением. Интересно, почему все эти чудные зверушки до сих пор на меня не кинулись?

Я сделала неуверенный шаг, потом ещё один. Крысы шли следом, словно подталкивали меня к воде. К воде?

Повернуться спиной к крысиной стае было верхом героизма. Я и не повернулась, только чуть скосила глаза и увидела... Ещё полсотни шагов, и дорога, по которой я, вернее сказать, мы шли, заканчивалась у реки. Если бы не скрежет коготков по мостовой, я бы услышала тихий плеск волн, набегавших на высокий крутой берег. Река была широкой. *Очень* широкой. В отдалении, на другом её берегу, окутанные розовым сиянием, светились какие-то строения. Реактор. Я почти дошла.

Я снова сконцентрировалась на крысиной стае. Тысячи маленьких красных глазок смотрели на меня внимательно, ненавидяще, голодно. Какое-то время мы так и стояли, я и это жуткое болото. Потом оно колыхнулось в мою сторону, я инстинктивно отступила к реке. Снова тишина и молчание. А потом – ещё один мой шаг к тёмной глубокой воде. Они что, собираются меня утопить? Утопленники нынче – особый деликатес?

Вообще-то я умела плавать. Серый научил. Но воду мы не любили. Вода всегда полна неожиданностей. Мы это хорошо усвоили на собственном опыте. Последняя беда случилась прошлым летом, когда ушёл на реку и не вернулся дядя Юра, отец Марика. Мы так и не узнали, что с ним случилось. «Вода дала, вода взяла», – сказал кто-то в общине.

Сейчас, похоже, выбирать не приходилось. Или с головой в воду, или с ножом на стаю. Только бы не оказалось, что эти твари тоже умеют плавать! Стараясь не показывать страха, я сделала ещё несколько шагов и оказалась почти на краю обрыва. Крысы остановились. Краем глаза я заметила, что небо на востоке заметно посветлело. Хорошо. Только бы дожждаться восхода, а там, глядишь, крысы и сами разбегутся. Если верить Серому, они боятся света. Правда, если верить ему же, они и на улицах редко появляются. Можно сказать, мне крупно повезло.

Я нащупала ступнями край обрыва, оттолкнулась и прыгнула вниз головой, не слыша предостерегающего крика за спиной.

Вода оказалась прохладной и мягкой. Я погружалась всё глубже, сначала наслаждаясь ею, но в какой-то момент поняла, что пропала... Не было ни верха, ни низа, только одна сплошная синева. Она крутила меня, несла куда-то. Борьба за ускользящую жизнь не хотелось – навалилась апатия, чувство совершенно мне несвойственное. Я закрыла глаза и выдохнула из лёгких остатки воздуха. Предпочитаю быструю смерть.

Я очнулась на горячем песке. Над головой раскинулось тёмное синее небо без единой звёздочки, красивое, но совершенно чужое. При этом

вокруг было светло, как в полдень. Я встала и огляделась. Бесконечный жёлтый берег и бесконечная синяя вода. Где-то вдали вода и небо сливались. Яркими вспышками молний метались белые птицы, ныряя то в воду, то в небо. Невероятно красивое зрелище.

Я медленно подошла к воде. Вблизи она оказалась не синей, а чёрной, как ночь, и в этой черноте непонятным образом отражались я, берег и птицы. Я осторожно коснулась босой ступнёй набежавшей волны и тут же отдернула ногу. Вода была горячей, как кипяток, и холодной, как лёд, одновременно.

– Ди-и-на-а! – зазвенел в моих ушах голос Серого. Окружающая меня реальность зыбко передёрнулась. – Дина, чёрт возьми, что ты наделала!

Во мне, наконец-то, обнаружились эмоции – удивление и страх. Ой-ой, куда же это я попала?! И, главное, как из этого «куда» выбраться?

– Не надо бояться, – скрипуче сказал кто-то за спиной. Я подпрыгнула от неожиданности и обернулась. Это было самое обыкновенное привидение. Из тех, что бродят по деревенским улицам, заглядывают в окна и пытаются напугать несмышлёных детишек, потому что ни на кого более не способны произвести впечатление. Нелепая и безвредная выдумка нашего мира.

– Странно, – сказала я, разглядывая призрачное сияние, отдалённо напоминающее фигуру Эдьки – такое же высокое, худое и розовое, – а у нас дома привидения не разговаривают.

– Время ещё не пришло, – скрипнуло оно мне в ответ. – Лет через сто заговорят как миленькие. Потом хлопот не оберётесь – они такие болтливые! Между прочим, я – не привидение.

– Да? А похоже...

– Знаю, – во вздохе существа послышалось сожаление. – Я должен тебе кое-что объяснить, Диана Странная. Присядем или пройдемся?

Я окинула взглядом песчаные пляжи без начала и конца.

– Везде одно и то же?

– Не везде. И не всегда. Кому как повезёт.

– Тогда лучше пройдемся. Вдруг я – везучая?

– Ты? Ты – да, Диана Странная.

Обнадёженная таким заявлением, я двинулась вдоль линии прибоя, стараясь не приближаться к воде. Она мне не нравилась. Привидение (я упорно отказывалась видеть в нём что-нибудь ещё) скользило рядом, почему-то оставляя на песке широкий след.

– Ты ждёшь объяснений. Слушай. Это место, – привидение махнуло конечностью, – называется Эм-мирьем...

– Эм чем?

– Эм-мирьем. Междумирьем. Хотя нет, по большому счёту оно вообще никак не называется, но тебе так будет проще меня понять... Так вот, Междумирье – это реальность, которая заполняет пространство между мирами. Оно призывает к себе тех, кто колеблется, и даёт им возможность сделать выбор.

– А можно с этого места поподробнее? Что-то я плохо тебя понимаю.

– Ладно, – привидение снова вздохнуло, видимо расстроившись из-за моей тупости. – Приведу самый примитивный пример. Представь себе молодого человека, вся проблема которого заключается в том, что в полнолуние он независимо от собственных желаний превращается в волка.

–оборотня, что ли? Ничего особенного. Серый так умеет, только не в волка. Волки – зверьё мерзкое...

– Это сейчас вам «ничего». А ещё какую-нибудь тысячу лет назад... И вообще, не перебивай. На чём я остановился?

– На том, что молодой человек превращался в волка.

– Да!.. Первую половину своей жизни он провёл в бегах и постоянном страхе, вздрагивая от собственной тени. В то время, знаешь ли, за такие способности живьём сжигали на костре...

– Вспомнила! Это называется «охота на ведьм». Я читала.

– Междумирье, – невозмутимо продолжало привидение, – призвало этого человека и предложило ему выбор: жить в вечном страхе у себя дома или перебраться в другой мир, в котором оборотень – явление повседневное и непримечательное. Как ты думаешь, что он выбрал?

– Раз ты мне это рассказываешь, значит, второе. – Я пожала плечами. – Слушай, а что, кроме нашего мира есть и другие?

– Бесконечное множество. Ну, теперь ты понимаешь?

– Кажется, да.

Бесконечное множество... В это трудно поверить, и именно поэтому я и поверила. Самое нелепое, как правило, оказывается правдой.

Земля под ногами закачалась, словно кто-то встряхнул скатерть на столе. Я потеряла равновесие и упала на песок.

– Очнись, Дина! Ну, пожалуйста, очнись! – настаивал невидимый и далёкий Сержик. В его голосе угадывались странные интонации. Испугался он, что ли?

Привидение присело рядом. Я подтянула ноги к груди, обхватила их руками и повернулась к воде. Вдалеке, рассекая спокойную синюю гладь, медленно плыл огромный корабль с гордо поднятыми парусами цвета крови.

– Я же говорил, ты везучая, Диана Странная...

– Почему ты меня так называешь?

– Так было принято во времена моей молодости... Ну, знаешь, – Вильгельм Завоеватель, Ричард Львиное Сердце, Иоанн Грозный... Я привык.

– А я, значит, «Странная»?

– Это определение наиболее точно отражает твою сущность.

– Да, наверное... – Я вспомнила своих друзей. – Впрочем, с таким же успехом ты мог сказать «Ненормальная». Или «Сумасшедшая».

– Ты придаёшь слишком большое значение пустым словам.

А корабль плыл. Я знала, что там, под алыми парусами, находятся двое. Для них мечта стала реальностью. Это была любимая сказка моей мамы.

– Междумирье призывает не всех, – рассуждало тем временем привидение. – Только лучших, особенных. Я сам отбираю кандидатуры.

– Ты?

– Я. Я – Проводник между мирами. Я указываю Путь заблудшим и помогаю нерешительным, – в скрипучем голосе звучала непомерная гордость. Ну, прямо как Серый... – Я нашёл тебя, Диана Странная, как находил многих других, и позвал...

– Как? Как позвал?

– Крысы...

– Крысы... Это ты?!

– Ну... ты ведь не пришла бы по собственной воле. Вы боитесь воды.

– Я чуть не умерла! Они могли меня загрызть!

– Не преувеличивай, – строго сказало привидение. – Крысы – всего лишь наваждение. Ты искала людей, похожих на себя. Ты ведь за этим пошла на станцию.

– На какую станцию?

– Ну... (как вы говорите?) к Реактору. Реактор – это бывшая атомная станция.

– А-а...

Очень понятно.

– Ты думала, там есть кто-нибудь... что-нибудь... такое, что поможет тебе. Так вот, я и есть твоя помощь. Я могу подарить тебе любой мир. И ты станешь там в нём, кем захочешь – хоть нищей попрошайкой, хоть божеством. Я предоставлю тебе право выбора.

– Вообще-то я хочу...

– Ди-и-ина!

Голос Сержика ворвался в Междумирье, словно ураган, поднимая на своём пути огромные волны из воды и песка, в которых исчезли корабль с алыми парусами, белые птицы и привидение. Нетронутым стихией оказался только тот клочок земли, где сидела я. Конец света продолжался несколько мгновений, а потом всё закончилось.

– Какой он у тебя, оказывается, настойчивый, – удивлённо заметило привидение, снова появляясь рядом. – Знаешь, по-моему, тебе лучше поторопиться с выбором, иначе твой приятель разнесёт нашу и без того хрупкую реальность в клочья.

Я улыбнулась. Вспомнила сильную руку, вытаскивающую меня из трясины, метро и крыс, глаза – карий и голубой. Да, Серый всегда был необычайно упрямым.

– Я хочу вернуться.

– Подумай хорошо, Диана Странная, – сердито сказало привидение. Похоже, ему не понравился мой ответ. – Второго шанса у тебя не будет.

– Мне не о чем думать. Там – *мой дом*. Разве тебе это не понятно?

Привидение вздохнуло.

– Стоило мне так распинаться... Могла бы сразу сказать. Выход там же, где и вход, – оно протянуло руку в сторону синей кромки воды. – Ныряй. Если переборешь страх, вернёшься в свой мир живой.

– А если нет?

Привидение хмыкнуло, и я тут же пожалела, что спросила.

Я встала, подошла к воде. Волна коснулась моих ног, обжигая не то холодом, не то жаром. Мне стало страшно.

– Ты сделала свой выбор, Диана Странная, – напомнило привидение из-за спины. – Теперь поздно отступать.

В его голосе звучало неприкрытое злорадство. Ну уж нет! Не хочу, чтобы меня потом приводили в качестве примера посетителям этого «Эммирья»! Разозлившись и забыв о страхе, я с разбегу нырнула в набегающие волны бесконечных водных просторов, что (я это вспомнила) называется «океаном». И снова испугалась. Мелькнула мысль, что заплесневелый призрак обманул меня, отправил на верную смерть, чтобы восстановить самоуважение. Я задыхалась. Мёртвому всё равно, в каком мире его похоронят. Как там говорили? «Вода дала, вода взяла»...

Я готова была сдаться... Нет, я уже сдалась, но чья-то рука схватила меня за волосы, потянула наверх...

Меня били по щекам, резко, ритмично и больно давили на грудную клетку, проталкивали через плотно сжатые губы воздух в лёгкие, насильно заставляя дышать, и снова били по щекам...

– Дина, Ди-и-на-а! – звенел в моих ушах голос Сержа. – Дина, чёрт возьми, что ты наделала! Не хочешь со мной жить, не надо, только открой глаза! Ну, пожалуйста, очнись! Скажи что-нибудь!

Я лежала рядом с водой, в спину больно врезались камни. Серый тряс меня за плечи.

Я закашлялась, выплёвывая солёно-горькую, не речную воду.

– Перестань, ты меня убьёшь... – прошептала я.

– Жива...

– Жива, конечно. Ты что-то говорил по поводу нашего совместного проживания?

Радость в голосе Серого исчезла так же быстро, как и появилась.

– Тебе послышалось, моя красавица. С этого момента, если будешь делать что-то вопреки моим просьбам...

– Скорее уж приказам!

– ...я тебя вообще запрю в доме!

– Какое счастье, что мы живём отдельно!

– Пока отдельно. Но, раз возникла такая необходимость, я, конечно, что-нибудь придумаю. Веришь?

– Верю...

Теперь-то мне не оставалось ничего другого, как соглашаться с ним, поскольку единственный шанс избавиться от его присутствия в моей жизни я уже упустила. Ладно, ещё не вечер. Как говорит мама, в жизни командуют мужчины, а правят женщины.

*О, женщина! Ты без причины
вступаешь в спор со мной всю жизнь.
Хоть раз попробуй, покорись,
и покорись легко мужчине.*

Мужчина

В Городе уже наступило утро. Серый в буквальном смысле приволок меня обратно в наше убежище, бросил на маленькую кровать и велел раздеваться.

– Заболеешь – собственными руками утоплю.

Он был зол, и я решила не указывать ему на не слишком вежливое обращение с моим телом и моими же многострадальными нервами.

– Только один вопрос, Дина. Один вопрос, и лучше тебе хорошенько подумать, прежде чем ты решишься соврать, – тихо и неприятно сказал он, стягивая с себя мокрую рубашку. – За каким чёртом ты всё это устроила?!

Я глубоко вдохнула (вдруг – в последний раз?), зажмурилась и еле слышно прошептала:

– Хотела стать такой, как все.

Тишина. Я приоткрыла один глаз. Серый смотрел на меня сверху вниз, и на его лице попеременно отражались замешательство, гнев и удивление.

– Как все?

Он не понял. Я и сама теперь с трудом себя понимала. Близость смерти заставляет иначе смотреть на жизнь, какой бы нелепой она тебе до этого ни казалась.

– Я не могу объяснить...

– Попробуй, – мрачно посоветовал Серый.

Я попробовала. На фоне крыс, бездонной реки и злорадствующего престарелого призрака мои комплексы неполноценности выглядели смешно.

– Понимаешь, Сержик, вы все – другие... Нормальные. Даже Старшие. Читаете чужие мысли, поджигаете взглядом, погоду чувствуете... Да мало ли что... А я ничего не умею. И волосы на голове растут, и глаза одного цвета, и пальцев только двадцать... Я чувствую себя ожившим музейным экспонатом...

– А что такое «музей»?

Я хихикнула. Мне было плохо, но Серый, растерявшийся от такой моей откровенности, выглядел ужасно смешно.

– Чего веселишься, моя красавица? – поинтересовался он всё тем же неприятным тоном.

Я закрыла глаза. Свои мысли, пожалуй, стоило оставить при себе.

– Знаешь, Сержик, мой друг и мой же будущий родич... Не мог бы ты дать мне немного побыть одной? Я... хм-м... что-то подустала от твоего общества...

– Нет, не мог бы.

Вряд ли мне стоило ожидать другого ответа, но вера в чудо прочно сидит в каждом из нас.

– Ты будешь меня караулить?

– Ну-у... не совсем. У меня есть тут ещё кой-какие дела...

Я насторожилась.

– Какие именно?

Серый проигнорировал вопрос.

– Вот, выпей, моя красавица, – промурлыкал он у меня над ухом. Это мурлыканье насторожило меня ещё больше. К сожалению, я не знала, с какой стороны ожидать опасности.

К губам прикоснулось что-то железное. Я почувствовала чуть горьковатый вкус холодной воды, рефлекторно сделала глоток, за ним ещё один, и ещё.

– Умница...

Голос звучал откуда-то издалека.

– Что... ты... мне... дал... – с трудом ворочая языком, выговорила я.

– Сон-траву, Диночка, – радостно поведал всё тот же голос, пробиваясь через плотную завесу окутавшего меня серого тумана. – Сражаюсь твоим же оружием.

– З-зачем?..

– На случай, если ты ещё раз сбежать надумаешь. У меня нет желания искать тебя по всему Городу. Вот выпишься и...

– ...можно идти домой, – сказал Сержик, склоняясь надо мной.

Я поморгала, с трудом прогоняя сон, и тут же об этом пожалела. Сильно болела голова, а в горле першило, словно от свежей полыни.

– Фу-у-у... Чего это я такого вчера нажевалась? Сержик, дай попить...

– Пожалуйста, – ухмыльнулся он, протягивая мне жестяную фляжку. *Жестяную.* Я разом всё вспомнила. Как насыпала в воду корни сон-травы, как тонула и как потом Серый накачал меня моим же зельем.

Я сжала губы, твёрдо намереваясь не дать ему больше себя усыпить.

– Я налил чистой воды, Диночка, – заверил Серый, видя мою реакцию.

Я отрицательно покачала головой.

– Не думаешь же ты, что я решил тебя отравить? – ласково-насмешливо спросил он.

– Отвечать обязательно?

В голове от одного уха к другому в такт каждому моему слову перекачивался огромный тяжёлый шар. В висках гулко стучала кровь.

– Я тебя ненавижу.

– Да? Зато теперь ты знаешь, что должен был испытывать я после твоих «забот».

– Ты злопамятен.

– Что ты, Диночка, какие пустяки! Ну подумаешь, накачала меня снотворным, убежала, чуть не утонула... Где же здесь зло, чтобы его ещё и помнить? Выпей воды, глупая, легче станет.

Я взяла фляжку, отхлебнула немного. Ничего не произошло. Я отхлебнула ещё. Голова стала потихоньку отходить. Шар из огромного сдулся до средних, вполне терпимых размеров. Можно было отправляться в путь.

– Есть хочешь?

Я хотела кивнуть, но желудок мой вдруг совершил чудовищное «сальто», и от мыслей о еде пришлось отказаться.

– Спасибо, я, пожалуй, воздержусь. А мы домой пойдём?

– Обязательно. Меня уже Эдька искал.

– Зачем?

– Ну-у... – Серый неопределённо махнул рукой. Более подробного ответа я не дождалась.

Тут я вспомнила брошенную им ранее фразу.

– Погоди-ка, Сержик. А что ты там... как ты вообще-то у реки оказался?

Он усмехнулся.

– Я за тобой следил.

– Что?! Как?! Ты спал!

– Нет, не спал. Я ведь сразу в воде сон-траву учуял и пить не стал. Догадался, что ты задумала сбежать. Понимаешь, я боялся, что с тобой может что-нибудь случиться...

– И решил на всякий случай проконтролировать, – язвительно заметила я. – Уж лучше прямо скажи, что ты мне до сих пор не доверяешь.

Серый внезапно схватил меня за плечи и потрянул. Я больно стукнулась затылком о спинку кровати и прикусила язык. Да что же такое! У меня ещё с прошлого раза синяки не зажили, а тут уже новые на подходе!

– Ты издеваешься надо мной, Дина?!

– Пусти!

Я испугалась. Серый частенько выходил из себя, но сейчас в его гневе было что-то ещё... Что-то, название чему я не знала.

– Ты всегда такой была! Безрассудной и бестолковой! Чёрт, о чём ты вообще думаешь? И чем?! «Доверяю – не доверяю»! Тебя только это заботит? Если бы...

Он внезапно замолчал, предоставляя мне свободу для размышлений.

– Если бы – что? – осмелилась спросить я через минуту.

– Забудь, – он разжал пальцы, встал и принялся молча собирать свой мешок.

– Сержик! Сержик, подожди!

Я осторожно коснулась его руки.

– Сержик, ну пожалуйста! Не сердись!

Он поднял голову, встретился со мной глазами. Я увидела в них обиду и злость. Только вот злился он, похоже, не на меня.

– Я просто боялся за тебя. Ты ведь не знаешь... и никто не знает, что скрывает Город. Если бы с тобой что-нибудь случилось, я бы себе этого не простил.

– Но ничего не случилось. Да?

– Да, – ответил Серый после некоторого колебания. Он врал, теперь я была в этом уверена. Но я хорошо знала, что требовать правды, если он решил её не говорить – занятие совершенно пустое.

– Ты зачем в воду сиганула?

– Как зачем? – удивилась я. – От крыс спасалась.

– От каких крыс?

К тому, что его волновало, крысы, похоже, не имели никакого отношения.

– Ну, ты же там был. Видел.

– Видел – что?

Лучше бы я сказала, что решила искупаться.

– Понимаешь, я шла к Реактору... Шла-шла... оборачиваюсь, а за мною крысы... Видимо-невидимо... Они-то меня в воду и загнали.

Серый недоверчиво хмыкнул.

– У тебя с головой всё в порядке, Диночка? Похоже, сон-трава на мозги сильно действует.

– Почему?

– Не было там никаких крыс. Не бы-ло.

Я попыталась переварить эту новость. Если не было крыс, значит, не было и всего остального? Призрак, Междумирье... Сон? Бред? Агония? Я умерла? Если я умерла, то, может, Серый на этой почве и жить со мной откажется? Ну на кой я ему мёртвая сдалась? Чудесная мысль. Мысль, стоящая проверки.

– Я умерла, Сержик?

Серый недоумённо посмотрел на меня.

– Пока нет.

Я подумала ещё немного. Второй вариант радовал меня значительно меньше, но всё же...

– Значит, сошла с ума?

– Вряд ли. Тебе это не грозит.

– Почему?

– Сумасшедшие с ума не сходят.

Я решила, что обязательно припомню ему это. Когда-нибудь.

9

*Память об обидах долговечнее,
нежели память о благодеяниях.*

Буаст

– Ле-ера! Ле-ерка-а! – я поскреблась у окна.

– Я здесь, – послышался тихий шёпот за спиной. Я дёрнулась от неожиданности, больно стукнувшись головой об открытый ставень.

– Ты чего? Напугала до смерти, – сказала я, тоже невольно понижая голос. – Специально?

– Извини.

– Пошли, пора уже.

Мы тихо и быстро перебрались через свои и чужие грядки к ограде.

– Помогай, – велела я, пытаясь отодвинуть заранее подпиленные доски. Лерка помогать не спешила, только вздыхала.

– Ну что ещё?

– Боюсь я. Надо было как все...

– «Как все!»! – передразнила подругу я. Доска не поддавалась. То ли не там двигаю, то ли просто плохо подпилила... – «Как все!»! – Дерево, наконец, сдалось. Я протиснула в отверстие голову, плечи... бочком... бочком... Теперь ноги... Растолстела я, что ли? – Скучно! Девушка прячется в подвале собственного дома, парень прикидывается идиотом, полдня ищет её по всей деревне, а потом «случайно» находит... Ах! Ох! Ура! Брачные танцы! Все за стол! Свадьба! Тьфу, мерзость!

– Зато теперь будет весело, – заметила Лерка, пролезая в дыру следом за мной. Честно говоря, я до последнего не верила, что она отважится на это. – Уф-ф!.. Всех девчонок найдут к обеду, а нас нет. Деревня на уши встанет.

– Не встанет, – заверила я, прилаживая доски обратно. – Серый не дурак, сообщать всем и каждому, что я сбежала, не станет, сам найдёт. Так что не переживай. Лучше огонёк зажги... В такой темноте тропу пропустить немудрено.

– Не пропустим, – отмахнулась она. – Сейчас ещё рано для света. Ночные могут заметить.

Хоть у нас уже давно и не случалось никаких инцидентов в ночное время, Старшие всё равно выставляют караульных по ночам. Привычка. Мать говорит, что лучше уж так, чем потом локти кусать.

Из-за Леркиных страхов мы ещё довольно долго блуждали в темноте. Ей, по-моему, нравились кусты, цепляющиеся за одежду, и коряги, норовившие схватить за ногу.

– Зажги огонёк, Лерка, – раздражённо повторила я, споткнувшись об очередное невидимое препятствие. – Не могу никак понять, мы уже потерялись или ещё нет...

– Ой, извини, – совершенно искренне сказала моя подруга. – Я забыла, что ты плохо видишь в темноте...

Спасибо, что напомнила.

Она с силой потёрла ладони друг о друга, а когда развела их, между ними заметался рыжий комочек пламени. Лера аккуратно переложила его в левую руку, чуть подула сверху. Пламя стало ярче.

– Так лучше, Дин?

– Значительно. Теперь ещё осталось тропу отыскать.

Не некоторое время нас поглотила борьба с зарослями дикой малины, куда мы забрели в темноте. Победа осталась за нами, но и потери были: Лера разодрала щёку, её огонек погас, а я где-то выронила нож. Обнаружилось это уже на тропе, но убедить меня вернуться в малинник могла только стая волков. Впрочем, волки нам не страшны. Они огня

бояться, а Лерка – самый настоящий огонь, когда злится, прикосновением обжечь может, а уж если вспыхнет, никому мало не покажется.

– Эдка рассердится, – пробормотала Лерка, отряхивая со штанов колбочки. Я хмыкнула.

– Полагаю, не из-за твоих испачканных штанов?

– Не говори глупостей, тебе не идёт, – огрызнулась подруга. – Я выставила его на посмешище перед всей деревней. Девушка сбежала накануне ночи поколения! Где это видано!

– У нас это видано! Раньше понарошку искали, теперь пусть по-настоящему... Кроме того, ты что, хочешь танцевать там, со всеми?

– Нет, – категорично замотала головой Лерка. Танцевать она не умела.

– Слушай, – она снова перешла на шёпот. Громкий и трагический, как будто уже меня похоронила. – А что с тобой сделает Серый... Ой-ой...

– Я стараюсь об этом не думать, – честно призналась я.

По большому счёту, виновата в собственном побеге была не я. Просто моя мать и Серый не сумели договориться. Впервые на моей памяти.

Наш поход в Город окончательно отбил в Сержике желание ждать свадебной ночи поколения. Оно, то бишь желание, и так никогда не было особенно сильным, а тут ещё я своими выходками подлила масла в огонь. Только вот на этот раз моя мать почему-то решила, что «все должно быть как у людей, по закону». Можно подумать, что эти самые законы придумали не мы сами.

Мамина упертость не привела Серого в восторг. И, конечно, не остановила. Не имею понятия, какие аргументы Сержик привёл Совету в пользу своего предложения, но только благодаря его заботам брачные танцы всему нашему поколению пришлось устраивать в самый разгар сезона дождей. Дождь, как и внеплановый праздник, во всей деревне не раздражал никого, кроме меня.

Единственной формой протеста, пришедшей мне в голову, был побег. По традиции в день свадьбы жених должен «найти» свою невесту. Вот пусть и поищет. Сам захотел, сам и мучайся!

Впрочем, реакцию Серого, осознавшего, что я не сижу в каком-нибудь сарае, а сбежала по-настоящему, предугадать было нетрудно. Это тебе не безобидный улыбочивый Эдик. Вряд ли мой почти родич ограничится словами: «Больше никогда так не делай».

– Убьёт, наверное. Может, вернёшься?

– Нет. Лучше уж я буду рядом. А то и впрямь убьёт. А при мне, может, и постесняется.

В это я верила с трудом. Стеснительность была столь же чужда Серому, как, например, страх – покойнику. Но я была признательна подруге за желание помочь в трудной ситуации.

– Спасибо, Лера, я...

– Кроме того, если я останусь, Сержик вытрясет из меня правду. И мне же ещё и попадёт за то, что не отговорила тебя. А так, пока он будет ругаться с тобой, про меня, пожалуй, совсем забудет.

Вот вам и вся помощь.

Тем временем в её ладонях вспыхнул новый огонёк.

– Пошли, что ли...

Я выдернула из волос последний репей. Повезло Марику – он лысый от рождения.

– Пошли.

Ещё только-только начинало светать, когда мы добрались до сторожки.

– Заходи, – широким жестом пригласила Лера, распахнула тяжёлую деревянную дверь и вошла внутрь.

Я немного задержалась, оглядывая окрестности. Если честно, ни разу в жизни здесь не была. Поведа не нашла. Обычно сюда приходили молодые парочки в поисках уединения. Мне уединяться было не с кем. Вся деревня знала, что Серый положил на меня глаз. Спорить с ним по этому (да и по любому другому) поводу желающих не находилось. А таскаться в лесную глушь с Серым... Что мы, мало времени вместе проводим?

Из дома донёсся испуганный крик Леры. Я рванула к ней, глупо, неосторожно, уже зная – случилась беда, но, переступив через порог, обо что-то сильно ударились головой. В глазах потемнело. Я попыталась опереться рукой о косяк... почувствовала ещё один удар...

Внутреннее убранство лесного домика так и осталось для меня загадкой.

Где-то совсем рядом журчала вода. Пахло водорослями и рыбой. Страшно болела голова и почему-то затекли руки.

Я осторожно открыла глаза. Обстановку это не прояснило, а вот голова заболела сильнее. Я лежала на правом боку, и могла видеть лишь плотно сбитые, просмолённые, воняющие рыбой деревянные доски. Я повернула голову чуть влево. Там тоже не нашлось ничего интересного. Серое, быстро темнеющее небо. Здорово.

– Лера...

В ответ – только плеск волн и скрип уключин.

Я попыталась подняться. Моей больной голове и желудку это не понравилось, хорошо ещё, что я давно не ела. Хотела пошевелить руками и обнаружила, что связана.

– Очухалась, – с издёвкой произнёс чей-то голос.

Не совсем, если честно. В голове треск, рук почти не чувствую, желудок прыгает как пьяный заяц. И пить хочется.

– Пить хочу, – сообщила я невидимому собеседнику.

– Потерпишь, – отрезал голос.

По серому небу проплыло серое облако. Потом ещё одно. Дождь будет. Сезон дождей. Кажется, ночь поколения я уже пропустила. Только вот непонятно, это хорошо или плохо. Судя по связанным за спиной рукам, всё-таки плохо. Серый никогда себя так не вёл.

Лодка мягко ткнулась в берег. Всплеск. Скрежет деревянного дна по песку. Похоже, мы прибыли. Интересно, куда?

Чья-то фигура заслонила мне и без того скудную картину.

– Поднимайся!

Я честно попыталась это сделать. Не получилось.

– Поднимайся!

– Тебе надо, ты и подними, – огрызнулась я.

Меня резко подняли, встряхнули и швырнули на берег. Я упала. Меня подняли ещё раз. Я проморгалась и в изумлении уставилась на человека рядом со мной.

– Не может быть...

– Может, девочка, может, – усмехнулся Влад.

Он был мёртв. Он должен был быть мёртв. Я сама видела изорванные, окровавленные остатки его одежды.

– Тебя изгнали... ты умер...

– Меня изгнали, Дина, но я не умер. Извини, но так уж получилось.

Я огляделась. Узкая полоса берега, крутой склон, жёлтая трава, песок попеременно с камнем. Старая лодка. Мы вдвоём. Леры нет. Я не спросила о ней. Я боялась услышать правду.

На лицо упала крупная капля.

– Пошли, – распорядился Влад и развернул меня в сторону уходящей куда-то вверх тропинки.

Вряд ли у меня был выбор.

Идти в гору со связанными за спиной руками было тяжело. Я спотыкалась, падала, Влад рывком поднимал меня и толкал вперёд. Когда мы, наконец, забрались наверх, я с трудом поверила, что подъём закончился.

Но гораздо трудней было поверить в то, что Влад жив.

Много времени прошло с тех пор, как он покинул общину. Много. Почти четыре года. Он убил человека. Никто до сих пор не знает, что они не поделили, Влад и Слепой Стас, отец Сержа. Вопросы Старших Влад игнорировал. Совет приговорил его к изгнанию. Серый возненавидел Совет. Я понимала его – после смерти отца он остался сиротой.

Серый несколько дней курил траву, пытаюсь забыться. Я знала, что это не поможет – его организм не реагировал на галлюциногены. Он не пускал меня к себе. Вообще никого не пускал, ни с кем не разговаривал даже через закрытую дверь. А потом ушёл. Я думала, он не вернётся. Для кота что лес, что деревня – везде дом. Община думала иначе. Серый вернулся.

Он принёс моей матери двух зайцев и вежливо попросил помочь ему с одеждой. Сам шить он тогда ещё не умел. Он не вспоминал об отце и Владе, а в общине не нашлось желающих выяснить, что же он делал тогда в лесу.

Трупа Влада никто не видел.

На этом берегу реки после Взрыва не выжил никто. Так сказали Старшие. Здесь находился Реактор. Первое, самое страшное облако смерти дошло до воды, впиталось в неё, заразило реку. Но некоторые из

тех, кто оказался на другом берегу, уцелели. Потом начались ураганы, радиоактивные дожди, голод, мутации... Вода, которую нельзя пить. Впрочем, наша община расположена значительно выше по течению.

Я знала, что деревня мертва. Знала ещё до того, как мы вошли в неё. Ну, почти мертва. С некоторых пор в ней поселился Влад.

Дом, в который он меня приволок, снаружи мало чем отличался от остальных. Сгнившие брёвна, покосившиеся стены, просевшая крыша. Внутри было темно и относительно чисто. Я даже удивилась. У Серого, например, убираться приходилось мне. Сам-то он только мусорить умел.

– Развяжи мне руки, – попросила я, останавливаясь посреди комнаты и оглядываясь. Одна кровать, одна дверь, одно заколоченное окно. Глухая стена печи. Стул и стол. Порванная куртка на кровати. Железное кольцо, вбитое в стену, и тонкая длинная цепь на нём. Какие-то тряпки, сваленные в углу.

– Позже.

– Я не сбегу.

– Не сомневаюсь. Здесь некуда бежать. Лес дик и непроходим, совсем не похож на наш. В реке водятся осьминожки. У меня с ними уговор, но, боюсь, тебя они ещё не знают и слопают за милую душу... Надеюсь, ты поняла, что я тебя просто предупредил?

Я поняла. А кто бы не понял? Да и не собиралась я куда-то идти. Я не знала, кто такие осьминожки, не понимала причин происходящего, но не сомневалась, что всё это скоро закончится. Серж был лучшим следопытом в деревне.

– Да, и вот ещё что... Я прикончил твою подружку, а в случае необходимости прикончу и тебя.

Лера... Рыжее пламя...

– 3-зачем?!

Он пожал плечами.

– Полагаю, она вполне могла бы убить меня. Силёнок у девочки для этого было больше чем достаточно.

– Развяжи мне руки, – снова попросила я. Я ничего тебе не сделаю, ты же знаешь.

Но я хотя бы попытаюсь.

– Знаю. Но сначала иди сюда. – Он махнул рукой в сторону кучи хлама.

– Зачем?

– Не сопротивляйся, Дина. Будет только хуже.

В этом я не сомневалась. Влад был чем-то похож на медведя, убитого Серым по дороге в Город. Большой, волосатый, на пальцах длинные прочные когти, глаза маленькие и какие-то... бешеные.

Я подошла к стене. Влад поднял с пола цепь и закрепил её у меня на поясе. Я растерянно посмотрела на него.

– Не хочу по ночам бегать тебя разыскивать, – пояснил Влад. – Я уверен, ты попытаешься сбежать.

Цепь была короткой, три шага, не больше, и тяжёлой. Я опустилась на тряпки, стараясь не выдать дрожи в ногах. Я боялась. Влад определённо был сумасшедшим.

– Повернись, – приказал он, доставая из сапога нож. Разрезал узел, аккуратно распутал верёвку. Хорошая верёвка – ценность, её берегут.

По телу пронеслась волна боли. Каждое движение становилось настоящей пыткой. Когда я поняла, что могу поднять руки, осторожно потрогала голову. Кровь на затылке засохла, стянув волосы. В висках молотом стучала боль.

– Дай попить. Пожалуйста.

Влад вышел из комнаты и почти сразу вернулся с глиняной кружкой.

– Держи.

Я жадно проглотила воду.

– Может, ты объяснишь, что всё это значит?

– Скоро сюда придёт сын Стаса.

В его словах не было ни вопроса, ни сомнения.

– Я следил за вами. Долго следил. Знал, что скоро – ночь поколения. Прикидывал, как лучше выкрасть тебя из деревни, а тут, смотрю... ты сама ко мне в руки идёшь... Удобно. Бедненький Сержик... У всех есть невеста, а у него... – Влад даже языком прищёлкнул от удовольствия. – А у него – нет. Вот неожиданность, да? Искать кинется... Он ведь дорожит тобой, Дина?

Хоть и медленно, но смысл сказанного до меня дошёл. В ушах зашумело от страха. Влад, словно не замечая моего состояния, продолжал рассуждать на волнующую его тему.

– Ему понадобится время, чтобы найти тебя. Дня два, не меньше. Но он найдёт. Обязательно найдёт. Ты ведь его женщина, – Влад засмеялся. Нехороший у него был смех, отрывистый и злой. – Но это не надолго. После того, как я убью его, ты будешь моей. Не бойся, – он снова засмеялся, склонился надо мной и потрепал по щеке: – Сейчас я тебя не трону. Могу расслабиться и упустить момент. А вот потом... потом мы с тобой поиграем, обещаю.

Мать как-то сказала, что люди бывают гораздо страшнее зверей. Я поняла её только сейчас.

– За что, Влад? Что он тебе сделал?!

– Ты любопытна, Дина.

Я подёрнула цепь. Кольцо было намертво вбито в стену.

– Не усложняй себе жизнь, девочка. Я могу передумать и связать тебя по рукам и ногам, – предупредил он, усаживаясь на кровать. Я вспомнила о затёкших руках и попыталась удобно устроиться на полу. Было холодно и сыро. По крыше внезапно застучал дождь. Я подумала о Лерке. В то, что она мертва, верить не хотелось. Потом я подумала об Эдике. По спине пробежал холодок боли и горечи. Он не простит меня. И я себя тоже не прощу. А Серый...

– Влад, за что ты ненавидишь Сержа?

Из темноты комнаты раздался смешок.

– Ты помнишь, Дина, как я уходил? Должна помнить. Ты ведь тоже там была. Чёрт, да там была вся деревня!

– Ты убил человека. У нас раньше не было такого.

– Убил, – голос его вдруг зазвучал где-то совсем рядом. Несмотря на всю свою массивность, Влад умел двигаться тихо и быстро. Как Серый. – Убил. И ещё ни разу об этом не пожалел.

– Почему, Влад? Почему?

Он засмеялся.

– История наша стара как мир, Дина. Я любил её, она любила его. У них родился сын. Я надеялся, что она вернётся. Она умерла. Я убил его.

Стас, Ана и Влад. Мать именно это и говорила, только никто из Старших ей не поверил. Ревность. Слишком уж нелепой казалась им подобная причина.

– Но при чём здесь Серж? За что ты ненавидишь *его*?

– За то, что он сын своего отца. Ну и ещё немножко за тот камень, который он бросил мне в спину. Помнишь, Дина?

Я помнила. А ещё я помнила, как Серый уходил в лес.

– Почему, в таком случае, он не убил тебя?

Влад усмехнулся.

– Пожалел. Лучше бы убил, – прошептал он мне на ухо. Дыхание его внезапно стало тяжёлым и прерывистым. – Это будет даже забавно... У меня так давно не было женщины... Ты такая... такая... Ты мне всегда нравилась, ты знаешь это, Дина?

Теперь знаю. Только вот вряд ли стану по этому поводу радоваться.

Он опрокинул меня на пол, навалился всей своей тушей. Задыхаясь, чувствуя, как его руки с лихорадочной жадностью ощупывают моё тело, я чуть расслабилась, высвободила левую руку и с размаху ударила пальцем в открытый, полный безумия глаз. Не знаю, выткнула ли я его, как хотела, но Влад, рыча от боли, откатился в сторону. Медленно встал, прикрывая ладонью лицо, коротко и зло пнул меня в бок. Я сжалась в комок, изо всех сил сдерживая крик.

– Тварь!

Пнул ещё раз. Цепь и боль не дали вернуться.

– Мразь!

Замахнулся в третий. Не ударил. Упал на меня, вновь придавив телом, заливая кровью, хлещущей из страшной раны на шее. Я зажмурилась и закричала. Громко. Как, наверное, не кричала никогда в жизни. Тяжесть чужого тела вдруг исчезла. Появились руки, сильные, знакомые. Одним движением разорвали железную цепь, приковывающую меня к стене, подняли и понесли куда-то. Я вцепилась в холодную, пахнущую потом и дымом, куртку, вжалась в неё лицом, размазывая по жёсткой коже свои слёзы и чужую кровь.

– Сержик... Сержик...

Он положил меня на кровать в соседней комнате, осторожно разжал мои пальцы.

– Сейчас, Дина. Я должен проверить, хорошо ли заперта дверь. Похоже, нам придется здесь заночевать.

– Ты... ты убил его?

– Убил, – заверил он. Глаза сверкнули в темноте жёлтыми огоньками.
– Ничего не бойся.

Находясь рядом с моим мужем, бояться нужно только моего мужа.

– Ты знал, что мы собирались сбежать?

Серый сидел у двери, упершись спиной в косяк и обхватив руками колени.

– Догадывался. Ты ведь не терпишь принуждения и всегда стремишься оставить за собой последнее слово. Потому-то даже следить за тобой не стал. Решил – пусть будет, как будет. Если бы знал, что Влад...

– А... а... Лера? Она...

– Жива. Тяжело ранена, но жива. Огонь трудно убить.

– Хорошо.

– Да, хорошо. Не представляешь, что творилось с Эдиком. Я думал, он с ума сойдет.

– А ты?

Серый отвернулся, уставился куда-то в темноту дома.

– Сержик?

Молчание.

Я попыталась сползти с кровати, но ноги не слушались.

– Пожалуйста, подойди ко мне...

Молчание.

– Сержик... у меня всё болит... пошевелиться не могу... Пожалуйста...

Слёзы и боль – это не совсем честное оружие, а если по-другому не получается?

Серый тенью скользнул в мою сторону, опустился на колени рядом с постелью, осторожно погладил мои волосы.

– Дина, Дина...

– Ты злишься, Сержик?

– На себя.

Серый уткнулся лицом мне в шею.

– Влад ведь рассказал тебе? Про себя, отца и маму? Должен был рассказать... Хоть кому-нибудь... Как они соперничали в молодости, как в ночь поколений мама ушла с моим отцом. Они с Владом ненавидели друг друга всю жизнь. Рассказал?

– Да, Сержик.

– Я не понимал раньше, за что Влад меня ненавидит. А потом отец просветил... перед тем, как пойти на эту дурацкую дуэль.

– Дуэль?

– Он это так назвал. Сказал, что всё будет честно, как в старину. Честно! Отец был слепым, как подземная мышь. И не важно, что он стрелял лучше меня. Он был слеп, а Влад этим воспользовался.

– Но ты не убил его потом, в лесу. Знаешь, вся община именно так и думает до сих пор.

– Знаю. Не убил. Потому что отец сказал, что это – его выбор. Мама умерла, а я вырос. Пришло время... определиться... Я обещал не мстить, что бы ни случилось. Я сдержал обещание. Это чуть не стоило тебе жизни.

Я вдруг осознала, что он переживает вовсе не из-за отца.

– Ему не следовало трогать тебя, Дина.

Это было правдой.

– Как ты меня нашёл?

– Я же кот, Дина. Ты уже забыла?

– А река?

– Вода тоже пахнет, только слабее.

– Он сказал, что здесь водятся какие-то осьминожки...

– Может быть, – Серый поднял голову, пожал плечами. – Мне некогда было это выяснять. Я очень боялся, что опоздаю. Ещё дождь мешал. Но Влад предусмотрительно оставил для меня послание в сторожке. Боялся, наверное, что не там искать буду.

– Влад хотел убить не меня... тебя. А меня бы...

– Я прекрасно знаю, что было бы с тобой, – резко сказал Серый. – Поверь, именно об этом я и думал, когда лез на крышу. Я не собираюсь ни с кем делиться, Дина, а уж тем более с человеком, зарезавшим моего отца. Уж не знаю, на что рассчитывал Влад. Может на то, что у нас тоже будет дуэль. Как с отцом. Дурак! Я – не из Старших. Мне плевать, веду я честный бой или нет. Честных боёв не бывает. Главное – результат. Да, кстати, радость моя, ты ведь теперь мне жена. Надеюсь, этот момент ты оспаривать не будешь?

Не буду. С Серым бороться, как с весенним половодьем, – себе дороже выйдет.

10

*Ничто так не увлекает мужчину,
как война и охота.*

Артемиды

– Сиди дома.

– Да, Сержик.

– Дальше матери – ни ногой.

– Да, Сержик.

– Если что, зови Эдика.

– Да, Сержик.

– Что-то ты подозрительно покладистая...

– Да, Сер... То есть, я хотела сказать, тебе что, больше нравится, когда мы ругаемся?

Серый хмыкнул, поправил арбалет за спиной и вышел. В смысле, ушёл. На охоту. Во всяком случае, я надеялась, что на охоту. С некоторых пор у моего мужа вошло в привычку говорить одно, а делать другое. Например, вместо охоты он вполне мог остаться следить за мной.

Заметьте, что всё это мне было хорошо известно. Это, а так же и то, что Серый, при случае, мог мне и голову оторвать, если бы посчитал, что для его спокойствия так лучше. И уж, конечно, я прекрасно помнила свои собственные обещания сидеть дома, когда через четыре дня, вооружившись ножом, сачком и фляжкой с водой осторожно из этого самого дома выбиралась. Я надеялась, что никто из многочисленных друзей мужа меня не видел. Как часто любит повторять Серый: надежда в человеке дышит до последнего.

Я всего-навсего хотела поохотиться. Комары в этом году родились на редкость большие и сочные. Вечерами они сбивались в стайки и медленно кружились над болотами, так что брать их можно было голыми руками. А у меня (кстати!) имелся сачок. Специально для таких надобностей паучка прикармливала, чтобы сетка получилась крепкая и запашистая.

Меня ожидала относительно безопасная прогулка. Безопасная в том случае, конечно, если о ней не узнает Сержик. Размахивая сачком и перепрыгивая с кочки на кочку, я как-то подзабыла об этом деликатном моменте. И не вспоминала до тех пор, пока не растянулась на земле, запнувшись обо что-то в сгустившихся сумерках. А конкретно – о бездыханное тело своего мужа.

Серый лежал поперёк тропинки. И, судя по всему, лежал давно. Земля вокруг пропиталась его кровью.

Я ощупала раны, успешно подавив первый приступ паники. Открытых переломов не было, но что под одеждой – разобрать не смогла. Не менее успешно я справилась и со вторым приступом тоже, а, справившись, потащила Сержика к домику лесника. Сотня шагов, если не больше, а Сержик раза в два тяжелее меня... Но мне, конечно, оказалось по силам и это. Кто бы сомневался?

В избушке оказалась только одна комната с окном и ходом на чердак. В дальнем углу стоял деревянный топчан, заваленный прелой соломой. Рядом пара стульев и стол, на котором валялись остатки чьёго-то обеда. Я вспомнила, что вчера сюда тайком от родителей собирались наведаться Марик с Машкой.

Я постаралась как можно удобнее устроить Серого на постели. Когда я стала стягивать с него одежду, чтобы определить раны и остановить кровь, он открыл глаза.

– Какого чёрта ты здесь делаешь?

Я до сих пор не знала, что такое «чёрт», но была уверена, что выяснять это сейчас не хочу.

– Помолчи, – рубашка намочла от крови и никак не снималась. Я зло рванула ткань и охнула. Раны были страшными и странными.

– Надо промыть...

– Без тебя знаю!

Бочка во дворе оказалась до краёв наполнена дождевой водой. Пить её не стоило (козлёнчком станешь), но ничего другого для обработки ран я найти уже не могла.

Рубашка пошла на бинты. Мне удалось остановить кровь, обойдясь, как ни странно, без ценных указаний со стороны Серого. Он вообще почти всё время молчал, только скрипел зубами, когда я быстро (чтобы не растягивать это сомнительное удовольствие) и не слишком церемонясь перебинтовывала раны.

– А теперь нога, Диночка... – прошептал он, когда я уже было подумала, что все осталась позади.

– Нога?

– Я... кажется... левую ступню... вывихнул...

Кажется! Как говорит мама, когда кажется, креститься надо!

Вывиха не было. Был перелом, а также порезы, царапины, синяки и разорванные мышцы на правом бедре. Удачный набор, о чём я и поспешила сообщить.

– Шина нужна.

– Давай, – тихо, но твёрдо сказал он. Я удивлённо посмотрела ему в глаза. Обычно Серж довольно скептически относился ко всему, что я делала. Ну, почти ко всему...

– У нас мало времени... Я должен ходить...

– Сомневаюсь, что ты сможешь встать в ближайшее время.

– Смогу, моя красавица... – заверил Серый, пытаясь усмехнуться. – Ты же знаешь... на мне, как на котках... всё мигом заживает...

В его словах был смысл. Я вспомнила всё, чему меня учила мама, и честно постаралась применить это на практике. Серж перенёс мои издевательства молча, только слышно было, как заскрипели стиснутые зубы.

– Спасибо, – сказал он через несколько минут.

– Пожалуйста, – ответила я, потуже перетягивая остатками рубашки разорванные мышцы.

– Закрой дверь...

Я в недоумении оглянулась.

– Она закрыта.

– На засов...

Серж никогда без причины не впадал в панику, не страдал манией преследования и всегда предельно точно оценивал опасность. Подумав обо всём этом, я встала, задвинула массивный запор на двери и проверила окно.

– Хорошо, Диночка...

– А будет ещё лучше, если ты мне объяснишь, что здесь происходит.

Серж закашлялся.

– У нас неприятности...

Тоже мне, новость!

Я снова подошла к окну. В крошечной темноте не видно было даже ближайших деревьев. Учитывая состояние Серого, нечего и думать о том, чтобы самим ночью добраться до деревни.

– Наверное, будет лучше, если ты позовёшь кого-нибудь на помощь...

Я говорила сама с собой. Серый уснул. Он всегда всё делал вовремя.

Из леса донеслись довольно неприятные завывания, переросшие в не менее неприятный свист. Ночь обещала быть очень интересной.

Я перетащила к двери массивный деревянный стол (слабый аргумент для нападающих, но большего мне не придумать), закрыла ставни, которые первый хозяин избушки весьма предусмотрительно сделал внутри дома, а не снаружи, и легла рядом с мужем. Несмотря на летнюю жару, его трясло от холода, а я пыталась его согреть.

– Бум!.. Бум!.. Бац!..

Меня разбудил страшный грохот. В первый момент, находясь ещё на границе сна и яви, мне почудилось, что окружающий мир рушится в тартарары. Впрочем, довольно быстро выяснилось, что *весь* мир не рушится. Собирается рухнуть только *наша* избушка. Кому-то по ту сторону стены пришло в голову, что дверь в дом принято открывать тараном.

– Бум!.. Бац!..

Методичные удары в дверь будоражили моё и без того богатое воображение. От каждого удара стены дома тряслись, грозя завалить нас с Серым. Но поскольку я понятия не имела, что нужно делать, находясь в осаде, просто молчала и ждала, чем и когда закончится весь этот кошмар.

– Бац!

Приступ прекратился так же внезапно, как и начался. Избушка выстояла, словно настоящая средневековая крепость, и это было, пожалуй, самым удивительным. Мы отделались лёгким испугом. Вернее сказать, *я* отделалась... Потому что Серый так и не проснулся. Этого следовало ожидать – он всегда умел спать долго, крепко и со вкусом. А испуг, между прочим, был не такой уж и лёгкий...

Дарованная мне передышка оказалась непродолжительной.

Когда стало окончательно ясно, что уснуть снова я не в состоянии даже под страхом смерти, мои стремления к бодрствованию были поддержаны заунывным воем. Выло в районе окна справа от меня. Выло сначала в одиночестве, потом дуэтом, квартетом и, наконец, – чудесным нестройным хором. Сквозь завывания прорывался скрежет когтей о деревянную стену. Любопытное сочетание.

Я лежала на соломе, вслушиваясь в неровное дыхание Сержика. Окружающая меня абсолютная темнота, волчий вой за стеной и мысли о возможном подкопе никак не способствовали сохранению душевного равновесия. Я мечтала только об одном – дожить до утра.

И утро наступило.

– Пить...

Хриплый голос Серого вывел меня из оцепенения. Сквозь неплотно сбитые ставни пробивались робкие солнечные лучики.

– Пить...

Я нашла в себе силы подняться. Спина затекла, голова гудела от бессонной ночи. Утешала только тишина за стеной. Кажется, наши незваные гости отправились домой. Или нет?

Я приоткрыла ставень на окне, осторожно выглянула на улицу и снова его закрыла. Нас караулила стая волков. Худые, грязные и, судя по блеску в глазах, ещё не завтракавшие, они очень мило смотрелись на фоне леса. Чудесно.

Переварив эту новость, я прошлась по комнате в попытке определить, чем мы располагаем. Подсохший хлеб, надкусанный помидор, остатки зажаренного зайца – то, что осталось от недавних гостей. Не густо. Впрочем, если вдуматься, могло быть и хуже. Гораздо хуже. Например? Например, если бы я послушалась Сержика и осталась дома дожидаться его возвращения.

Эта неприятная мысль навела меня на другую. Не менее неприятную. Сколько, интересно, должно пройти времени, прежде чем наше отсутствие в деревне будет замечено и кому-нибудь придёт в голову нас поискать? Два дня? Три? Десять?

– Пить...

– Ты был значительно приятнее, пока спал, Сержик, – заметила я, смачивая ему губы водой из фляжки. Её оставалось мало. Так мало, что одному едва бы хватило на день. А нас было двое. И с каждой минутой становилось всё жарче.

– Как только волки отсюда уберутся, я пойду в деревню за помощью. Потерпи немного, ты же сильный, Сержик.

Он не ответил. Вряд ли он вообще меня слышал. А если бы и услышал, то, скорее всего, рассмеялся бы в ответ. Какой дурак поверит, что волки добровольно откажутся от своей добычи? Я, например, не верила.

Время словно остановилось. Серый спал. Во сне что-то кричал, неразборчиво и зло. И просил пить. Я смачивала ему губы водой и обдумывала тридцать три способа выбраться отсюда. Волки сидели двумя рядочками, перекрывая окно и дверь, и каждый раз, когда я выглядывала наружу, начинали ритмично стучать обрубками хвостов по земле и выразительно скалить зубы. Естественно, что от их явного соучастия нашей беде мне на душе легче не становилось.

К полудню жара стала невыносимой. Мы называли это мёртвым сезоном – временем, когда солнце начинает сходить с ума. В ближайшие пять-шесть дней на улицу будет невозможно выйти без опасения получить ожог. Вся община в такие дни залегает в спячку по погребам, поскольку работы на жаре никакой нет.

Из всего этого следовал один, совершенно неутешительный, вывод: если в деревне нас ещё не хватились, то раньше, чем закончится мёртвый сезон,

искать и не начнут. Пока все проснутся, пока по головам пересчитаются, да пока сообразят, что к чему... Наступил-таки момент, когда я страстно возжелала, чтобы кто-нибудь заметил, как я огородами выбиралась вчера из деревни. Марик, например. Словно наяву, я видела его однурукую фигуру, тайком следующую за мной по лесной тропке, желая настучать обо всём своему кумиру – моему мужу. Вот он выглядывает из кустов... появляется в окне избушки... Нет, в окне ему никак нельзя – там же волки! Пуф-ф. Чудесная картинка нашего спасения рассыпалась в прах. Я вернулась с небес на землю, вернее, на холодный глиняный пол избушки с неприятным осознанием того факта, что чуда не будет.

Да, не будет, это ясно как дважды два. Оставалось только вслушиваться в тишину за стеной и думать. Очень хотелось пить, но кипяток, в который превратилась вода во фляжке, не утолял жажду. Серый во сне всё время пытался сдёрнуть с себя повязки, и мне приходилось следить за тем, чтобы он себе не навредил. Задача не из лёгких, особенно если учесть, что Сержик, даже в таком состоянии, был раз в десять сильнее меня.

– *Бац! Бум! Бум! Бац!*

Вот и ночь наступила.

– *У-а-уу-у!*

А это волки. Решили, видимо, разнообразить свою скучную работу радостной песней.

Волки очень терпеливы и достаточно трусливы. Они никогда не нападают первыми, предпочитая открытому бою долгую изнурительную осаду. И они умеют предугадывать приближающуюся смерть. Если воют – значит, к покойнику. В данном конкретном случае – это про нас. Понятное дело, умирать мне хотелось меньше всего.

Исходя из соображения, что продукты на такой жаре всё равно испортятся, я съела всё, что у нас было. Ну, почти всё. Остались только комары. Я развесила их по комнате, они высохли и запеклись, превратившись в то самое лакомство, ради которого я и затеяла свою прогулку. Их я берегла для Серого. У него спал жар, выровнялось дыхание, а раны выглядели не так страшно, как в первый день. Сон-бред благополучно перешёл в спячку. Хорошо. Во сне жажда не чувствуется так остро. К сожалению, лично я сейчас уснуть не могла.

Ночь прошла. А за ней – ещё один, такой же невыносимо жаркий день, и третья ночь. Кончилась вода. Похоже, скоро придется всплывать брюшком вверх...

11

*Красота, сила и ум –
вещи приходящие.
Фото модель*

– Хорошо выглядишь, Диночка...

Было раннее утро четвёртого дня нашего заточения. Я сидела в углу комнаты и мечтала о стакане холодной воды, когда голос Серого вывел меня из оцепенения.

– Ты проснулся!

– Дай воды, Дина...

Воды... Он издевается? Я грезила водой, но воды не было. Потом вспомнила, что Сержик об этом ещё не знает.

– Воды нет.

– Почему нет? У тебя же была полная фляжка!

– Не ори, я не глухая! Была. Да вся вышла.

Серый задумался всего на мгновение.

– Тогда принеси... Там, во дворе, должна стоять бочка...

– Должна. Да она, наверное, и стоит. Только, во-первых, дождевую воду пить нельзя, и ты это знаешь. Во-вторых, воды в ней, наверняка, уже нет. Испарилась. Мёртвый сезон, как никак. А в-третьих, я бы выпила сейчас хоть болотной жижи, да наши приятели волки сегодня ещё не завтракали, не обедали и не ужинали.

– Волки?

В кои-то веки мне удалось его удивить.

– Они здесь уже четвёртый день. Нас караулят.

– Весело.

– Очень, – согласилась я. Подумала немного и предложила: – Может, ты всё-таки позовёшь кого-нибудь на помощь? Ты же телепат! Или мы застряли здесь до второго Взрыва?

– Я позвал... Еле-еле докричался до Леры – крепко спит. Только они не скоро будут. Мёртвый сезон, ты же знаешь.

Я-то знала...

– А ты сказал ей про волков?

К моему ужасу Серж отрицательно покачал головой.

– Нет.

– Почему?!

– Я тогда ещё этого не знал.

– Тогда скажи сейчас. Сейчас-то ты это уже знаешь!

– Я сейчас и про воду знаю...

Я поперхнулась.

– Ты что, не сказал об этом Лерке?

– Угу... – зевнул Серый.

Великолепно.

– А если она решит, что можно не торопиться...

Но он уже снова спал. Я с трудом подавила в себе желание придушить его во сне.

Мама говорила как-то, что человек без пищи может прожить месяц, а без воды две недели при благоприятных условиях. Я как раз размышляла

о том, стоит ли считать условия нашего заточения благоприятными, когда Серый открыл глаза в третий раз.

– Кого хоронят?

– М-м-м? О, – я настолько уже привыкла к звуковому сопровождению за окном, что не сразу поняла, о чём он спрашивает. – Судя по всему, нас.

– Хм...

Он медленно сел, опираясь одной рукой на подстилку, а другой держась за грудь. Я хотела помочь, но он так взглянул на меня, словно я решила его прирезать. Выглядел Серж значительно лучше, чем в прошлый раз. И уж, конечно, намного лучше меня. Отоспался, наверное.

– Кажется, мне полегчало, Диночка...

– Я рада.

– Только вот ноги что-то не слушаются... Интересно, с моей стороны будет слишком невежливо спросить, что у нас на завтрак?

– Нет, не слишком.

Я встала, потянулась, сдёрнула с верёвки пару засушенных комаров.

– Ты очень предусмотрительна, – сказал Серж, с громким хрустом отламывая крылышко. Он ел медленно, тщательно прожёвывая каждый кусок. Видимо, ему было больно глотать. И дышать тоже, но он старался этого не показывать. Я чувствовала невольное восхищение и уважение к своему мужу.

– Ну не пропадать же добру. Я, до того, как тебя нашла, их почти целую корзину наловила...

Последнее замечание было лишним. К сожалению, я поняла это с некоторым запозданием и успела принять только одну меру предосторожности – отойти подальше от кровати. Хотелось верить, что мой тактический маневр со стороны выглядел просто непринуждённым перемещением тела из одной точки в другую.

– Да, кстати, моя красавица... Не будешь ли ты столь любезна...

Хочу отметить, что я не купилась на ласковое начало. Когда Серый говорит *таким* тоном – жди неприятностей. Конечно же, я оказалась права.

– ...объяснить, какого чёрта тебя понесло в лес?! Когда я тебе это *запретил*?!

– Не кричи на меня!

– Это почему? – он был искренне удивлён моим ответом. Ещё бы! Я и сама удивилась. Спорить с Серым небезопасно для здоровья.

– Мне не нравится, когда на меня повышают голос.

– О...

Он помолчал минуту, видимо переваривая моё заявление, потом снова заговорил. Совершенно спокойным, ровным тоном. Уж лучше бы он кричал.

– Что заставило тебя, Диночка, нарушить данное мне слово сидеть дома?

Я знала, что нужно было придумать что-нибудь убедительное и неопасное. И, конечно, я придумала.

– Хотела наловить комаров.

Судя по изменившемуся цвету глаз, Серый, если бы мог, убил бы меня на месте. Но, как я уже упоминала, я предусмотрительно отодвинулась от постели на длину вытянутой руки. *Его* руки, естественно.

– Ну, не надо так нервничать, Сержик, – успокаивающе проговорила я, на всякий случай отступая ещё на шаг, так, чтобы между нами оказался стол. Я видела однажды как Серый, в ярости ударив кулаком по стене сарая, пробил в ней дыру. Нам тогда было лет по десять.

– Я знаю, что ты их любишь, Сержик. Особенно с пивом. Я просто хотела сделать тебе приятное, – я честно пыталась его успокоить.

– Ты... ты...

С топчана донеслось какое-то непонятное то ли фырканье, то ли хрюканье. Повернув голову, я вдруг увидела, что Сержик смеётся.

– Спасибо, моя красавица...

Вообще-то, это была не совсем та реакция, которую я ожидала.

Я пожала плечами и на всякий случай отступила ещё на шаг назад, раздумывая: Серый просто сошёл с ума или это – какая-то военная хитрость?

– Пожалуйста.

Он захохотал и закашлялся, схватившись рукой за грудь.

– Дина, Дина... Как хорошо, что я выбрал именно тебя... Ни одна женщина в общине не ослушалась бы своего мужа... Я бы уже умер...

Я порадовалась про себя, что Серый решил посмотреть на проблему именно с этой точки зрения.

– Иди ко мне, моя красавица, – позвал Сержик. – Там, в лесу, я всё время думал о тебе.

– Ты не сердисься? – уточнила я, прежде чем сделать шаг к топчану.

– Нет, Дина.

Он улыбнулся. Когда он так улыбался, то походил на сытого, ленивого лесного кота. Опаснее животного мы ещё не встречали. Кстати, именно в кота он и превращался на досуге.

Я села на край постели.

– Что у тебя с рукой? – спросил Серж.

– Порезала, – я протянула Серому ещё одного комара. Но он словно не заметил этого. Схватил меня за локоть и сдёрнул повязку прежде, чем я успела сообразить, что он собирается делать. Комар с хрустом рассыпался на части.

– Ты чего?! Больно же!

Из последней, ещё свежей ранки сочилась тонкая струйка крови.

– Порезала? Вены?

– Это только царапина, Сержик... – возразила я, пытаюсь выдернуть ладонь из его цепких пальцев.

– Не ври! Ты что, поила меня своей кровью?!

– Нет.

– Да!

– Нет!

– Не ври!

– Интересно, а что мне оставалось?! Ты же всё время пить просил!

Ну вот, теперь он меня точно убьёт. И кто меня за язык тянул?

– Я просил воды! Воды, а не крови! Ты могла погибнуть! А я-то, дурак, думаю, почему это мне пить почти не хочется!?

Мне наконец удалось освободить руку. Я отступила на безопасное расстояние от постели и с вызовом посмотрела на него.

– Ну не погибла же! Посмотри, от порезов одни царапины остались.

– Ты меня на тот свет отправишь своей заботой! Как только мы выберемся отсюда, я задам тебе такую трёпку...

Если честно, Серый ещё ни разу меня не ударил. И не ударит, я знаю. Он вообще очень выгодно отличается от многих деревенских парней.

– Ты меня слушаешь?

– Конечно, дорогой.

Интересно, когда, наконец, придёт Лера? Пить очень хочется.

Я успела заметить недовольство в его глазах, прежде чем он прикрыл веки. Прочитал мои мысли. Серый не любил признавать, что не может справиться с ситуацией без посторонней помощи.

– Уже скоро, Диночка, уже... – он отвернулся к стене, уставился в одну точку и тяжело вздохнул, словно обиделся.

Я вздёрнулась. В конце концов, он-то проспал трое суток, а я...

– Сержик, по-моему, у тебя нет поводов для недовольства.

– Да.

– Вот именно!

– Я нашёл людей.

12

Получить можно всё.

Только не всё сразу.

Опра Уинфри

– Что? – я решила, что у него снова начался бред.

– Я нашёл людей. Таких, как ты.

Каждое слово давалось Серому с невероятным трудом.

– Переведи, пожалуйста.

Он ответил сквозь зубы, не оборачиваясь.

– В Городе, кроме нас с тобой, были и другие люди.

Всё, перегрелся.

– Конечно, Сержик. До Взрыва там было полно людей.

– Не до Взрыва! Не *до*, а *после*! *Сейчас*! Понятно?

Понятно, а как же.

– Ты, главное, не волнуйся. Скоро придут Лера с Эдиком, и всё будет хорошо.

Он обернулся и охнул: делать резкие движения было явно рановато.

– Ты что, Дина, принимаешь меня за идиота?!

– Нет, конечно.

– Тогда с чего вдруг в твоём голосе столько мёда?

– Сколько?

– Послушай меня, девочка, я не сумасшедший. Я видел людей там, в Городе. Вернее, не совсем людей, а как ты...

Настала моя очередь оскорбляться.

– Как я? А я, что, нелюдь?

Он медленно и глубоко вздохнул, видимо, пытаясь успокоиться.

– Люди без единого признака облучения. Так доступнее?

Я кивнула, хотя отнюдь не была в этом уверена.

– Они шатались по Городу, что-то вынюхивали, искали. Просто чудо, что ты на них не наткнулась, когда к Реактору пошла.

Так вот, значит, что тогда случилось. Я же чувствовала, что Серый о чём-то умалчивает.

– Всё это чудесно, Сержик, не ясно только одно – чего ты панику поднимаешь? Люди в Городе. Подумаешь! Наверняка ведь, кроме нашего где-то есть и другие поселения. Не облучённые? Ну и что? От смерти по-разному спасались. Кто-то, похоже, сумел сделать это лучше, чем мы.

– Мне очень хотелось бы, чтобы ты была права. Чтобы это было всего лишь другое, незнакомое нам поселение. Но это не так. Я не паникую, просто грудь сильно болит.

– А при чём зд... – я заткнулась на полуслове. – Они? Это – они тебя?..

С минуту Серый молчал. Наверное решал, стою ли я его драгоценного внимания. О чудо, решение было принято в мою пользу!

– Не совсем. Я следил за тобой, а наткнулся на них. Поэтому и не успел тормознуть тебя у реки, когда ты так вовремя решила искупаться. Вы действительно не столкнулись только чудом. Они шли в твою сторону, и мне пришлось их немного припугнуть...

– Ты превратился в кота? – догадалась я.

– Нет, Дина. Я *уже* им был.

Видели хоть раз лесного кота? Я видела. В высоту чуть больше метра, жёлтый с подпалинами, клыки размером с полруки, глаза красные, в темноте светятся. Ударом лапы может череп раскроить. Реагирует на любое движение, а падаль на дух не переносит. Самый верный способ выжить в его присутствии – как можно убедительнее прикинуться трупом. Я, например, научилась этому в совершенстве и всего за один раз. Когда, лет восемь назад, столкнулась в лесу с этим кошмаром. Правда, тот мой поступок вряд ли можно назвать осознанным. Я просто с перепугу грохнулась в обморок.

– Люди-то живы? – осторожно поинтересовалась я.

Серый обиделся.

– Конечно, живы. Я не убиваю без необходимости.

Я оставила его обиды без внимания.

– Это, конечно, не всё?

– Конечно. Когда ты уснула...

– В принудительном порядке! – ненавязчиво напомнила я.

– ...я отправился на их поиски, – продолжил Серый, так, словно я его не перебивала. – Они были на складе оружия. Знаешь, оно сохранилось до сих пор.

– Нет, не знаю.

– Это хорошо, что оно есть. Потому что нам, наверное, придётся воевать.

Война. Слово, знакомое по рассказам Старших. Неприятное слово.

– Ты с ума сошёл?

– Просто дослушай меня, хорошо? Я не всё понял из их разговоров. Только то, что они пришли за оружием в город, который давно заброшен. Умер. Как и люди, которые в нём жили. Понимаешь?

– Нет, – честно призналась я.

– Вот и я тогда не понял. А они очень торопились, боялись Реактора. У них была машина. Настоящая, как на картинках. Они в неё погрузили оружие и уехали. Я следил за ними сколько мог, но, знаешь, оказывается машина бежит быстрее, чем кот.

– Короче, ты их потерял.

– Да. Но это не всё.

– Не сомневаюсь. Полагаю, ты хочешь мне сообщить, что не был ни на какой охоте.

Серый хмыкнул.

– Ты прозорлива до неприличия, Диночка.

– С кем поведёшься, Сержик, – парировала я. – Ну и?

– И... И я решил всё выяснить. Я отправился на север. Туда, где, по словам Старших, после Взрыва осталась только выжженная пустыня. Очень далеко, дней пять пути, если идти тебе. Я дошёл за два. Чёрт возьми! Может, там и есть где-то пустыня, не знаю. Я нашёл только бесконечную прозрачную стену, окружающую лес, наш лес, за которым начиналось что-то другое... незнакомое... Через стену нельзя пройти. И нельзя её сломать, она прочнее камня. По другую сторону стены есть люди. Я видел их собственными глазами. Я хотел познакомиться с ними, а они стали стрелять. Стрелять. Они пытались меня убить.

Я молчала. Я пыталась представить себе жизнь без Серого и не могла.

– Старшие врут. А может, и сами не знают правды. Мир не умер. Что-то случилось, и он закрылся от нас.

– Не верю...

Похоже, это была не совсем та реакция, которую Серж от меня ожидал.

– Не веришь? Мне? Почему?

– Потому что в это страшно поверить.

– Да? А вот я поверил. После первого же выстрела. Если бы я не читал про такое оружие, я бы уже был мёртв... Потому что с виду оно совершенно не кажется опасным. Никто из наших ничего бы не понял...

– Читал?

– Ну да... Помнишь ту книгу... об истории войн...

Я кивнула. Ещё бы не помнить, если это – единственная книга, от которой Серого невозможно было оторвать. Кажется, он знал её содержание наизусть.

– Ты ею не очень-то заинтересовалась, – мстительно напомнил Серый, видимо, опять подсмотрев мои мысли.

– Не хотела мешать тебе познавать мир... Слушай, а ты, часом, не в обличье кота с ними знакомился?

Он хмыкнул.

– Не совсем.

– Ясно. Преобразился, поди, у них на глазах. Тут, если честно, кто угодно испугается.

Серый мою умную мысль, как всегда, проигнорировал.

– Одно утешает. Думаю, мне удалось от них уйти.

– Думаешь? Они, что, гнались за тобой?

Серый ухмыльнулся.

– А знаешь, что я думаю?

– Нет. Что?

– Что ты всё перепутал. Нет там никаких людей.

– Ага. А стрелял я в себя, значит, сам?

Здесь трудно было что-то возразить. Впрочем, следующая фраза Серого не дала мне возможности подумать над этим.

– Ты должна пойти туда.

– Зачем?

– Мы должны знать, чем этот мир нам угрожает.

– Нет там никакого мира.

– Вот и проверишь.

– Одна?

– Да.

– Что?!

Чтобы Серый куда-то отправил меня без сопровождения?

– Ты, наверное, когда падал, головой ударился.

– Боишься?

Просачивающийся сквозь ставни дым избавил меня от необходимости отвечать.

– Мы, кажется, горим, – сказал Сержик. Он умел и любил замечать очевидное.

– Спасибо, а то я сама не поняла.

Я попыталась открыть окно. В лицо полыхнуло пламя.

– Ты с ума сошла? Задохнёмся ведь!

Ещё Серый любил давать советы.

– Ди-ина!

Пожалуй, я ещё никогда не была так рада слышать этот голос.

– Лера! Лерка! Мы здесь!

– Отодвинь стол от двери, – посоветовал Серый.

Я не успела. Дверь распахнулась, отшвырнув стол как пушинку, к противоположной стене. В проёме в клубах дыма маячила знакомая однорукая фигура. В моих мечтах, правда, его появление было не столь драматичным.

– Все живы?

– Пока – да.

– Мы торопились.

– Спасибо, – искренне сказала я. – Только, знаешь, Марик... не махай арбалетом перед моим носом.

– Почему? – наивно поинтересовался он.

– Потому что я видела, как ты стреляешь!

– Тьфу, – сказал Эдик, отодвигая Марика в сторону. – Всего-то десяток завшивленных волков! Серый! Ты чего тут прохлаждаешься?

Я почти услышала, как у Сержа закрипели зубы. Собственная беспомощность очень его раздражала.

– М-м, Эдик...

– Дина!

В дверном проёме появилась Лера.

– По-моему, нам всем лучше покинуть помещение, – сказала я, игнорируя её вопросительный взгляд. – Эдик, помоги Сержику... аккуратнее, дурак! У него всё тело в дырках!

– Всё-всё? – ехидно переспросила Лера.

– Слушай, давай оставим твои комментарии на потом?

Марик вышел из дома последним. Ещё через пару минут крыша рухнула.

Мы отступили в лес, пока Лерка гасила ею же разведённый огонь.

– К чему столько шума? – спросила я Эдика. – Что, одними арбалетами обойтись не могли?

– Могли, – он почти тащил на себе Сержика. – Да только Леру разве остановишь? Ну и перестаралась немного... Солнце в расчёт не взяла. А что у вас случилось? Как вы тут оказались? Вся община спит, только вас куда-то понесло!

– До сих пор спит?

На улице было, конечно, довольно жарко, но не настолько же...

– Старшие дали нам немного передохнуть. Так что здесь случилось? – Эдик оказался очень настырным. Я глянула на Серого. Он отрицательно покачал головой. Говорить правду явно не стоило. Впрочем, я и сама это понимала.

– Неудачно поохотились.

– А конкретнее?

– Поохотились неудачно, – повторила я. Эдик нахмурился, но промолчал. Не то, чтобы он обожал совать свой нос в чужие дела, но ведь иногда соседская жизнь кажется такой интересной... Особенно, когда её приходится спасать... Любопытство – не порок... Если исключить из обсуждения некоторые вопросы, то почему бы и не поделиться впечатлениями... Мы, ведь, друзья.

Впрочем, это не наш случай. Исключив из рассказа всё ненужное и запретное, обсуждать в нём уже нечего.

13

*Вижу человека!
Человека?
Чужой-4*

– Ну, и как тебе у нас? – спросил лейтенант.

– Кошмарно, – честно признался я. – То заяц двухголовый, то комары размером с ладонь, то запах этот... трупный... вся тайга провоняла... А дней десять назад оборотня видел.

– А-а! Так это ты здесь пальбу устроил? Все посты на ноги поднял? Зачем? Всё равно он за барьером был.

– Испугался.

– Хоть попал?

– Кажется, да. Проверять-то никто не пошёл. И откуда они там только берутся?

– Мутации, – охотно пояснил лейтенант. Он вообще оказался человеком разговорчивым. – Представь, какой на станции выброс был, если в зоне поражения такой квадрат оказался? А потом ещё облако радиоактивное, дожди... Зайцы с двумя головами – это мелочи жизни. Причем, заметь, сколько лет уже прошло, а...

– Сколько?

– Чего – сколько?

– Ну, сколько лет? Как давно это было?

– Да уже больше полувека назад.

– До города отсюда километров шестьсот, не меньше?

– Больше. Сдохнуть боишься?

– А ты – нет? – удивился я.

– Тебе здесь месяц за четыре идёт. Полгода службы вместо двух и домой. Можно и потерпеть.

– Можно, конечно. Лишь бы девушки потом тоже терпели.

Лейтенант ехидно усмехнулся.

– Об этом следовало подумать, когда контракт подписывал. А сейчас лучше заострить внимание на другом. А то, не приведи Господь, кончишь, как Тим.

– Тим? Я такого не знаю.

– Вот именно, не знаешь. Съели его. Заболтался на посту и...

– Врёшь!

– Нет. Тебя вместо него прислали.

На призывном пункте о такой мелкой детали, естественно, умолчали.

– И как же они через силовой экран просочились?

– Не знаю, не видел. Если бы видел, сейчас бы с тобой здесь не трепался.

– А ты не боишься? Ну... как Тим?

– Не боятся только идиоты. Я человек предусмотрительный. Главное – никогда не забывать о двух вещах.

– О каких?

Меня, как молодого и не женатого, очень волновали всяческие меры предосторожности.

– О защитном костюме и автомате.

– М-да...

– А ты думал, я о чём? Да не дрейфь. Шесть месяцев – это не срок. Я вот здесь уже пятый год. И уезжать пока не собираюсь.

– Почему?!

– А мне нравится. Лес, свежий воздух. Где ты ещё у нас такое встретишь? Всё ведь давно загадили.

– Ну не скажи...

– А что, не так? Здесь ведь фактически – заповедная зона.

Вот это оптимизм!

– Ага. И уровень радиации – в четыре раза выше нормы.

– Далась тебе эта радиация! Хочешь правду?

– Правду? – не понял я. – Какую правду?

Лейтенант, похоже, начинал злиться.

– Знаешь, сколько *там* народу осталось?

– Там?

– Да, там! За стеной!

– Какого народу?

– Дурак! Ты что, думаешь, что после аварии из города кого-то вывозили?

Я вообще ничего не думал, но сообщать об этом не рискнул.

– Чёрта с два! Правительство, почуяв, чем пахнет, велело зону заражения перекрыть. Ни въехать, ни выехать. Понимаешь? Въезжать-то сюда никто не собирался, кроме желающих задарма вещичками разжиться, не важно, что с мёртвых. Добра в городе осталось много. И оружия. Станция ведь считалась секретным военным объектом, ну и охраняли её соответственно. А вот выехать хотели многие... Да, если уж совсем честно, не так много их и осталось после аварии. Всё равно, не дали. Мало ли, вдруг заразные. Здесь ведь и химпроизводство какое-то было. Не то оружие, не то удобрения, не важно. Главное, зону закрыли. Проволоку натянули и ток пустили. А по особенно настырным – из автоматов. Топайте, откуда пришли.

Он замолчал, как будто оборвал сам себя.

– Ты-то откуда столько знаешь? – недоверчиво спросил я. – Информация, поди, засекреченная.

– Засекреченная, – ухмыльнулся лейтенант. – Любой на базе подтвердит.

«Все знают, но мы – никому», – подумал я.

– Ну а сейчас... сейчас-то мы здесь что караулим?

– Вход и выход, дубина. Во-первых, для наших это слишком уж заманчивое место. Глухомань, оружия полно. Не слышал что ли, с месяц назад на соседнем посту троих поймали.

– Как же они через экран проходят?

– А чёрт его знает! Впрочем, его при большом желании и достаточном умении можно отключить.

– Ладно, а во-вторых?

– Во-вторых? Во-вторых, мы монстров отпугиваем. Ты же видел, *что* там живёт. Полтинник прошёл уже, а ничего не изменилось, разве что мутантов больше стало. И, знаешь, новые какие-то появляются. У них, видать, эволюция тоже на месте не стоит.

– А не проще выжечь всё к чёртовой матери? И – ни зоны, ни головной боли?

– Не проще. Ты не понял, что ли? Там же люди! *Лю-ди!* Кто-то обязательно должен был выжить.

– Видал я их зайцев. Если кто и выжил, то это уже не люди.

– Заяц ещё не показатель. Да, мутанты. Но всё равно, *люди*. Мы сами их там оставили. Знаешь, там, похоже, реактор до сих пор работает. Никто в этом не уверен, но... Обратное ведь тоже не доказано? Уровень радиации за пятьдесят лет не снизился ни на один рентген. Бомбанём, а потом полстраны в такую вот зону превратим. Дешевле здесь держать охрану, чем потом укрытие от радиации искать.

– Значит, пусть живут?

– Значит, пусть живут.

Вот и договорились.

У меня внезапно заложило уши, как будто самолет зашёл на крутой вираж. Сработала сигнализация. Только странно как-то сработала...

Мы оба разом обернулись в сторону силового барьера и замерли в изумлении.

– Бог мой! Эй! Что ты там делаешь? – воскликнул лейтенант.

Там, прячась за стволом огромной сосны, стояла девчонка. На вид ей было не больше пятнадцати, хотя я плохо определяю возраст. Высокая, худая, с длинными растрёпанными волосами и огромными, как в японских мультфильмах, глазами. Куртка и штаны из плохо выделанной тёмной кожи, высокие армейские ботинки, рукоятка ножа торчит из-за пояса.

Мой напарник шагнул к ней прежде, чем я успел остановить его.

– Куда ты? Она же *чужая!*

– Какая тебе чужая! Обыкновенная девчонка, у меня самого могла бы уже быть такая дочка.

А девчонка всё смотрела и смотрела, словно гипнотизировала. Нет, не гипнотизировала, изучала. Сначала её взгляд прошёлся по лейтенанту, с головы до ног, не опуская ни одной детали, потом так же тщательно – по мне. Я поёжился. Возникло ощущение, что она выбирает, кем сегодня лучше пообедать. И руки всё время за спиной прячет. Это последнее обстоятельство настораживало особенно сильно.

Я перехватил поудобнее автомат, нащупывая пальцем собачку. После рассказа о моём предшественнике Тиме, пусть земля ему будет пухом

(хотя его, наверное, и не хоронили вовсе), у меня не возникало желания близко познакомиться с местной фауной.

А её глаза тут же сконцентрировались на оружии.

– Ты кто? – задал я глупый вопрос.

Она протянула левую руку, коснулась барьера, и я с ужасом увидел, как ладонь прошла сквозь экран, как сквозь воду, не встретив ни малейшего сопротивления. От резко выросшего давления снова заложило уши.

– Эй-эй! – растерянно выкрикнул лейтенант.

Я выпустил автоматную очередь в воздух. Девчонка метнулась в заросли.

– С ума сошёл? – переспросил мой напарник. – Сейчас сюда половина базы набегит.

– Видел? Видел? Силовой барьер тоже не помогает, – сказал я, с неудовольствием отмечая, что мой голос, в отличие от его, сильно дрожит.

– Ты чего патроны тратил, дурак?! Это же – девочка! Де-воч-ка!

– Девочка, – растерянно повторил я, с трудом выдёргивая из ствола соседнего деревца на уровне груди толстую чёрную стрелу. Когда же она успела выстрелить? И из чего?

– Ну-у... – присвистнул лейтенант. – Мы бы соорудили тебе великолепный сосновый гроб. Если тебя это утешит, конечно.

Утешило, как же.

Снова 13

*Нет такой тюрьмы, из которой
невозможно было бы выйти.*

Монте-Кристо

Меня не было тринадцать дней. За это время у Серого почти срослись кости на ноге, и, мамиными заботами, набралось немного лишнего мяса на рёбрах. Я была рада видеть его. И он тоже. Я видела блеск в его глазах, и не могла ошибиться.

– Они не придут, Сержик.

– Уверена, Дина?

– Уверена. Они нас боятся. Поэтому ты сумел вернуться живым. Тебя, как и меня, просто не стали преследовать. А Старшие действительно скрывают от нас правду. Когда-то их всех здесь бросили. Только я сейчас думаю, что они правильно делают. Ни к чему нам тот мир. Ни к чему.

Он прижал меня к себе и долго-долго не отпускал. А потом, посадив рядом, заставил рассказать обо всем. Не уверена, смогла бы я это сделать, если бы не чувствовала тепла его тела. Серый слушал внимательно и спокойно. Только костяшки пальцев, сжатые в кулаки, стали совсем белыми от напряжения.

– Ты молодец, Дина. Молодец. Только... зачем ты стреляла?

Я ответила не сразу, боясь, что мои слова рассмешат его.

– За тебя хотела отомстить.

Но Серый не засмеялся. Снова обнял меня и шепнул на ухо:

– Я боялся, что ты не вернёшься.

– Почему?

– Я же понимаю, что тебе тяжело с нами. Там... они... такие, как ты.

Я вспомнила молодого человека в серебристой одежде со странным прозрачным пузырьём на голове. Он выстрелил в меня, не задумываясь.

– Если ты ещё раз скажешь это, я и впрямь уйду от тебя, Серый.

Я не шутила, и он сразу это понял.

– Я хочу, чтобы ты пообещал мне никогда... слышишь?.. никогда и никому не говорить о том мире! Ты не пойдёшь туда, не устроишь войну и...

– Радость моя, я ведь даже толком не знаю, что это такое!

– Мужчины каким-то непостижимым образом всегда это знают. Если ты пообещаешь, я скажу тебе нечто действительно важное. Нечто такое, что однажды изменит нашу жизнь.

Серый осторожно коснулся губами моих губ и тихо сказал:

– Обещаю.

Я улыбнулась и встала.

– Хорошо.

Он дёрнул меня за руку, не слишком нежно усаживая обратно.

– А где же новость?

Я снова улыбнулась.

– Ты дал слово, помнишь?

– К чёрту!

– А что такое «чёрт», Сержик?

Он отмахнулся от моего вопроса, как от назойливого насекомого.

– Что ты от меня скрываешь?

– Я жду ребёнка.

И пока Серый переваривал мои слова, я подумала о том, чего действительно ему не сказала.

Я не сказала, что могу пройти через прозрачную стену, построенную *теми*... Могут я, а значит, смогут и мои дети. И однажды я покажу им *наш* мир.

Посмотри мне в глаза

Бог творил Мир шесть дней.
На седьмой, пока Он отдыхал,
в Мире объявилась Любовь.
Так с тех пор и пошло –
Бог сам по себе,
а Любовь – сама по себе.

Автор

День первый. Суббота

00.30, моя квартира

Брови – чёрные, тонкие, с изгибом... цвет глаз – серый... нет, лучше синий... кожа смуглая... нос, скулы... теперь волосы... грудь... Макияж... Белье... Брючки, майка, босоножки, сумочка. Ничего не забыла? Ах, да! Ключи от квартиры!

Вечер тёплый, небо – ясное. Весна – ...ну, как обычно.

Таксист лихо тормозит машину возле дверей кафе. Неделя прошла удачно, и у меня есть полное право расслабиться.

00.50, кафе «Сфинкс»

Дурацкое название. Дурацкое заведение. Два зала, столики, танцплощадка, бар, бильярд. Дорогой ремонт, приятный полумрак, громкая музыка, лёгкий запах табака в сочетании с исправно работающими кондиционерами. Если хочешь побыть в одиночестве, сюда приходить не стоит. Впрочем, именно сегодня я одиночества не хочу. Я хочу компанию. А конкретнее – компанию мужчины.

Я улыбаюсь своему отражению в огромном зеркале, перекидываю сумочку на другое плечо и шагаю навстречу музыке и темноте.

– Привет, – киваю я бармену. Интересно, что заставляет таких мужиков работать «принеси-подай»? Ну и, конечно, он совершенно в моём вкусе.

– Привет, – улыбается он. – Мартини и апельсиновый сок?

Я несколько теряюсь. Возникает странное чувство узнавания... Нет, не я узнаю – меня узнают. Теоретически – это невозможно. Я научилась меняться ещё в детстве, и пока что это умение меня ни разу не подвело. Так что теоретически – невозможно. А практически?

Ой-ой-ой.

– Мартини и сок, – чуть напряжённо говорю я. – А мы знакомы?

Я была здесь всего один раз и с другим лицом. Неужели?..

– Нет, – снова улыбается он. – Но очень хотелось бы.

Всё в порядке. Я вздыхаю чуть глубже и тоже улыбаюсь.

Бармен наливает мне коктейль в высокий мутного стекла бокал, кидает сверху пару кубиков льда.

– Меня зовут Ян.

Ян. Имя вызывает ассоциации, не то чтобы неприятные, скорее наоборот... Бывают же в жизни совпадения... Янек. Янус. *Двуликий Янус*. Хм...

– А меня Яна...

Это моё имя. В смысле, моё *настоящее* имя. Интересно, что меня дёрнуло за язык?

– Выходит, мы с тобой тезки?

– Выходит, тезки.

Бармен усмехается, смотрит мне прямо в глаза. Так смотрит, что мне сразу же хочется зажмуриться. Я лихорадочно глотаю холодный напиток. Лёд медленно тает, звонко стучит о стенки бокала, о мои зубы.

– Эй, красавица, привет!

Я цепляюсь за этот голос, как за спасательный круг. Стойка бара тонущим кораблём остаётся где-то за спиной вместе с барменом Янусом и моим коктейлем. Я блуждаю в танце, в поцелуе, в своих растрёпанных чувствах. Я уйду с мужчиной, которого не знаю, но не это пугает меня.

Не это. Я вдруг понимаю, что боюсь. Впервые в жизни я боюсь человека.

8.40 утра, чья-то квартира

Так, лифчик безнадежно испорчен...

– Ты куда?

Проснулся всё-таки... Уйти по-английски уже не получится.

– Домой.

– Подожди, подожди, Алёна!

А майка на голое тело тоже нормально смотрится... грудь только надо уменьшить...

– Ну, чего тебе?

– Тебе что, не понравилось?

Господи, только вот этого не надо... Мужское самолюбие – терпеть его не могу.

– Понравилось-понравилось.

– Слушай... Ты такая... Такая... чудесная!..

– С-спасибо...

Очень хочется пройтись босиком. Только вряд ли прохожие на улицах оценят это по достоинству.

– Алён, мы увидимся сегодня?

– Нет.

– А завтра?

– Нет.

– Тогда когда же?

– Никогда.

Усилим воли заставляю себя надеть босоножки, на ходу застёгиваю пуговку на брюках, подхватываю сумочку и выскакиваю за дверь.

Чёрт, уже почти девять! Надо забрать документы из офиса. И к встрече с Чегинаром подготовиться как следует, иначе сделка сорвётся.

И кошка не кормлена ещё, и Катяка...

До офиса вполне успеваю дойти пешком. Необходимо подумать...

Переговоры с Алексом могут затянуться. Что делать, ума не приложу. Чегинар не дурак, что меня, впрочем, не удивляет. Он руководит большим хозяйством, значит, мозги есть.

Интересно, я ему нравлюсь?

Нравлюсь.

Я это всегда чувствую.

Дождь идёт. Чегинар – это шанс для нас. С другой стороны, и я ведь для его компании – тоже не самый худший вариант. Чёрт возьми, один из лучших! Так в чём же проблема?

Капли мелкие, резкие, нервные. Жаль, что нет грозы. Я влюблена в ураганы, в грозы, в метели... и они отвечают мне взаимностью... И я всегда брожу по улицам, когда ищу ошибку в своих действиях.

Надо подумать...

Из-за угла навстречу выворачивает здоровенная чёрная псина. Лохматая шерсть чуть припорошена дождём, короткие усы и блестящий нос легонько шевелятся, переводя на свой язык уличные запахи. Мы смотрим друг другу в глаза, и, могу поклясться, во взгляде пса можно прочитать удивление. А я вдруг вспоминаю, что уже видела эту собаку однажды... пару недель назад возле университета... он тогда выбрал меня из тысячи студентов, и проводил до самого офиса...

Сейчас он снова идёт за мной, словно охраняет. Приятно, хотя в охране я нуждаюсь меньше всего. Заходить в подъезд пёс отказывается. Я приглашающе держу дверь открытой, но он гордо проплывает мимо. Я смотрю на удаляющийся чёрный силуэт и пытаюсь отделаться от странного чувства из смеси тревоги и облегчения... В подъезде сухо и тепло. Я трясую головой, избавляясь от дождинок, снова вспоминаю о Чегинаре. Вообще-то странно, что я смогла забыть о нём хотя бы на пару минут...

Ну же, Янка!

А чего «ну»? Всё, что могла, я ему уже сказала...

Значит, не всё!

Думай, Яна! Думай!

11.22, моя квартира

– Мя-а-у!

Это Джинни. Она досталась мне по наследству от прежней хозяйки квартиры вместе со старым диваном и домашним кинотеатром. Диван я выбросила, кошку оставила. Вернее сказать, Джинни сама решила остаться. Она очень самостоятельная девочка, совсем как я, и живёт своей собственной неповторимой жизнью, в которой почему-то находится место и мне. Она любит точить когти о новую мебель и засыпать рядом со мною у телевизора.

– Мне сейчас некогда играть с тобой, Джинни, – отмахиваюсь я от её настойчивых требований, стягивая с себя пропахшую дождём, табаком и чужим мужчиной одежду.

– Ма-а-аур-р!

Я смеюсь. Заявление моей кошки в переводе прозвучало бы совершенно нецензурно.

– Где ты нахваталась таких неприличных выражений, киса?

– Ур-рм-мя-ау...

– Только не надо меня шантажировать, ладно? – я бросаю одежду в ванную, на кухне включаю чайник. Готовить уже некогда, придётся забежать в какое-нибудь кафе... – Ай!

Это Джинни царапает меня за ногу.

– Больно!

– Ур-р... – соглашается она. Я быстро выкладываю на блюдце кошачьи консервы, улыбаюсь, видя, как Джинни бросается к еде.

– Прости, киса... У меня было свидание... Наверное, сегодня я всё-таки приду ночевать домой...

– Мур-р... – скептически отвечает Джинни. Она не верит мне, но уже не сердится. И то хорошо. На земле не так много существ, которых я люблю, и Джинни одна из них.

– Хор-рошо-о... – я сооружаю себе большой бутерброд из копчёного мяса, сыра и зелени, наливаю чай и усаживаюсь со всей этой красотой на подоконнике. – Я бы приходила чаще, но ведь ты умудряешься каждый раз испортить мне свидание!

– Урм-м...

– Эй! Я всё ещё помню прошлый раз! Ты прыгнула к нам на постель в самый ответственный момент и напугала парня до смерти! Не подлизывайся! За каким чёртом мне тогда нужна эта квартира, если я не могу привести сюда мужчину? Я вот тут подумываю, раз ты так настроена, не перейти ли нам жить в общагу? Катьке ты очень понравишься...

– Ур-р...

Вот и договорились. Мой личный опыт показывает, что самое сложное в этой жизни – это убедить свою кошку поступать не так, как хочется ей.

16.15, студгородок, моя комната в общаге

– Катька! Это я!

Катя, моя соседка по комнате, прихорашивается у зеркала. У неё шикарные тёмные волосы и огромные, тоже тёмные, глаза. И ещё у неё чудесный характер.

– Привет, Гал... Я думала, ты раньше придёшь...

– Я тоже так думала...

Я быстро скидываю с себя юбку, блузку, кутаюсь в халатик, на ходу заглядываю в чайник.

– А чая нет?

– Сейчас поставлю. Ты куда-то опаздываешь?

– Ещё нет, но... А что у нас к чаю?

– Там ещё пряники остались, – Катя кивает на стол. – На один раз хватит.

Я достаю из сумочки шоколадку, улыбаюсь.

– Ненавижу пряники, ты же знаешь. Ставь чайник.

Катя выскакивает в коридор за водой.

Я подхожу к зеркалу, вглядываюсь в отражение... ничего не перепутала? Волосы короткие, глаза серые. А вообще-то, всякое бывает... Придумывая потом про контактные линзы и парики... Нет, кажется, всё в порядке...

И чего это я так разволновалась? День как день... самый обыкновенный. И ночь тоже была обыкновенной – мартини, танцы, чужая постель. А бармен... А что – бармен? Померещилось... Нет, всё как всегда. И ничегошеньки не меняется, кроме меня самой.

Я поправляю растрепавшийся локон, улыбаюсь сама себе. Я молода, красива, умна, богата, желанна. Я...

Возвращается Катя. Включает чайник, улыбается мне. Она вообще часто улыбается. Хорошая девочка, жаль, что приходится её обманывать. Наверное, однажды я всё расскажу, всё-всё... Вот интересно, как она отреагирует?

– Ты-то чего не на парах? – спрашиваю у Кати.

– Проспала, – она невинно моргает длинными ресницами. – Тебя не было, никто с утра не скомандовал...

Я для Катки нечто вроде будильника – сама рано встаю, и её поднимаю.

– Вот интересно, как это ты раньше без меня обходилась, а, Катюх?

– Даже и не представляю, – смеётся она.

Я пью чай, обжигая пальцы о горячий стакан, слушаю последние общаговские сплетни, одновременно взвешивая будущий разговор с Алексом. Если он подпишет договор, мы обеспечены работой на всё следующее полугодие. А значит, деньгами тоже. Чёрт, ну что бы такое ему ещё предложить?... Себя, что ли?

– Гал! Галка!

– А? Что, Кат? Извини, я задумалась...

Катя бросает мне на колени какую-то бумажку.

– Ты просила расписание зачётов для тебя узнать...

– Спасибо, Катюх.

Я тянусь к сумочке, достаю из неё ещё одно расписание, сравниваю...

– Чёрт, во вторник сразу два... Могу не успеть...

Катя молча жуёт шоколадку. Она никогда не лезет в мои дела.

День второй. Воскресенье

Между 8.00 и 9.00, в машине где-то на трассе за городом

«М-да... ночь была та ещё! Чудесная ночь. Алик-Алик... Не зря про него такие слухи бродят... И фигура у него... хм... хороша... Даже если мы не подпишем контракт... всё равно... это была чудесная ночь... чудесная...»

Я гоню машину на предельной скорости. Трасса почти пуста. Тело, заласканное Аликом и ветром, поёт о сбывшемся прекрасном. Кажется, так не бывает...

«Чудесная ночь... чу-удесная ночь...»

Звонит мобильник. На такой скорости отвечать на звонок равносильно самоубийству. Я беру трубку.

– Мы будем у тебя в офисе сегодня в четыре, – говорит Алекс Чегинар. – Подготовь контракт на тех условиях, что мы обсуждали вчера. Сумма оплаты твоя. Полагаю, ты не продешевишь.

Короткие гудки.

Я резко торможу, одновременно пытаюсь побороть в себе растерянность и радость. Больно стучаюсь грудью о руль. Мобильник падает куда-то под сиденье. Чёрт! Чёрт! Алекс, чёрт бы тебя побрал!

Он согласен!

Так, что теперь? Встреча сегодня в четыре... О, чёрт! Сегодня же – воскресенье!

Я судорожно ишу телефон.

– Марина! Да, я... Доброе... Даже не сомневайся! Извини, догадываюсь, что тебе в воскресенье не до работы... ладно-ладно... собери ребят... да, звони прямо сейчас, пока они ещё сонные... Угу... нет, просто спросонок человек способен пообещать всё, что угодно... Смейся-смейся, разрешаю... Повод? Чегинар согласен, это для тебя веский повод? Ну... лучше уж сразу быка за рога... а чёрт его знает, где там у него рога! Ладно... ладно!.. Давай!.. Значит, в три в офисе. Чегинар будет в четыре... Нет!.. Да потому что дел по горло! Смотри, без опозданий!

Домой! Домой! Умыться, переодеться, накормить Джинни, и – в офис. Времени не так уж и много. Особенно с учётом расстояния, что отделяет меня сейчас от города.

...Эй! Придурок! Ну, куда ты прёшь на своем антиквариате!?

15.00, офис

– Все будут, Марин? Предупреди ребят, чтобы без всяческих там эксцессов! Не смотри на меня как оскорблённая невинность, знаю я вас... то то, то это... Чегинар – наше будущее, понятно?

– Очень даже понятно, Анна Сергеевна, – бурчит мой секретарь. Несмотря на заверения в готовности работать в выходные, *действительно* работать в выходные никто не любит.

– И подготовь комплекты бумаг, – я бросаю ей на стол возле монитора семь исписанных мелким чегинаровским почерком листов. Поверх его текста видны мои собственные корректировки, те, которые я сумела отстоять вчера за ужином. Ещё до постели. Потом о контракте мы уже не говорили.

В правом верхнем углу моим же почерком шестизначная цифра.

– Что это, Анна Сергеевна? – затаив дыхание, уже угадывая мой ответ, интересуется Марина.

– Наша зарплата.

– А-а? О-о-о... И... и Чегинар согласился?

– Согласился.

На самом деле, вчера вечером сумму мы вообще не обсуждали. Не дошли до этого... А сегодня Алекс сказал: «На твоё усмотрение». Вот я и «усматриваю». Называть мало – глупо, слишком много – глупо вдвойне...

– Хорошо, – Марина бодро кидается к клавиатуре. Подозреваю, в уме она уже прикидывает, куда можно потратить свои деньги. Бо-ольшие деньги...

– Заранее не радуйся, их ещё заработать надо, – замечаю я, улыбаясь её энтузиазму.

– Заработаем, – бормочет Марина, лихорадочно гоня мышкой по коврику в поисках нужных документов. – Вы идите, идите, Ан Сергевна, я тут сама...

Сама так сама... Нет, я уверена, что прекрасно обошлась бы и без секретаря, но ребята упёрлись – так, мол, солиднее. Пришлось соглашаться. Хотя я и директор фирмы, и возраст мой здесь официальный тридцать два года, но, признаю, в словах подчиненных тоже иногда бывает рациональное зерно.

Я запираю дверь в кабинет на ключ и подхожу к зеркалу. С фигурой у меня всё в порядке, а вот макияж поправить не помешает. Чуть больше зелёного блеска в глазах, естественный румянец, тонкий слой вишнёвой помады в тон костюму и гранату в золотом колечке. Улыбка, осанка, причёска, голос – всё выверено и отрепетировано ещё дома.

Приятно сознавать, что ты идеальна. Во всяком случае, Алик после первого поцелуя именно так и сказал. И если бы не это, уверена, чёрта с два мы бы получили его заказ!..

Но моим ребятам на фирме ничего такого знать не положено. Официально я в свои тридцать два считаюсь *совершенно* неприступной леди.

Если на то пошло, *официально* и Алик считается неприступным мужчиной! Хи.

Без пяти четыре. Пора.

Открываю дверь.

За дверью Алик, два его помощника (читай – телохранителя) и мои ребята.

У Алика в руках папка с документами и красивый, наверняка, очень дорогой, в стиле «модерн» букет цветов.

– Не по-деловому, знаю, – говорит он, широко улыбаясь. Галантно склоняется к моей руке – ариец, голубая кровь... – Зато приятно. Красивая женщина требует красивого к себе отношения.

Мои ребята цепенеют от удивления. Помощники Алика, видимо, проинструктированные заранее, хранят вежливое молчание. Об Алексее Чегинаре ходят разные легенды, в том числе и о невероятном количестве разбитых его равнодушием женских сердец. Говорят, он из тех редких мужчин, что способны оценить в женщине не только внешность...

Я принимаю букет, улыбаюсь. На самом деле, радоваться мне ещё рано – контракт пока не подписанными и никчемными в таком виде бланками

дрожит в руках Марины. Но букет, я и наша с Аликом ночь, всё это слишком хорошо, и поэтому я улыбаюсь.

Мы садимся за стол. Марина раздаёт комплекты документов. Алекс открывает папку, быстро пробегает договор глазами. Это совершенно лишнее, условия контракта, естественно, с утра не изменились. Чегинар знает, что мошенничать я не стану, и всё равно читает. Потом долго смотрит на меня и улыбается в ответ. Я вдруг понимаю, он тоже думает о прошедшей ночи, и мне это приятно.

Он подписывает контракт в полной тишине, страницу за страницей, первый экземпляр, затем второй. Передаёт их мне, следит за моей рукой, внимательно, словно ждёт, что я ошибусь в написании собственного имени.

– Надеюсь, ты не разочаруешь меня, Анна, – говорит он уже от дверей. Его «помощники» смотрят на нас без улыбок, равнодушно и запоминающее.

Честно говоря, я тоже на это надеюсь.

Кроме всего прочего, Алекс Чегинар ещё и очень опасный человек.

Ну, так про него говорят...

– Можно, я пойду, Ань? – сонно интересуется Стас. Он единственный в нашей организации называет меня на «ты». Мы давно знакомы... – Спать охота...

– Чем ты ночью-то занимался? – ехидно интересуется Владик.

Стас не отвечает, только насмешливо щурится. Он никогда никому не рассказывает о своих похождениях.

– Иди, – отпускаю я. – И вообще... все вы идите... идите-идите-идите... надоели уже! Ну! Чего ждете? Завтра будет новый день... и новая работа! А сейчас – свободны!

Стас и Владик выскакивают за дверь. Боятся, что я передумаю.

– Завтра с утра парень придёт на работу устраиваться, – напоминает мне Марина, запирая в сейф бумаги. – Нам нужен был человек со стороны, чтобы закрыть Ниминова...

– Я помню, Марин. Иди уже.

Женя задерживается возле Марининого стола.

– Ань Сергевна!

– Что, Женечка?

Ему только восемнадцать, и он жутко стеснительный. Стеснительный гений...

– Ань Сергевна, а вы контракт внимательно читали?

– Угу, – рассеянно говорю я. – Вчера. А в чём дело?

– Я не юрист... скажите, что будет, если мы не найдём крота?

– Если не найдём, значит, его там нет.

– А если они подумают, что мы плохо искали? Они могут разорвать контракт, да?

– Ну... могут, конечно...

– И нам ещё и неустойку придется платить, да?

– Женя, – говорю я медленно и спокойно, – Женечка, иди спать!

– Я выспался...

– ...Мы найдём им крота, Чегинар останется доволен, мы получим кучу денег. Подумай лучше над тем, куда ты их потратишь...

– Шкура неубитого медведя...

– Контракт на полгода, с возможностью продления ещё на полгода. Чегинар не кинет нас, поверь.

Женечка, маленький худенький гений-программист, весь в сомнениях, как в паутине, наконец, уходит домой. Я остаюсь одна. Сбрасываю босоножки, смотрю в зеркало. Пора ехать в общагу... Ещё к зачётам готовиться надо. Ну, хоть немного, ради приличия. Джинни обидится – я снова ночью не дома. Вчера Алекс повёз меня к себе. У него красивый дом... это, впрочем, как раз и не удивительно... с такими-то доходами!

Пора... И не забыть бы лицо изменить...

Ой, господи, какой же завтра будет тяжёлый день... Нет, я не устала, я никогда не устаю. Отец говорит, в него пошла. Не устаю, просто иной раз так хочется всё бросить, завалиться на кровать, проболтать с Катькой ни о чём до рассвета... Нельзя. Хочешь жить – умей изменяться.

А кстати... вот ведь недоразумение... У меня же сегодня день рождения!

Вечер, моя комната в общаге

Я бездумно листаю конспекты, время от времени поглядывая на часы. Устойчивое чувство, что я что-то забыла сделать... Лекции надоели до смерти. Хочется выпить и потанцевать.

– Уже восемнадцатое, – обречённо вздыхает Катя, перекладывая тетрадки на столе из одной стопки в другую. – Скоро сессия...

М-да... душа определённо требует праздника...

– Катька, есть хочешь? – спрашиваю я.

– Хочу, – немного подумав, отвечает она. Устраивается перед зеркалом и принимается расчёсывать до блеска свои шикарные волосы.

– Собирайся!

– Что? – она перехватывает волосы резинкой и с любопытством оборачивается ко мне.

– Собирайся. Пойдем в ресторан... Да знаю я, что у тебя денег нет, знаю! Зато у меня есть.

– С чего вдруг? – интересуется Катька. Это она про ресторан. Откуда у меня деньги, она не спрашивает никогда. Думаю, она подозревает во мне скрытую проститутку. Ну и ладно, мне всё равно.

– С того, что у меня сегодня день рождения.

– Ой! – она смущённо улыбается. – А я не знала...

– Честно говоря, я сама несколько подзабыла. Пошли-пошли... Я плачу.

– Хорошо, – Катька бросается к октану в лихорадочном поиске приличного платья. – Дорогой ресторан?

– Дорогой, – киваю я, поправляя на плече узкую ляпочку нового лифчика. – Только ты особенно не наряжайся, ни к чему. Там обстановка совсем к этому не располагающая.

– А мужчины будут?

– Никаких мужчин, Катя! – смеюсь я. – Пожалуйста, пусть хоть сегодня не будет никаких мужчин!

В районе полуночи, «Норд»

«Норд» – тихий, уютный, дорогой ресторанчик. Здесь закрываются не на ночь, а на день. Здесь не толпятся девочки, заглядывающиеся на твоего спутника. И здесь хорошо кормят. Я люблю «Норд». Хотя, честно говоря, я мало, что люблю по-настоящему.

А Катька, всё-таки, замечательная девочка. Мы уже почти год живём в одной комнате. Хорошо живём, без ссор и споров. Наверное, у неё множество недостатков, но я знаю только два: она жутко боится тараканов и совсем не умеет готовить. И ещё Катька совсем не умеет пить, я давно заметила, только вот это вряд ли можно назвать недостатком.

– Скажи, ну скажи, Галка, как это ты всё успеваешь?

– М-м-м... Ну-у...

Я не знаю, что ей ответить. Правда – штука странная, ей не всегда верят. А врать сейчас, когда мне так тепло, так спокойно – совсем не хочется.

– Знаешь, а я опять с ним поругалась, – Катя внезапно меняет тему. Она вообще часто так делает – сначала спросит о чём-то, и вдруг – сразу о другом заговорит. Я первое время не успевала следить за такими её «переходами», потом привыкла.

«С ним» – это с Иваном. Не понимаю, чего Катя в нём нашла. Невысокий, крепкий, с явно намечающимися залысынами и пивным брюшком. Заикается и командует. Ни стилиа, ни денег, ни перспектив. Наука – говорит Катя. Ха три раза. Наука? Если бы я так занималась наукой, то всё ещё училась бы на первом курсе и жила бы на стипендию. Наука! Нашёл себе девочку для битья и издевается над ней. И ведь даже ничего не обещает, так просто, привязал к себе (чем вот только – не понятно...) и время от времени для профилактики устраивает сцены типа «я ухожу от тебя» или «так мы дальше жить не сможем...» Катька мне редко жалуется. Только когда совсем уж припечёт. Я молчу. Иван, конечно, сволочь, но пока она сама не решит, я ничего делать не буду.

А ведь я могу... Да, могу... Как было полтора года назад с Владиком...

Так, что-то я пропустила, задумавшись... Катька всё говорит, говорит... Впрочем, вряд ли это что-то новенькое.

– Здравствуй...

Чужой красивый голос обрывает мои мысли. Не люблю, когда вмешиваются в разговор, навязывают компанию, в которой ты не нуждаешься...

Катька замолкает и удивлённо поднимает голову. Я тоже.

Я тону... тону...

Потом Катька встаёт, целует меня в щёку и уходит.

День третий. Понедельник

14.52, в моей комнате в общежитии

– Галка? Ты откуда? – Катяка отрывается от очередного недочитанного любовного романа. – Я тебе звонила, а номер был отключён.

– Да так... из гостей. Я, понимаешь, счёт не оплатила.

– Ясно, – улыбается Катя. – Знаешь, если с тобой что-то случится... я ведь даже не представляю, где тебя искать...

– Меня, Катя, искать не надо, – уверяю я. – Со мной ничего не может случиться. Ты больше не волнуйся, ладно?

– Не буду, – Катяка обиженно утыкается носом в книгу. Я игнорирую её обиды. Я чувствую себя счастливой, слишком, чересчур, неприлично счастливой...

– А ты, поди, голодная сидишь?

– Да я только встала, – смеётся Катя. Она всегда всё легко прощает, я так не умею... – Умыться успела...

– Я сейчас что-нибудь соображу, – обещаю я, открываю тумбочку с продуктами. – Хм-м... Яичницу будешь?

– Буду, – радостно соглашается Катя. – С чем?

– Ни с чем, – признаюсь я. – Саму по себе. Пора нам за продуктами топтать, а то оголодаем. И хлеба, кстати, нет. Может, пробежишься по соседям, Катюх?

Катя задумчиво потирает подбородок.

– У Нинки нету, сама только что заходила, спрашивала...

Она не договаривает, выходит за дверь. В некотором смысле ей проще, чем мне. Она учится на два курса ниже, в общежитии живет постоянно и у неё здесь полно подруг. Я ставлю сковородку на плиту, наливаю масла.

– Как его зовут? – ни с того ни с сего спрашивает вернувшаяся Катяка. У неё в руках два куска хлеба.

Я вздрагиваю. Почти незаметно для окружающих, но очень чувствительно для себя самой.

– Кого?

Игорь. Его зовут Игорь. Мы провели вместе ночь...

– Того парня, из ресторана, – спокойно поясняет Катя.

Я привела его в свою квартиру... сказала, что ключи дала подруга... Джинни он категорически не понравился, но я предусмотрительно закрыла дверь в спальню и включила музыку, так что обошлось без эксцессов...

– Игорь...

Катя хмыкает. Я вспоминаю, что она не любит это имя.

– Почему ты ушла?

– Потому что ты хотела остаться с ним.

– Разве я это говорила?

Катя смеётся, достаёт из тумбочки вилки, нож, тарелки и стаканы.

– Нет, не говорила. У тебя всё на лице было написано. Только слепой бы не увидел. А он красивый.

– Д-да...

Я нервничаю. Я никогда ещё не нервничала из-за мужчины... Ссоры с отцом можно не брать в расчет.

Катя опять улыбается.

– Смотри, у тебя сейчас всё масло выкипит!

Завтрак – это святое. Я забываю про Игоря, про себя, про Катю и бросаюсь спасать яичницу.

– Он придёт сегодня? – спрашивает снова Катя. И я удивляюсь обыденности в её голосе. Как будто не происходит ничего необычного... Как будто то странное чувство, которое захватило меня с головы до ног, всего лишь дело привычки... как будто...

– В восемь.

– Ладно... Ты не обидишься, если я сегодня останусь ночевать у Вероники?

Теперь смеюсь я. Катя-Катя... какая же ты умница!

В восемь...

20.01, там же

Стук в дверь, мелкий, настойчивый. Почему-то я сразу понимаю, что это *он*.

– Привет...

Игорь. Умный, сильный, интересный. Смешной. Чувственный. Мужчина. Мой мужчина?

– Здравствуй, Галя.

– Здравствуй. – Мне страшно, радостно, неловко... – А это что? Мне?

Он протягивает шикарно оформленный букет роз.

– Тебе.

Бумага хрустит в руках. Не люблю все эти прибаамбасы. Разворачивать жалко, оставлять как есть – глупо...

– Спасибо... В честь чего?

Грубо... слова вырываются сами собой, и ничего уже нельзя поделаться, и я краснею и матерюсь про себя за эту грубость. Игорь снисходительно улыбается.

– Просто так.

– Спасибо... Проходи... – я беспомощно киваю на стулья возле стола. Игорь садится на кровать, из двух безошибочно выбирая мою.

– Как у тебя дела? – спрашиваю я, чтобы хоть что-то спросить. Останавливаюсь напротив него, не зная, на что решиться – сесть на кровать или на стул?

– Мне дали работу. Временный контракт, но, возможно, с продлением срока...

Я в курсе. Странное совпадение, но парнем, про которого вчера говорила Марина, оказался именно Игорь. Его рекомендации и образование – не совсем то, что требуется моей фирме, но я подписала договор. Не могла не

подписать. Впервые в жизни я мешаю личные интересы и работу и очень надеюсь, что не пожалею об этом в дальнейшем.

– Ты ведь не одна живёшь, да?

– А? Да. Мою соседку зовут Катя. Ты её видел, она была со мной вчера в ресторане.

– Точно. Помню, такая симпатичная шатеночка.

Я подавляю непрошенный приступ ревности.

– А где она сейчас?

– Ушла в гости.

– Значит, мы одни?

Он смотрит пристально, и... Я отворачиваюсь, ставлю розы в вазу. Мне почему-то становится жарко.

– Одни.

Скрипят старые пружины. Он подходит неслышно сзади, обнимает, целует в шею.

– Галя... Галя...

Хорошо, что у нас в комнате большие кровати...

Там же два часа спустя

– Ты куда, Гал?

Потягиваясь, пытаюсь выползти из-под одеяла. Игорь обнимает за талию, притягивает обратно к себе.

– Надо воды набрать для цветов...

– Пойдём куда-нибудь?..

– Ты приглашаешь?

– Приглашаю.

– Не знаю, не знаю, – улыбаюсь я, – стоит ли идти в незнакомое место с малознакомым мужчиной?

– Стоит-стоит, – в тон мне отвечает Игорь. – Заодно и узнаешь получше...

– А вдруг я разочаруюсь?

– Но пока что я тебя вполне удовлетворяю?

Я смеюсь. Мужчина... уверенность в собственной неотразимости – это твоя отличительная черта. И я, наконец, готова с нею примириться.

– Пойдем, Гал! Я не люблю вечерами дома сидеть, к тому же я есть хочу!

– А куда?

– Куда ты хочешь?

– В «Норд». Я люблю «Норд».

– Хорошо, – он легонько щекочет меня, – тогда вставай...

– Тогда отвернись!

– Зачем? – удивляется он.

– А ещё лучше – оденься и выйди в коридор.

– Господи, ты что, стесняешься, Гал?

– Ага, – соглашаюсь я. Я должна привести себя в порядок, и свидетели здесь совершенно ни к чему.

Игорь улыбается снова.

– Ты странная, Галка, но мне это нравится.
Мне тоже. Мне тоже...

23.35, «Норд»

Я оглядываю зал, вспоминаю, как пришла сюда вчера с Катькой. Вчера?.. А кажется, что прошла вечность. Мы сидели тогда за другим столиком, почти в центре зала. Не люблю центры, просто больше не нашлось ни одного свободного. Было вот так же поздно и так же уютно. Мы ели что-то... мясо... или устрицы... или... и пили дорогое вино... хихикали и ещё пили. Потом к столику подошёл парень, я взглянула на него и влюбилась. А Катька взглянула на меня и как-то всё сразу поняла. Встала и ушла. А Игорь остался. Он, конечно, не знал тогда, что я влюбилась. Но знал, что должен остаться.

Это было вчера. Только вчера. И кажется... кажется, я уже готова рассказать ему всю правду о себе. Кажется...

– Пойдём, потанцуем, – предлагает Игорь.

Я встаю, протягиваю руку. Музыка кружит, обнимает, ласкает...

– Игорь... Я хочу тебе кое-что сказать...

Я поднимаю глаза...

Он смотрит в другую сторону. Не на меня. На девушку, идущую между столиками.

Нет.

Не может быть.

Я сжимаю пальцы в бессильной злости.

– Галя, ты что?

Я сделала ему больно.

Игорь снова смотрит на меня, улыбается нежно и доверчиво.

Наверное, я ошиблась.

С усилием отнимаю ладонь от его плеча. С усилием улыбаюсь в ответ.

– Извини... голова закружилась... устала я что-то...

Ложь. У меня *никогда* не кружится голова. Я *никогда* не падаю в обмороки. И, если уж на то пошло, я *никогда* не устаю.

– Давай, я провожу тебя домой, – шепчет он. Звук его голоса заполняет всю меня, добирается до сердца и тихо тает там.

Ложь... Я привыкла лгать сама, но не привыкла, чтобы лгали *мне*.

– Ты очень красива сегодня, ты это знаешь, моя маленькая колдунья?

Я ошиблась. Уверена, я ошиблась.

День четвёртый. Вторник

Утро, общага

Игорь ещё спит. Он признался, что любит спать по утрам. А я не могу. Ну не могу, и всё. Работать надо. Моя бабушка говаривала, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на сон.

На будильнике без четверти шесть. Я поднимаюсь, потягиваясь, перед зеркалом привожу в порядок лицо. Лёгкие движения пальцев – и никаких следов бурной ночи. Я неотразима, и прекрасно это знаю.

Сегодня должны прийти первые деньги от Алекса. Предоплата – часть контракта. Нужно позвонить Стасу... Хотя сейчас ещё, конечно, очень рано... А с другой стороны, Стас, когда на охоту выходит, не спит по три-четыре дня. А для решения задачи ему пока больше и не требовалось.

– Аня?

– Как дела, Стас? Я беспокоюсь.

– Ты мешаешь, – спокойно отвечает он. – Мы работаем.

И отключается, не прощаясь. Он всегда такой, я уже привыкла.

Хорошо бы, Чегинар остался доволен нашей работой. С Алексом сложно иметь дело. Но очень уж выгодно.

Я затягиваю поясок халата, нахожу на полке конспекты по новейшей истории, забираюсь на кровать и с тоскливым вздохом открываю первую страницу. Экзамен поставили последним в сессии, очень неудобно для меня. Преподаватель согласился принимать досрочников, и в идеале надо бы завтра этот экзамен сдать. В июне будет уже некогда... Позёвывая, я переворачиваю страницу за страницей. Мне скучно, и уже хочется чего-то нового. Ничего, на следующий год я получу диплом и подумаю, куда приложить полученные знания. Может, книгу написать? Истфак... базовое образование... Когда я поступала сюда, мною двигало лишь желание понять людей. Четвёртый курс заканчиваю, а причины войн так и остались для меня загадкой. Зато теперь я знаю историю происхождения атомной бомбы. И её устройство тоже. Разобралась по ходу дела.

Игорь ворочается на кровати, бормочет что-то во сне. Я укрываю его одеялом, поджимаю под себя ноги и перелистываю страницы тетради, одну за другой. Как и Алик, я умею быстро читать. Очень быстро.

Там же, два часа спустя

– Игорь! Вставай!

– Что такое?

Он потягивается, нехотя открывает один глаз.

– Вставай, Игорёк! Скоро Катя должна прийти... Ей на пары собираться...

– Ну и что?

– Как это что? Нехорошо будет, если она застанет нас в постели.

Игорь открывает второй глаз, улыбается сонно.

– А ты уже на ногах?

– Давно, – признаюсь я.

Мне пора на работу. Уже звонила Марина, заявила, что не позже девяти ей нужны где-то там мои подписи, и потому желательно бы мне явиться без опозданий... Интересно, кто у нас шеф? Она или я?

– Не спится?

Я киваю. Наверное, лучше сказать правду, сказать, что мне хватает для сна трех-четырёх часов, а при желании я прекрасно могу обойтись и без

них, но язык почему-то не слушается меня. Нет, нельзя. Рано. Я всё ещё помню его взгляд, и мне всё ещё хочется верить, что я ошиблась.

Я откладываю тетрадь, встаю, подхожу к окну.

– Ты читала? – удивлённо спрашивает Игорь.

– Да.

– Что?

– Лекции.

– В такую рань?

– У меня завтра экзамен.

– Сложный? Я, наверное, тебе мешаю?

– Нет, – я смеюсь. Самые сложные экзамены преподносит нам жизнь. А прочее – лишь мишура. – Нет. Я уже всё выучила.

И это правда.

– Вставай, – повторяю я. Игорь нехотя выползает из кровати, медленно надевает рубашку, подходит ко мне, целует в макушку. Шепчет что-то неразборчивое. Я отстраняюсь.

– Катя придёт в восемь. Заправь постель, я поставлю чайник.

Он грустно вздыхает.

– Можно подумать, ты спишь не со мною, а с ней.

«Спишь»... Во мне достаточно цинизма, чтобы смотреть на мужчин как вечных потребителей. Но сейчас... сейчас слово «спишь» вызывает во мне настоящее отвращение. Я не сплю с тобой, Игорь. У меня было много мужчин, с которыми я спала, и ни одного, которого бы я любила, и именно поэтому очень хорошо чувствую разницу. Я думаю об этом, а вслух говорю другое:

– Я предпочитаю не выставлять напоказ свои отношения с женщиной.

– Ну и ладно... мне всё равно в офис надо к девяти...

Он обиделся. Я обнимаю его, осторожно провожу кончиками пальцев по буграм мускулов...

Ровно через пятнадцать минут в дверь тихонько стучатся. Игорь одет, постель заправлена, чайник кипит вовсю.

– Заходи, Кать, – говорю я.

15.35, в офисе

– Аванс от Чегинара пришёл на счёт, – сообщает Марина. Владик и Женечка поднимают головы от каких-то там своих расчётов. Деньги – это всегда здорово. Деньги – это хорошие рестораны, дорогие машины, красивые девочки... Это успех, это состоятельность тебя как мужчины, как взрослого человека. Я понимаю их. Я не мужчина, но тоже люблю деньги.

У нас мини-совещание. В принципе, любое наше совещание можно назвать «мини». Потому как в конторе моей работает всего пять человек. Владик, Стас, Женечка, Марина и Игорь. Ах да, себя забыла посчитать! Тогда шесть. Всё одно – не густо. Впрочем, именно так оно и задумывалось. Но сегодня нас даже меньше обычного. Стас вторые сутки ночует в офисе у Чегинара. Игорь в командировке. Собственно, именно ради одной этой командировки его и взяли на работу.

– Замечательно, – улыбаюсь я. – Очень вовремя. Если дальше хорошо сработаем, будет вам и зарплата и премия. А пока только аванс...

– Давненько у меня не было таких авансов, – бубнит Владик. Вообще-то, им грех жаловаться, зарабатывают прилично, но и поворчать для проформы очень даже любят...

– Марина, ты мне счета подготовь, – игнорирую я слова Владика, – свет, вода, воздух... за что мы там ещё не заплатили? Завтра с тобой всё просчитаем, а потом остаток делить будем, ладно?

Вряд ли меня можно назвать образцом современного начальника. Слишком много во мне «демократии», как выражается мама. Это всё от общинных сходов. Ну и что! На мой взгляд, главное – результат. А результатом своим я смело могу похвастаться.

– Уже подготовила, – рапортует Марина. Толкает в мою сторону две жёлтых папки. – Проверять будете?

– Не буду, – улыбаюсь я. За семь месяцев совместной работы эта бойкая девочка ещё ни разу не ошиблась в расчётах. – Подпишу, потом иди, оплачивай.

– А когда аванс? – интересуется Стас.

– Завтра. Пока подтверждение по оплате счетов не получу, никаких денег на руки. Ясно?

– Более чем...

– Тогда – свободны, – я киваю на дверь. Очень хочется побыть одной. Завтра экзамен по всемирке и вручение дипломов на биофаке. Мой второй диплом. Через год будет третий. Экономист, биолог, историк. Семь лет назад, подходя к дверям университета, я честно думала, что образование поможет мне понять мир. Чёрта с два! С каждым днём я только ещё больше запутываюсь в нём, и вырваться, вернуться становится всё сложнее.

Марина задерживается в дверях.

– Анна Сергеевна...

– Что?

У меня начинает болеть голова. Привычная боль, но очень неприятная. Знаю, пройдёт через двадцать-тридцать минут, но их ещё нужно пережить.

– Сегодня Чегинар звонил...

– Зачем? – спрашиваю я, стараясь не выдать свою боль дыханием.

– Вас искал.

– 3-зачем? – очень хочется послать Чегинара к чёрту.

– Не знаю, – Марина пожимает плечами. – Я думала, что-то с оплатой или со Стасиком, спросила, но он сказал, всё в порядке. И ещё сказал, что перезвонит. Я предложила позвонить вам на сотовый, он отказался...

– Хорошо. Спасибо, Марин, иди.

– Вы ему нравитесь, да? – заговорщицким шёпотом спрашивает Марина.

– Иди, а?

Я закрываю дверь в кабинет, сбрасываю туфли, разминаю уставшие ноги. Головная боль усиливается, я массирую виски, стараясь не смотреть

на себя в зеркало. Я знаю, как выгляжу сейчас. Зеркало фиксирует то, что не видно человеческому глазу. Изображение в нём мутнеет, чернеет, потом снова светлеет... Сорок четыре минуты. Сегодня – дольше обычного... Боль проходит. Я поправляю причёску, улыбаюсь одними губами.

Стук в дверь разрывает тишину, как бумагу. Что-то случилось, я знаю. Марина никогда не пытается войти, если дверь закрыта на ключ.

– Здравствуй, Анна, – говорит Алекс Чегинар. Он стоит в дверном проёме, занимая его почти целиком. Он похож сейчас на моего отца, такой же большой и сильный. И с ним беспокойно.

Я опускаю глаза и только сейчас замечаю, что стою босиком.

– Здравствуй, Алекс, – говорю я. Гостеприимно широко распахиваю дверь в свой кабинет. – Заходи.

Там же, 16.20

– Ты хорошо смотришься босиком, – говорит Алик, по-свойски присаживаясь на угол моего стола. Я отбрасываю мысль о необходимости обуться. Зачем метаться по перрону, когда поезд уже в пути?

Спрашиваю, чтобы хоть что-нибудь спросить:

– Какими судьбами?

Алик задумчиво разглядывает стену за моей спиной. Там висит нечто ужасное: картина какого-то местного современного художника. Когда я её первый раз увидела, решила, что ребята меня разыгрывают. Ну, разве *такое* можно всерьёз считать живописью? Женечка, большой спец в этом вопросе, в течение получаса убеждал меня в обратном. В конце концов, я согласилась созерцать картину в своем кабинете, но по-настоящему привыкнуть к ней так и не смогла.

– Аратмов? – уточняет Алик. Через пару секунд мучительных раздумий понимаю, что он говорит об авторе картины.

– Угу.

– Кошмар, – смеётся Алик. – Совершенно не в твоём вкусе.

Я бы с радостью с ним согласилась, но в таком случае придётся подставить своих сотрудников, что, в свою очередь, может вызвать в Чегинаре сомнения в их компетентности, что, опять же, повлечёт...

– Отчего же, – робко возражаю я. – Оранжевое с синим – чудесное сочетание.

Алик снова смеётся. Я тоже улыбаюсь, ловя себя на мысли, что у него заразительный смех.

– Ты по делу?

– Да, – он в упор смотрит на меня, и мне становится неуютно.

– К-какому?

Чёрт, чего это я так разнервничалась?

– Есть проблемы? Мне кажется, ты сказал, что мы справляемся со своей работой?

Алик встаёт, подходит вплотную ко мне, протягивает руку. Я едва сдерживаюсь, чтобы не отшатнуться. Алик касается пальцем моей щеки. Нежно и очень осторожно.

– Вы прекрасно справляетесь с работой, – подтверждает он. – Не ожидал, что результат будет так быстро...

– Тогда в чём дело?

Я стараюсь дышать ровно.

– Посмотри мне в глаза, Анна, – просит он тихо.

Я тяжело поднимаю голову. Мне кажется, что я держу на плечах всё небо.

– Я хочу поужинать сегодня с тобой, Анна.

Алекс говорит это спокойно, медленно, очень уверенно. Я всё ещё смотрю в его глаза и думаю о том, как он похож на моего отца.

– Нет.

Я говорю это вслух и удивляюсь собственному отказу.

– Почему? – спрашивает Алик, не убирая руки. Я отодвигаюсь сама. Молчу. – У тебя кто-то есть?

У Анны никого нет. Но у *меня* – есть.

Я не выдерживаю, закрываю глаза.

– Да.

Секунда тишины.

– Ты необычная женщина. Я подожду.

Когда я открываю глаза, кабинет уже пуст.

Вечер, моя квартира

Говорят, что понедельник – тяжёлый день. Чушь! Любой день может стать тяжёлым. Для этого надо только постараться начать и закончить его соответственно плохо.

Я слушаю музыку. Старые песни, которые пела ещё моя бабушка. Я люблю их. Я всё ещё пытаюсь понять людей.

Я тихонько подпеваю за Макаревичем. «Она идёт по жизни смеясь...» Как мало и как много всего изменилось... Я давно не была дома. Я обещала, что вернусь. Интересно, отец до сих пор злится?

Я плачу... Иногда, если я остаюсь одна, я плачу в подушку. Наверное, поэтому я стараюсь никогда не оставаться одна.

Джинни молча сидит в кресле. Она очень умная кошка. Если я плачу, она просто молчит. Знает, мне не требуется сочувствие или, тем более, жалость. Всё закончится само собой...

Слёзы высыхают, оставляя на лице тоненькие неуютные тропинки. Я лезу под холодный душ в надежде смыть с себя усталость и странную беспричинную тоску. Я предчувствую боль, но, не представляя, откуда ждать удара, не могу к нему подготовиться.

Песня сменяется песней. Я лихорадочно одеваюсь и выскакиваю на улицу. Я больше не могу смотреть на себя в зеркало.

Ночь, кафе «Сфинкс»

Я сижу за стойкой бара. Бармен всё тот же – высокий, жутко красивый, немного странный... Такой... в моем вкусе...

– Привет, Ян! Тебя ведь так зовут?

Он улыбается, обаятельно, чуть насмешливо, и мне как-то сразу становится легче дышать.

– Привет! Мартини и сок?

Я киваю, уже не удивляясь. Достаяю из сумочки сигареты и зажигалку, тянусь за пепельницей. Спрашиваю:

– Ты всегда с первого взгляда определяешь, что пьёт незнакомая девушка?

– Нет, – честно признаётся он. – Ты – редкое исключение.

В баре людей мало, молодёжь резвится, главным образом, на танцевальной площадке. Столики в зале почти все заняты. В колонках ревет Кейси. М-да, сегодня определённо не мой день.

– Ненавижу «ню-рок», – зачем-то сообщаю я бармену. Подталкиваю по стойке пустой бокал. – Налей ещё один...

Он убирает мой стакан, достаёт чистый, мешает коктейль. Я с не трезвым интересом слежу за его действиями.

– Мне, знаешь ли, Янчек, нравится старая музыка... Макаревич, Сурганова, Оллоу...

– Классика, – соглашается бармен. – Извини, я на минутку... – отходит к какому-то клиенту.

После четвёртого коктейля и шестой сигареты музыка мне уже не мешает. Главным образом потому, что я вообще перестаю её слышать. В голове сначала становится пусто, а потом появляются мысли... Нехорошие такие мысли... Я всегда гоню их прочь, но они выжидают удобного момента и нападают вновь... Естественно, что удобнее момента, чем сейчас, представить трудно. Я прихожу к состоянию, которое Катька называет «недержанием мысли». Хочется говорить с кем угодно и о чём угодно. Вернее, о том, что меня сейчас больше всего волнует.

– Скажи, Ян... Скажи, ну почему люди такие... такие... – я с трудом подбираю приличное слово, – такие сложные?

Бармен усмехается, ставит передо мной чистую пепельницу.

– Это же люди...

Грамотный ответ философа со стажем.

– Иногда я чувствую себя здесь лишней...

– Это пройдёт. Со временем. Или не пройдёт вообще. Будь оптимисткой.

Я где-то читала, что бармены – самые крутые психологи. Им ведь приходится не просто обслуживать, но и общаться с кучей пьяного народу. Меня вдруг тревожит и раздражает мысль о том, что этот парень может принять меня за пьяную дурочку.

– Я не пьяная, – сообщаю я ему чистую правду. Чтобы напиться, мне требуется раза в четыре больше и крепче...

– Конечно, – соглашается бармен. Почему-то мне кажется, что он мне не верит. Я злюсь. Тушу сигарету, закрываю глаза в попытке успокоиться.

– Слушай, умник, а чего ты тут делаешь?

– Тут? – непонимающе переспрашивает бармен.

– В баре. Тебе в университет надо... ты умный... Шёл бы ты учиться... на адвоката, например...

– А я учусь, – улыбается бармен. Сквозь прикрытые веки я вижу, как расширяются его зрачки, отсвечивая изнутри зелёным...

Всё. Дозу спиртного пора снижать. Папины гены, наверное, умерли, а без них легко можно и до пляшущих человечков допить...

Открываю глаза.

У стойки стоит какой-то парень, требует сигарет и бутылку пива. Ян уходит за заказом. Парень переключает своё внимание на меня. Я польщена, конечно.

– О-о-о! Ты одна, девочка? Скучаешь? – говорит он без перехода, искренне полагая, что я не смогу устоять перед его обаянием и очень дорогим парфюмом.

– Пошёл ты, – отвечаю я вежливо.

Парень задумывается. Мужики! Им обычно требуется не меньше минуты, чтобы осознать отказ.

На стойке появляются сигареты и пиво. Я вижу, как по вспотевшему боку жестяной банки сбегает капелька влаги.

– Я не понял... – заявляет вдруг парень.

Доброе утро!

– Чего? – спрашиваю я устало. Мне уже хочется домой. Так же внезапно, как до этого я рвалась из дома. Завтра придет Игорь, обнимет меня крепко-крепко, и мысли уйдут... Совсем уйдут...

Никогда больше не буду посылать своего мужчину в командировки!

– Не понял... – он хватается моё плечо и дёргает на себя. Я пытаюсь не упасть со стула. – Ты что, мне хамишь, что ли, девка?

– Костик, – бармен вдруг оказывается рядом. Разжимает клешню, которой парень вцепился в меня, придавливая его к стойке, шипит на ухо: – Костик, иди в зал. Эта сказка не про тебя...

Костик быстро приходит в себя, исчезает в полумраке клуба вместе с сигаретами и пивом. Я гляжу ему вслед. В какой-то момент, уверена, он обернётся, чтобы ещё раз осознать случившееся и запечатлеть в памяти мой образ. Конечно, он оборачивается...

– Извини, – говорит Ян, зло прищуриваясь. – Это я не доглядел. Не испугалась?

Я смеюсь. Громко, совсем не истерично. Испугалась... хи-хи... Всё, чего я боюсь, сейчас слишком далеко, чтобы над ним задумываться.

Я хватаю сумочку, бросаю на стойку несколько купюр, не дожидаясь сдачи, почти бегу к выходу. Бармен что-то говорит мне в спину, но я не слышу, не хочу слышать его слов, я хочу домой, в общагу, хочу дождаться

завтрашнего дня и встретить Игоря... Я хочу чувствовать его тёплые сильные руки, хочу видеть его глаза, уверенные, умные, хочу знать, что нужна ему...

Лицо! Зеркало! Мне срочно нужно зеркало! В таком виде нельзя Кате показываться...

Кто-то открывает зеркальные двери «Сфинкса». Я выскакиваю на улицу и сталкиваюсь лицом к лицу с маленькой, жутко хорошенькой девочкой. Она держит под руку моего мужчину.

День пятый. Среда

Всё ещё в «Сфинксе», где-то час ночи

Я совершенно трезва. Я допиваю бутылку джина, но я совершенно трезва.

Игорь и его девица сидят за соседним столиком. Они не обращают на меня внимания. Они вообще ни на кого не обращают внимания. Им хорошо вдвоём. Игорь улыбается ей той же улыбкой, что когда-то (вчера?) улыбался мне. Они танцуют, он целует её, и я кожей чувствую прикосновение его губ. Девица смеётся, легко, весело, искренне. Она счастлива. Я понимаю её. Ещё вчера я чувствовала себя так же.

Не могу сказать, что испытываю боль. Горечь во рту. Горечь в лёгких. И сердце не бьётся. Совсем.

– Ты много пьёшь.

Я тяжело поднимаю голову. У столика стоит бармен Ян. Он смотрит на меня с каким-то странным сочувствием, и именно это меня и злит. Я ненавижу, когда мне сочувствуют.

– Чего тебе? Твоё место, кажется, за стойкой.

– Ты много пьёшь, – повторяет он.

– Тебе платят не за то, чтобы ты отговаривал клиентов выпить, – издевательски замечаю я. Открываю новую пачку сигарет, тыкаю пальцем в пепельницу. – Принеси чистую. И...

Я вдруг вижу краем глаза, что Игорь с девицей идут к выходу.

– И счёт. Быстро!

– Ты много пьёшь, – повторяет он в третий раз, не двигаясь с места.

– Пластинку заело?

– Он того не стоит.

Я вздрагиваю.

– Давай счёт!

Бармен насмешливо качает головой.

– Как ты правильно заметила, Яночка, моё место за стойкой. Подожди официанта...

Он, наконец, уходит. Я снова начинаю дышать. Глубоко. Очень глубоко... Яночка?

Уверена, я не называла здесь сегодня своего имени, ни настоящего, ни вымышленного, ни-ка-ко-го. У меня просто не хватило сил его придумать. И ещё уверена, что ни разу не была в «Сфинксе» с этим

лицом. И ещё... Впрочем, двух первых «ещё» уже вполне достаточно. Осталось только разобраться, что всё это значит.

Через пару минут мои размышления прерывает официант.

– Что-нибудь ещё?

От слова «ещё» меня начинает тошнить. Я бросаю на стол деньги, зная, что их хватит для оплаты двух моих счетов, и ухожу.

Он ведь не мог узнать меня, да? Да? Да!

Или мог?

Или я действительно выпила лишнего и брякнула своё имя?

Или я сошла с ума?

Лучше первое.

Какое именно первое?

Стоп! Стоп! Аут!

Мне не хватает воздуха. Раздражают мелкие комары, тополиный пух и духота июньской ночи. Парк. Тишина. Я падаю в траву, сжимаю голову руками. Больно, очень больно...

Ночь среды, парк

Смех на скамейке.

Сколько прошло времени? Минута? Час? Не знаю. Боже мой, если неделя так тяжело начинается, как же она закончится?

Я медленно поднимаюсь, отряхиваю брюки, подбираю сумочку – в ней ключи от квартиры и машины, документы, мобильник, хорошая помада, так что пригодится ещё. Выхожу на дорожку. Снова задыхаюсь – от невысказанного крика.

На скамейке, в трёх шагах от меня, сидят в обнимку Игорь с девицей. Они раздражённо смотрят на меня – какая-то пьяная баба, так не вовремя вылезши из кустов, помешала их романтическому свиданию.

Я понимаю всё это за одно короткое, как смерть, мгновение.

И я делаю первое, что приходит мне в голову.

Я наклоняюсь и целую его. Нежно, ласково, долго.

Что самое ужасное – он мне отвечает.

Девушка визжит в возмущении. Хватает меня за руку, оттаскивает от Игоря. Я легко отталкиваю её от себя, вытираю губы тыльной стороной ладони, смеюсь.

– Мой дорогой, ты променял меня на такую идиотку?

Он молчит в немом изумлении. Он, конечно, не узнаёт меня, и поэтому совершенно не ориентируется в происходящем.

– Мы знакомы? – говорит он, наконец.

– Конечно, любовь моя!

– Ты... ты... ты знаешь эту потаскушку? – истерично кричит девушка. Её перекосило от омерзения, то ли ко мне, то ли к Игорю. А может, к самой себе?

Я разворачиваюсь, бью коротко, наотмашь, по лицу.

– Ещё раз назовешь меня потаскушкой, я сломаю тебе шейку, – обещаю я. – Прощай, Игорёк! Ты был самой большой любовью в моей жизни! Как

жаль, что у нас ничего не получилось. На развод и алименты я подам сама, так что не беспокойся...

Это не честно, я знаю. Но ведь и со мною, кажется, никто честно поступать не собирается, не так ли?

– Развод? – визжит девица, держась рукой за щеку. – Алименты?! У тебя дети есть?!

До Игоря вдруг начинает доходить, чем оборачивается это чудное вечернее приключение.

– Ну что ты, Ирочка! Какие алименты?! Я её первый раз вижу!

Я смеюсь ещё громче. Я уже не слышу, не слушаю, не вижу всего этого бреда. Я уйду домой, туда, где я смогу быть одна. Совсем одна.

Туда, где я смогу просто поплакать.

Я ловлю такси, падаю на переднее сиденье, называю адрес. Я слышу, мой голос почти не дрожит. Годы тренировок плюс мамина выдержка. Я молодец, я сильная... я знаю...

Я достаю из сумочки мобильник, нахожу нужный номер. Семь долгих гудков. Потом:

– Половина третьего, Анна... Кто-то умер?

Ближе к рассвету, квартира Чегинара

В огромном кресле тепло и уютно. Я молчу, пригревшись, как кошка возле батареи. Молчу и думаю, зачем я пришла сюда? Алекс Чегинар относится к той категории мужчин, которых лучше не раздражать лишней раз. Я не боюсь его, я вообще почти ничего не боюсь. Просто неприятностей мне хватает и без того.

Алик сидит в кресле напротив меня. Между нами – столик с фруктами, вином и пепельницами, полными окурков. Он курит, медленно, с удовольствием. Сквозь сигаретный дым пристально смотрит на меня, редко улыбается.

– Знаешь, я, пожалуй, пойду, – нерешительно говорю я. Спускаю ноги на мягкий ковёр, подхватываю в одну руку сумочку, в другую босоножки. Он уже видел меня босиком, так что вряд ли удивится. Чёрт! Если на то пошло, он видел меня и более раздетой!..

– Нет, – спокойно говорит Алекс.

Я замираю, больно стукнувшись коленкой об угол столика.

– Нет? В смысле?

– Нет, – повторяет он. Тушит сигарету, взъерошивает короткие светлые волосы. – Не думаю, что ты приехала ко мне посреди ночи только для того, чтобы иметь возможность наорать на моих ребят и выпить пару бутылок моего же вина. Я выдержал два часа твоего молчания (а, заметь, под утро это особенно сложно!) и желаю знать, за что страдал.

– Ты не сможешь удержать меня силой, – честно предупреждаю я. Он усмехается.

– Я и не собираюсь. Ты умна. И, полагаю, даже в таком состоянии ты можешь трезво мыслить. Подумай сама, Анна, куда ты пойдёшь сейчас?

– Домой...

– Одна?

Маленькая хорошенькая девочка под руку с Игорем. Смех, взгляды, танцы, поцелуи...

Босоножки мягко ложатся на ковер. Я закрываю лицо руками, сжимаюсь, заставляя себя не плакать.

– Ты ляжешь в моей спальне, – говорит Алекс. – Там удобная кровать. Тебе надо выспаться. Мы поговорим завтра.

Завтра. Завтра... Завтра всё будет иначе. Завтра у меня всё-всё будет ина-че...

Приблизительно – утром

Та-ак... Интересно, а сколько времени? И, кстати, где это я проснулась?

То, что не у себя дома, это однозначно. У меня и потолки пониже, и кровать поменьше, и лежу я почему-то в пижаме явно не своего размера, и...

Чёрт! Почему-то мне кажется, что это – кровать Алекса Чегинара... Да? Чёрт!

Краем уха слышу рядом тихое сопение. Резко поворачиваю голову. Э-то я з-зря... О количестве выпитого за ночь сейчас лучше не думать...

С соседней подушки на меня смотрят большие жёлтые глаза. Кот... Уф-ф... А я-то уже подумала...

– Проснулась?

Хочется подпрыгнуть от неожиданности, но слишком уж сильно болит голова...

– Доброе утро, Алекс, – отвечаю я наиболее любезным своим тоном.

– Доброе? – насмешливо переспрашивает его голос откуда-то справа. – Ты уверена?

Я всё-таки оборачиваюсь. Алик стоит в дверях, одетый так, словно уже минимум как два часа на ногах.

– Ты уже встал? – задаю я совершенно дурацкий вопрос.

На самом деле мне очень хочется узнать, *где именно* он спал этой ночью. И ещё – кто меня раздевал? Не то, чтобы я была чересчур застенчива, просто любопытно... сама-то я не совсем хорошо воспроизвожу недавние события в памяти. Точно, со спиртными напитками пора завязывать...

– Уже, – соглашается Алекс.

– Мне надо одеться, – сообщаю я, надеясь, что он поймёт прозрачный намёк и испарится из спальни.

– Бога ради, – радушно соглашается хозяин, не делая ни единой попытки покинуть помещение.

Я закрываю глаза, пытаюсь представить себе, как сейчас выгляжу. Вероятно, ужасно. Синяки и тушь под глазами, бледная кожа, вклоченные волосы... Лучше не вставать. И не представлять всё остальное.

– И ещё я бы хотела принять душ...

– Конечно-конечно! Тебе помочь?

– Нет, спасибо!

Алекс смеётся.

– Анна! Господи! Ты уверена, что тебе тридцать два?

– А что? – спрашиваю я настороженно. Я не просто не уверена, в отличие от Чегинара я *точно* знаю, что мне на девять лет меньше.

– А то, что ты выглядишь сейчас на двадцать пять, а ведёшь себя на пятнадцать! Ну, чего ты стесняешься, спрашивается? Я уже видел тебя в пижаме и без неё, забыла?

Как это ему после бессонной ночи удаются такие длинные предложения?

– Алик, пожалуйста, – бормочу я сквозь зубы, – дай мне спокойно привести себя в порядок...

Через некоторое время его смех раздаётся уже из-за двери. И на том спасибо...

Кот тычется носом мне в щёку, урчит что-то за пределами возмущённое. Я вслушиваюсь в его слова, отчаянно пытаюсь понять, что мне делать дальше.

– Хорошо, хорошо, малыш, скажи лучше, где сегодня спал твой хозяин?

– У-ур-ру-м... Ур-рм...

В гостиной на диване. Интересно, что это значит? Что я допилась до степени не кондиции? Или что Алексу Чегинару присущи некоторые джентльменские качества?

И, кстати, за каким лешим меня вчера сюда принесло? Разве я не собиралась идти в общагу и дожидаться Игоря?

Игорь!

Голова становится ясной и трезвой. И давит где-то внутри, в груди.

Игоря больше нет.

Я встаю и прямо в пижаме, которая едва не сваливается с меня на ходу, лезу под холодный душ. Больше нет. Больше нет.

Больше нет...

Господи, больно-то как!

Мама, отец, ну почему вы не предупредили меня, что может быть *так* больно?

Пижама прилипла к коже. Я стягиваю с себя намокшую ткань, моюсь долго, тщательно, так и не включив горячую воду. Потом надеваю большой пушистый халат. Я знаю, Алексу будет приятно увидеть меня в нём. Перед зеркалом привожу в порядок лицо. Игоря нет, и я должна... мне надо сделать что-то... то, зачем я приехала сюда сегодня ночью.

Алекс читает какие-то бумаги в гостиной. Мельком я смотрю на часы. Почти одиннадцать. Шесть часов сна! Не помню уже, когда в последний раз я спала так долго.

Алекс поднимает голову.

– У меня тоже есть кошка, – говорю я зачем-то.

– Это не кошка, это кот, – уточняет Алекс. – Может, им стоит познакомиться поближе?

– Я не занимаюсь кошачьим сводничеством, – смеюсь я. Алекс улыбается в ответ.

– Тебе очень идет синий цвет, Анна.

Я смущаюсь.

– Извини, если нагрубил вчера... то есть, сегодня... я не хотела, я... извини, в общем.

– Извиняю, – легко соглашается он. – Ты не собираешься уходить?

– Нет.

Он встаёт, подходит ко мне. Высокий, красивый, сильный мужчина. Почему я отдала своё сердце не тебе? Может, с тобой это было бы не так... обидно? А может, именно ты мог бы понять меня?

– Ты сняла линзы? – спрашивает Алекс. Его вопрос выводит меня из тупого оцепенения.

– Линзы?

– Вчера у тебя глаза были зелёные... ну, как всегда. А сейчас – серые. Ты носишь линзы?

Серые. Мой естественный цвет. Я забыла проверить цвет глаз...

– Да, – выдавливаю я из себя первую в этот день ложь. Хорошее начало, ничего не скажешь.

– Тебе идёт, – говорит Алекс.

– Спасибо...

– Посмотри мне в глаза, Анна... Пожалуйста.

Я поднимаю голову, подчиняясь требованию. Больше он не говорит ничего. У него и впрямь очень удобная кровать...

Нет, это не месть. Это стремление утолить свою обиду. Скажите, ну что за радость в мщении, если о нём никому, кроме тебя, не известно?

Моя месть будет совсем другой...

14.44, общага

– Здравствуй, Галя, – вежливо говорит Иван. Его лицо – первое, что я вижу в нашей комнате. Чёрт, я и забыла, что Катя собиралась воспользоваться моим отсутствием и привести своего друга к нам. Хорошо, что я не вернулась посреди ночи...

– Здравствуй, Ваня, – не менее вежливо отвечаю я, бросая в один угол босоножки и сумочку, в другой аккуратно ставлю большой пакет с продуктами. – Катька, привет!

– Привет, – тихо отвечает моя подруга, не отходя от окна.

– Там что-то интересное? – спрашиваю я, подходя ближе.

– Угу, – мычит Катька. Я всё ещё не вижу её лица, но, уверена, что оно залито слезами. Я начинаю злиться.

– Ваня, выйди, пожалуйста, – прошу я, тщательно следя за тем, чтобы не выдать своё раздражение в интонациях. – Я хочу переодеться.

– Я уже собирался уходить, – сообщает он радостную весть. – Пока, Катя!

– Пока, – отвечает она, прижимаясь лбом к стеклу. Я жду щелчка замка, потом резко разворачиваю девочку лицом к себе. Так и есть – ревет.

– Ну!

– Что «ну»?

– Что этот кретин сделал на сей раз?

Катька уже не сдерживается, ревёт в полный голос. Обнимает меня и ревёт. И я тоже реву, только тихо, так, чтобы она не услышала и не начала задавать ненужных сейчас вопросов.

Ревём мы недолго.

– Хорошо, что он убрался, – замечаю я.

– Почему? – удивляется Катя, растирая слёзы по щекам.

– Я купила очень хорошее вино. Жалко тратить его на твоего возлюбленного, уж ты меня прости.

Катька смеётся.

– Ты такая прагматичная, Галка! С ума сойти!

– Да, я такая, – соглашаюсь я важно, переодеваясь в халатик. – Давай, доставай продукты... Жрать охота, сил нет.

Через пятнадцать минут мы уже сидим на кровати, жуём чудесное копчёное мясо, запиваем его красным вином, и хохочем вовсю.

– Нет, понимаешь, он мне заявляет: «Развели тут грязь! Хозяйки! Готовить не умеете!» И всё в таком духе! В три ночи!

– А ты?

– А что я? Я ему: «Не нравится – возьми и уберись!»

– А он?

– А он подскакивает с постели в одних трусах, хватает тазик и в коридор за водой!

– В три ночи?

– В три ночи! И ещё орёт: «Всё! Ночь любви закончилась!» Представляешь?

У меня от смеха дрожат руки. Я ставлю кружку на стол, боясь пролить вино. Потом потихоньку завожусь.

– Слушай, ну и сволочь он! Правильно я его кормить не хотела! Это ведь вчера он *мой* суп жрал! И критикует ещё!

Катя хихикает, потом задумчиво смотрит на дверь.

– Интересно, что обо мне сейчас думают соседи?

– Да чихать на соседей, – замечаю я. – Ты-то сама что делать собираешься?

Она пожимает плечами и запихивает в рот последний кусочек мяса.

– Ну-у... мы же в конце-концов помирились... И полы теперь чистые... Заметь, какая-то польза от Ванечки всё равно есть...

Наверное, её уже не переделать. И, наверное, этот полудурок Иван – самая большая любовь в её жизни. И самая большая ошибка. И ещё, наверное, это не моя проблема...

– Знаешь, – говорит Катька, – они, оказывается, с твоим Игорем хорошо знакомы!

Или всё-таки моя?

– Игорь заходил вчера вечером, тебя искал...

Хорошо, что не нашёл.

– Сказал, что приехал раньше, чем собирался... Он у тебя молодец, и работает, и учится, и вообще...

Вот именно, что вообще...

– Он тебе очень нравится?

Очень.

– Ты чего молчишь, Гал?

А что я ей скажу? Что мне, красивой и умной, очень идут ветвистые рога? Нет уж, пусть это останется моей маленькой тайной.

Я одним глотком допиваю содержимое своей кружки

– Если он придёт ещё раз, скажи, что теперь я уехала в командировку, ладно, Кать?

Она прищуривается.

– А ты и впрямь едешь в командировку?

Я просто хочу немного подумать.

– Да, еду.

– Далеко?

Домой. Я бы поехала домой...

Нет. Не сейчас. Ещё рано.

– Не очень...

16.15, офис

Первое, что я вижу, открывая дверь в офис, – Марина и Игорь. Три розы на столе секретарши, смешливые, чуть смущённые лица. Как будто их застали за чем-то неприличным.

– Я с отчётом, Анна Сергеевна, – говорит Игорь. Я не сразу понимаю, что он имеет в виду... Киваю через силу.

– Через десять минут, Игорь.

Я плотно закрываю за собой дверь. Вслушиваюсь в голоса за стеной. У меня хороший слух. Слишком хороший. Иногда некоторых вещей лучше не слышать.

«Может, посидим где-нибудь вечером, Марин?»

«Где?»

«Ну... Давай, я за тобой заеду, а там решим?»

«Давай!»

Почему бы ей и не согласиться? Молодая, красивая и, что важно, совершенно свободная девушка, она вполне может выбирать, с кем и когда ей встречаться.

Она ничего не знает об Игоре.

По сути дела, я тоже ничегошеньки о нём не знаю.

Убираю сумочку в шкаф. Поправляю причёску перед зеркалом. Думаю. Думаю. Думаю ни о чём.

Отчёт Игоря лежит у меня на столе. Я пробегаю его глазами, скорее для того, чтобы заглушить бешеное биение сердца. Впервые в жизни меня не интересует моя работа.

Десять минут. Десять минут иногда становятся длиною в жизнь.

– Можно?

– Проходи, Игорь. Садись. Отчёт твой я видела, теперь коротко, то же самое, своими словами.

– Коротко: Нимиров контракт продлевать не захотел, что, собственно, мы и предполагали. Забрал бумаги, расплатился наличными и помахал мне ручкой.

– Твои впечатления?

– Ну... он был слишком расстроен, чтобы думать логично. Я попридержал часть документации, как вы велели. Думаю, крот скоро всплывёт по новой, и Нимиров прибежит к нам с требованием отработать наш «скромный» гонорар.

– Хорошо... Хорошо бы...

– Скажите, а что они со Стасом не поделили? Вам ведь срочно понадобился совершенно посторонний человек из-за того, что они поссорились, да?

– Спроси у Стаса, – я пожимаю плечами. – Он, кстати, искал тебя вчера. Позвони, узнай, что нужно.

– Ой, чёрт! Забыл ему программу оставить... по офису Чегинара... он меня убьёт! – Игорь улыбается смущённо, искренне.

– Не убьёт, – говорю я, стараясь не видеть этой улыбки. Меня вдруг начинает от неё тошнить.

– Тогда я пошёл.

– Игорь, – негромко окликаю я его, когда он уже берётся за ручку двери. – Ты хорошо справился.

Он оборачивается с готовой улыбкой на губах. Цепенеет на мгновение. Потом вылетает из кабинета так быстро, словно увидел здесь привидение.

В некотором смысле, так оно и есть. На одно короткое мгновение он увидел перед собой Галю.

Около одиннадцати ночи, моя квартира

Чёрные короткие волосы... Тонкие брови... высокие скулы... смуглая кожа... синие глаза... Алёна. С таким лицом я обычно ходила по барам. Давно. Недавно, то есть. Ещё четыре дня назад. До того, как встретила Игоря.

Игорь...

Стоп! Не сейчас!

Джинни, я сегодня не вернусь... прости, я плохая хозяйка, но ты сама меня выбрала.

Я собираюсь в бар. Я хочу напиток и найти мужчину. Я должна стать прежней. Тогда я снова смогу жить. И думать.

Полчаса спустя, «Сфинкс»

Я возвращаюсь в «Сфинкс», как преступник, которого магнитом тянет на место преступления. Не знаю, зачем. Здесь нет ничего, что вызывало бы во мне желание вернуться... Заурядное кафе, музыка, которую я переношу с трудом, бармен... Бармен, кстати, другой.

– А где Ян? – спрашиваю я у официантки, и сама удивляюсь своему вопросу.

– Завтра будет.

В её голосе слышится нотка ревности. То ли я что не то брякнула?

Плевать.

– Мартини, апельсиновый сок, чистую пепельницу и... И всё.

Официантка принимает заказ с лицом великомученицы Екатерины.

Я же сказала – плевать.

Я пью коктейль, медленно оглядываю зал. Я становлюсь самой собою... Никакого постоянства – ни в теле, ни в душе.

– Оказывается, ты предсказуема, – произносит над ухом чей-то насмешливый голос. Я поднимаю глаза. Лёгкок на помине. – Здравствуй, Яна...

Да, точно, однажды я назвала ему своё имя... На мне было это лицо, и я сказала: «Яна». Выходит, он помнит? До сих пор?

– Здравствуй, Янек.

Он садится на стул напротив, достаёт из кармана пачку сигарет, предлагает мне.

– Слишком крепкие, – замечаю я и достаю свои. Он держит зажигалку, ждёт, пока я прикурю, потом закуривает сам. – Почему предсказуемая?

Он пожимает плечами и не отвечает.

Давешняя официантка приносит ему какой-то коктейль в высоком синем бокале. Улыбается. Ян на улыбку не отвечает.

– Спасибо, Глори.

Девушка уходит, явно обиженная.

– А ты?

– Что?

– Разве ты не предсказуем? – обиженно замечаю я.

– Интересно, и в чём же это выражается? – он ухмыляется сквозь плотно сжатые губы, и я вижу в его глазах смешливых зелёных чёртиков. Нечестно! Это слишком напоминает о доме!..

– Ты ведь всегда приходишь сюда в свой выходной? Девушка явно знает твои вкусы, – язвительно отвечаю я. – Или ты пьёшь на работе?

Ян вертит в руках сигарету.

– А ты ревнуешь?

– Размечтался!

– Посмотри-ка на меня!

– Я и так смотрю!

– Нет, ты посмотри мне *в глаза!*

– Зачем?

Я не хочу... я почему-то думаю о доме...

– Посмотри!

Зелени в зрачках больше нет, осталось только ожидание... чего-то...

Мы молчим.

– Ты хорошая, Яна, ты мне нравишься, – говорит он внезапно.

– А ты мне – нет!

Я лгу ему. Я лгу себе. Я привыкла лгать.

Он резко встаёт, бросает сигарету в пепельницу, так и не затянувшись ни разу.

– Всё ещё может измениться... Поживём-увидим.

Эпидемия у нас, что ли? Сначала Алик, теперь вот бармен... Почему мы всегда влюбляемся не в тех?

Наверное, я должна что-то ответить... Я смеюсь. Ян уходит. Что же делать – я всегда смеюсь над чужой самоуверенностью.

Над своей тоже.

Забыла уточнить – я *всегда* уверена в себе.

Говорят, что смех продлевает жизнь.

Наверное, я буду жить вечно.

Я думаю как раз об этом, когда у стойки бара появляется мой друг.

Мой *бывший* друг.

Правда, он об этом ещё не знает.

Может, стоит ему сказать?

– Привет, – говорю я, подсаживаясь рядом.

Конечно же, он меня не узнаёт.

Он один. Учитывая его кобелиную натуру, это поразительно.

Впрочем, и вечер ведь ещё только начинается.

– Привет, – широко улыбается он, зачарованно разглядывая мою фигуру. – Кто ты, красавица?

Освещение бара делает мою одежду яркой и прозрачной, открывая для обзора дорожку италийское бельё. Безукоризненно наложенная косметика, идеальные пропорции... Собственно говоря, я знаю, что неотразима.

– Алёна, – улыбаюсь я не менее широко.

Я вдруг начинаю ненавидеть это имя.

– Ты один?

– Один, – кивает он, и отчасти это правда. Ну, он ведь не в курсе, что я уже здесь.

– Мне не грозят истерики и выцарапывание глаз, если ты угостишь меня коктейлем? – интересуюсь я, хорошо зная ответ. Что я, сама себя травмировать стану? Ставлю на стойку свой пустой бокал, зеваю: – Не люблю проблем.

– Не грозят, – заверяет он меня. – Я один. Девушки нет.

Ага, нет. Размечтался! С другой стороны, к концу вечера и впрямь не будет.

– Меня зовут Игорь, – спохватывается он. Я протягиваю руку:

– Алёна...

Он слегка сжимает её и галантно целует.

– Ты красивая, Алёна.

Мягко говоря, я это знаю.

И, кроме того, слышала неоднократно.

Ну и, конечно, я падка на лесть. Как все женщины.

– Обожаю подхалимов.

Он улыбается, принимая мой сомнительный комплимент. Улыбка его, тёплая, ласкающая, больно царапает моё сердце. Я задерживаю дыхание, отгоняя непрошенные мысли.

– Что пьёшь?

– Мартини и апельсиновый сок.

Игорь чуть удивлённо поднимает бровь. Большинство девочек Алёниного возраста предпочитают что-нибудь более навороченное и модное. Особенно, если платит кто-то другой. Но я – не большинство. Жаль, что он этого так и не понял.

Впрочем, и возраст у меня – понятие относительное.

Пока я думаю, Игорь диктует бармену стандартный заказ. Мартини и фрукты – мне, «Космостуанн» – себе. Когда он с девушкой, всегда пьёт только безалкогольные напитки. Чтобы потом не разочаровать. Можешь не стараться, придурок. Все равно я сегодня собираюсь спать не с тобой.

А интересно, какой он, когда снимает девочку на ночь?

– Может, пойдём за столик? – предлагает он.

Следующий шаг к постели – непринуждённая беседа.

– Пойдём, – соглашаюсь я. Надо же, я сегодня на редкость покладистая.

– Учишься? – спрашивает Игорь, помогая мне сесть за тот самый столик, который я покинула десять минут назад.

– Учусь, – киваю я. А чего скрывать? – Истфак, перешла на пятый курс. А ты?

Соврёт? Или нет? В принципе, разницы для меня никакой, и всё же...

– Работаю...

Угу. У меня в фирме. И попал ты туда только потому, что спал со мной. Впрочем, работа – это как раз дело поправимое.

– Что закончил?

– Экономический.

Врёшь. Не закончил ты его. Сессию завалил на втором курсе, академ брал, потом ещё один, потом совсем бросил... Сейчас восстановиться пытаешься, потому что твоя зараза-начальница, Анна Сергеевна, требует от сотрудников наличия высшего образования. Врёшь... ну да ладно. Было бы странно, если бы мужчина начал признаваться женщине в собственной тупости. У каждого из нас есть гордость. И она не перестает быть гордостью, даже если ужимается до размеров муравьиного глазка.

– Работа хорошая?

– Не бойся, – усмехается Игорь, неверно истолковав мой вопрос. – У меня есть, чем заплатить за твою выпивку.

– Утешает. А что ещё у тебя есть? – улыбаюсь я. Медленно провожу кончиком языка по верхней губе. – Жарко здесь...

Игорь покупается на мой жест. Я понимаю это сразу. Всё остальное – непринуждённый, всё-таки завязавшийся разговор, танцы, откровенные и не очень, запахи и блеск в глазах – всё становится второстепенным,

неважным, всего лишь дополнением к этому одному-единственному жесту... Мужчины такие предсказуемые...

Июньская ночь тёплая и короткая.

– Поехали ко мне, – предлагает Игорь, отключая сигнализацию на машине.

Я касаюсь пальцами чуть припылённого тёмно-синего металла. Это *моя* машина. Вернее, не совсем моя, моей фирмы, но суть дела от этого не меняется. Мы покупали её совсем для других целей.

– Дорогая штучка.

– Зато красивая.

Тонированные стёкла отражают первые солнечные лучики, неуклюжее деревце и – не меня, Алёну...

– Так ты богатый?..

Игорь смеётся.

– Не очень бедный, это точно. Бедным быть плохо.

Врать и наставлять рога своей девушке – тоже не очень хорошо.

Он притягивает меня к себе, пытаясь поцеловать. Я уворачиваюсь, отклоняю голову.

– Нет, Игорёк. Не сегодня.

Он напряжён, очень напряжён. Будет жаль применять к нему силу.

– Почему? – его руки на моей талии непроизвольно сжимаются сильнее.

– Я не хочу.

Это веский аргумент. Только Игорю в моё нежелание не совсем верится.

– Почему?

– Ну-у-у...

– Почему?!

– Скажем так: ты меня не возбуждаешь.

Нечестный ход. Удар по самому больному его месту – мужскому самолюбию. А что делать? По сути, он ведь мне изменять собрался. Ну и что, что со мной. Разве смысл от этого меняется?

– Я отвезу тебя домой, – говорит он обречённо-умирающим голосом, в котором сквозит нотка робкой надежды.

– Не надо, Игорёк, спасибо. Я хочу прогуляться.

– В пять утра?! – удивление в его голосе звучит вполне искренне.

– А что в этом такого? – невинно переспрашиваю я.

– М-м...

Игорь достаёт из кармана пиджака простенькую бело-чёрную визитку. Я вдруг совершенно не к месту вспоминаю, как Владик разрабатывал для неё графику, как мы спорили по поводу логотипа, и как прибежавшая на шум Марина лихорадочно дорисовывала на листе бумаги свой собственный логотип, стучала по нему пальцем и утверждала, что он ей приснился...

– Вот, возьми. Позвони, ладно?

– Может быть... – снисходительно киваю я.

Обязательно позвоню, дорогой. Только ты меня опять не узнаешь. Какая жалость!

Игорь усаживается за руль, последний раз смотрит на меня, приглашающе улыбается... и деревце из отражения гостеприимно машет тоненькой веточкой... Я провожу ладонью по лицу, возвращая себе внешность Гали. Я вижу, чувствую его страх. Смеюсь, и ухожу в темноту, раньше, чем он успевает опомниться.

Где-то за спиной взвизгивает перепуганный мотор. Минус один.

Я опускаюсь на землю, замираю на несколько минут, привыкая к тишине, и только потом отправляюсь домой. Не в общагу, а к себе, туда, где смогу побыть одна. Предрассветные сумерки обещают тёплый день. Тяжёлый день...

День шестой. Четверг

16.00, офис

Месть сладка...

М-м-м...

Игорёк-Игорёк... каково это – сходить с ума, а? Оглядываться на прохожих, рассматривать чужие лица?.. Не знаешь, дурачок, что Галя всегда рядом... Не знаешь, но чувствуешь... Её лицо мерещится тебе на каждом шагу... А знаешь, почему? Потому что... Та девушка в автобусе, неудачно наступившая тебе на ногу, помнишь? Это была я... И улыбчивая официантка, на бюст которой ты бесцеремонно пялился весь обед, – тоже я. И бывшая однокурсница, внезапно пригласившая «забегать на чай», и соседка в столовой, смеявшаяся над каждой твоей глупой шуткой, – это всё я. Я. Я!

Стоп!

Не кажется ли тебе, дорогая, что это – клиника? И скоро не Игорю, а тебе самой придётся лечиться?

Тормози-ка, подружка! Тормози! Займись собой, забудь об этом кретине.

Легко сказать – забудь, если он у меня работает! Вот и пришло время пожалеть о том, что смешала личное и деловое...

Тоже мне проблема! Ты здесь начальник. Уволь и дело с концом! Тем более что работа, для которой его брали, уже выполнена... им же, между прочим!

Страшно, понимаешь, страшно... Рвать всё, что имела...

Да что ты имела? Парня, которого знаешь меньше недели? Любовь с первого взгляда, превратившую тебя в параноика?

Страшно мне, говорю...

Тебе страшно? Тебе?! Врё-ёшь! Ты просто не желаешь расставаться с придуманной тобою же самой сказкой! Плюнь и придумай другую! Ты ведь умеешь, Яна!

Ш-ш-ш... Не шуми...

Если так будет продолжаться дальше, вам с Игорем выделят соседние койки в психушке, помани мое слово! Посмотри на себя! Вместо того чтобы заняться делом, ты бегаешь за этим придурком по всему городу! Сколько ты так выдержишь? Неделю? Две? И всё! Потолок! Ты провоцируешь его на поступки, которые унижают его в твоих же глазах!

Это не он, это ты сходишь с ума, Яна! Очнись! Чего ты хочешь? Смерти Игоря? Так убей его и дело с концом!

Нет.

Тогда что?

Я устала... так устала... постоянно меняться... помнить о мелочах... гнаться за секундами... отталкивать счастье... Дай мне отдохнуть, пожалуйста!

Я отшатываюсь от зеркала. Закрываю лицо руками, меняюсь... снова... снова... снова... размазываю по щекам помаду и тушь вперемежку со слезами... каменная леди... неужели так всё и закончится? Неужели мне не хватит сил, чтобы пережить боль, нанесённую тем, кого я так неосмотрительно полюбила?

Погоди, погоди! Яна! Не уходи!

Стук в дверь. Марина проверяет, здесь ли я. Начался новый рабочий день, и у меня уже нет времени на слёзы и жалобы. Да и жаловаться мне некому. Семь лет назад за мною не пошёл даже мой брат.

– Минутку! – говорю я не столько секретарше, сколько самой себе.

Минутку... И вот уже из зеркала на меня вновь смотрит Анна Сергеевна. Деловая, очень красивая женщина. И это её, а не мой спокойный ровный голос:

– Марина, зайти. Захвати контракт на Игоря.

Марина удивлена, но молчит. Возражать начальству глупо.

Я пробегаю договор глазами. Свою работу он действительно выполнил. А значит, больше не о чем думать и нечего решать.

– Подготовь бумаги на расчёт, – распоряжаюсь я. – Оплата, премиальные, всё, что включено в контракт. Проверь машину, знаю, он пользовался ею. И проследи, чтобы он не прихватил из офиса какие-нибудь документы.

– Вы увольняете Игоря? – не выдерживает Марина.

– Он выполнил свою работу. Фирма в его услугах больше не нуждается.

– Но ведь он хорошо справился с заказом! Может быть, стоит...

– Не заставляй меня повторять дважды, – предупреждаю я спокойно. – И вот ещё что. Меня ни для кого нет.

Марина быстро уходит. Я пожимаю плечами, раскладываю перед собой накопившиеся за последние дни бумаги. Слабость прошла. Всё решено, всё кончено. Я – это я, сколько бы лиц у меня не было.

Там же, 16.35

Шум, возбуждённые голоса за дверью.

– Её нет, Игорь! Игорь!

Дверь распахивается. В кабинет влетает мой бывший возлюбленный. Он зол. Нет, правильнее сказать, он в бешенстве. Я этого ожидала.

Марина забегает следом.

– Анна Сергеевна, я ему говорила!

– Ничего страшного, Марина. Возвращайся к делам. И закрой, пожалуйста, дверь.

Мы остаёмся одни.

Я сворачиваю окно программы на мониторе, убираю в ящик стола новый факс от Чегинара. Игорь ждёт, молча накапливая в себе новую порцию злости.

– В-всё? – выдавливая он из себя, когда я закрываю ежедневник.

– Что «всё»? – невинно переспрашиваю я, не отрывая взгляда от карандаша в моих руках.

– Если вы закончили перекладывать бумажки, будьте добры, уделите мне несколько минут, – цедит Игорь язвительные слова.

– А... пожалуйста, – вежливо соглашаюсь я. Киваю на кресло с его стороны стола. – Садись, Игорь.

Он садится, зло, быстро.

– Что у тебя случилось? – спрашиваю я, морщась, – колесики его кресла резко царапают пол и мои нервы.

– У меня? – удивляется Игорь.

– Ну, не у меня же! Это же *не я* врываюсь в твой кабинет...

– Вы меня уволили!

Его голос полон возмущения и неверия.

– Уволила, – спокойно подтверждаю я.

– Вы меня уволили!

– Тебе выдали все деньги?

– Что?

Я повторяю вопрос:

– Тебе выдали все деньги по договору?

– А-а... ну... да...

– Помнится, я говорила, что мне не нужны сотрудники на постоянную работу?

– Да... но...

– Если договор не продляется по желанию работодателя, он автоматически считается выполненным и расторгнутым, так?

– Так... но... я думал...

– Думать ты можешь в свободное от работы время. Деньги мы выплатили, договор не нарушили, так что я повторяю свой вопрос: что у тебя случилось, что ты врываешься в мой кабинет и отрываешь меня от моих дел?!

– Анна Сергеевна! – Игорь срывается, красивый низкий голос переходит в хрип, на щеке дёргается синяя жилка. – Вы говорили, что в случае отработки заказа продлите мне контракт!

Я пожимаю плечами, одновременно пытаюсь понять, что же мне так могло понравиться в этом истеричном, нервном, самовлюблённом парне.

– Наша фирма больше в твоих услугах не нуждается.

– На каком основании вы меня уволили?!

– Я же всё сказала, – терпеливо повторяю я. – Ты выполнил работу, ради которой тебя нанимали, и больше-нам-не-нужен. А теперь, будь добр, раз у тебя не случилось ничего серьёзного, покинь это кресло и это помещение.

Он вскакивает, отшвыривает ногой ни в чём не повинный стул, наваливается руками на мой стол, шепчет зло:

– Зато я ещё не всё сказал!

– Да? – я с интересом поднимаю голову. Наши взгляды сталкиваются. Я улыбаюсь. – Хочу предупредить тебя, Игорёк... На тот случай (конечно, ты не собираешься этого делать, но всё-таки, лучше уж я предупрежу...), если ты вдруг захочешь меня шантажировать... Во-первых, шантаж – это примитивно, банально и совсем не модно. Во-вторых, я никогда никому не платила и платить не буду. Полагаю, это последнее должно заинтересовать тебя больше всего. Ну, а чтобы подкрепить свои слова делом (подозреваю, дорогой мой, что ты мне не веришь), я, пожалуй, кое-что тебе покажу...

Я нагибаю голову к столу. Полированная поверхность – плохое зеркало, но всё-таки...

– Нет... – хрипит Игорь, когда я поднимаю к нему лицо Гали. – Не-ет...

– Да-да-да, – передразниваю я. – Привет, счастье моё! Вопросов о продлении контракта, надеюсь, больше нет?

Он медленно отступает, не отводя от меня помутневшего испуганного взгляда, упирается спиной в дверь, не сразу понимая, что это – дверь. Шарит руками за спиной, а в глазах – всё тот же страх. Я равнодушно слежу за его рывками. Меняюсь снова. И снова. И снова. Десятки лиц, которыми он заставлял меня быть. Чужие жизни, в которые я играла.

– Ч-что э-это? – бормочет Игорь сдавленно.

– А ты, оказывается, трус, – замечаю вдруг я.

Он, наконец, справляется с защёлкой, выскакивает за дверь. Я знаю, что больше не увижу его. Хорошо.

– Игорь! – слышится испуганный голос Марины. – Что случилось?! Анна Сергеевна! – Она вбегает в кабинет. – Анна Сергеевна...

Я быстро отворачиваюсь. Я не знаю, какая я сейчас. Мне требуется зеркало. Зеркало находится справа от Марины.

– Всё в порядке, Марина, – говорю я. – Всё в порядке. Иди к себе.

Но она стоит там же, около двери, а справа – зеркало. Ещё никогда в жизни я не испытывала такого желания посмотреться в зеркало.

– Вы... он... Игорь вас оскорбил? Да? И поэтому вы его уволили? – спрашивает Марина шёпотом. Милая наивная девочка. Проработав у меня семь месяцев, она искренне уверена, что я никому никогда не причиню намеренного зла.

– Уходи, Марина, – повторяю я, не имея возможности обернуться и посмотреть ей в глаза, не имея сил ни опровергнуть, ни подтвердить её слова. – Просто уходи. И, пожалуйста, сделай так, чтобы меня не беспокоили до обеда.

Она колеблется... Не сразу я слышу, как медленно, осторожно закрывается дверь.

Я знаю, я больше никогда его не увижу...

Я ложусь на стол и плачу.

Железнодорожный вокзал, 18.25

– Ой, Галка, а ты уверена, что нас не расселят? – в который раз переспрашивает Катя. Мы стоим у её вагона, сумки уже давно внутри, до отхода поезда осталось меньше десяти минут. Иван, с которым Катька всё-таки помирилась, нервно курит и нетерпеливо поглядывает то на меня, то на часы.

– Не расселят, – в который же раз заверяю я подругу, думая о новой проблеме в компании Чегинара. Там сейчас Стас и Женечка. Как бы их Чегинаровские ребятки не обидели...

– Жаль, что ты не сможешь приехать ко мне в гости, – вздыхает Катька. – Иногда ты бываешь очень...

– Странной, – договариваю я за неё и смеюсь. А про себя обещаю, как только Катя вернётся, рассказать ей всё-всё-всё. Про себя, про свои способности, про своих родителей. Познакомлю с ребятами из своей конторы. Может, они с Владиком надут общий язык?.. И про Игоря расскажу. Катя ведь так и не узнала, почему мы расстались.

– Ты хорошая, Катька, – я обнимаю её крепко-крепко, шепчу на ухо. – Я пойду, ладно? Вам тут, наверное, надо попрощаться...

Я ухожу. Не далеко, а так, чтобы видеть, куда пойдёт Иван. Вот уже раздаётся предупредительный гудок, вот играет музыка... как же это называлось? Вылетело из головы... «Прощание» какое-то... Традиция. Когда пришла провожать Катьку первый раз, сильно удивилась. А сейчас ничего, привыкла.

Поезд трогается. Медленно, медленно, быстрее, быстрее, быстрее... Я не смотрю на окна купе, не ищу, как большинство провожающих, глазами знакомое лицо. Я слежу за Иваном. Он очень удачно идёт в мою сторону.

– Ой... – только и получается выговорить у него, когда я прижимаю его спиной к голубой стене вокзала. – Ты чего это, Галя?

Я игнорирую его попытки высвободиться или, хотя бы, улыбнуться.

– Послушай меня внимательно, мальчик, – тихо и внятно говорю я, глядя ему прямо в глаза. – Если я вдруг... не дай бог... случайно... узнаю, что Катька плачет из-за тебя... клянусь, Ванечка, я сделаю так... что с тобой больше вообще ни одна девочка общаться не захочет... Я изъясняюсь доступно или мне нужно объяснить более наглядно?

Он кивает, сдавленно что-то бормочет, пытаюсь высвободиться. Я отпускаю его горло только тогда, когда он начинает задыхаться.

– Ты предупреждён, Ванечка, – повторяю я и ухожу. У меня ещё очень много дел сегодня.

«Сфинкс», 23.45

Дурацкое название. Дурацкое кафе. Кажется, я это уже говорила?

Я вновь здесь. Почему? Я знаю, в «Сфинксе» больше никогда не будет Игоря. Говорят, он сейчас лечится в каком-то... хм... закрытом заведении... Говорят. Если так, значит, у него оказались слишком слабые нервы. Не мужик, а так... фантик. Впрочем, я не задумываюсь над этим. Не позволяю себе задумываться.

– Мартини и апельсиновый сок.

На стойке передо мной появляется высокий мутного стекла бокал. Я провожу пальцами по чуть запотевшим стенкам, отпиваю глоток и только потом рискую поднять глаза.

– Привет, – улыбается мне бармен Ян. Где-то в глубине его глаз вспыхивают зелёные угольки.

– Привет, – улыбаюсь я в ответ.

– У меня смена заканчивается через пятнадцать минут, – сообщает он, и я уже знаю, что пойду с ним.

– Хорошо, – я снова глажу запотевшую стенку бокала. – Я как раз успею допить свой коктейль. Кстати, меня зовут Ирма.

– Тебя зовут Яна, – мягко поправляет он. Я вздрагиваю, а бармен, словно не замечая моего замешательства, быстро добавляет: – И не вздумай никуда исчезнуть, девочка. Я всё равно найду тебя... Я и так слишком...

Окончание фразы теряется в очередном всплеске музыки. Кейси... Неужели в этом чёртовом кафе не слушают ничего, кроме Кейси?!

У другого конца стойки кто-то настойчиво требует пива.

– Я вернусь, – обещает Ян. И я знаю, твёрдо знаю, что он сдержит своё слово.

Четверть часа... бокал медленно пустеет. Ян смешивает коктейли, вскрывает бутылки пива, пододвигает пепельницы...

Четверть часа... За это время я успеваю многое передумать. Алик Чегинар... Он ни разу не вспомнил ту ночь, что я провела в его доме. И не отказался от наших услуг. И Стас с Женькой справились, решили ещё одну его задачку... Молодые компьютерные гении... когда они пришли ко мне, я знала, что из-за их возраста, незаконченного образования их не возьмут ни на одну приличную работу. Я дала им то, в чём отказали другие. Как и Марине, и Владу. И не жалею об этом. Они умеют говорить «спасибо».

Четверть часа... Ян... Я думаю о том, как он узнал меня... Маленькая зеленоглазая блондинка Ирма, которой я сейчас выгляжу, совсем не похожа на высокую, худенькую брюнетку Алёну. И на Яну тоже, если уж на то пошло. Мартини и апельсиновый сок... Это *он* сказал сейчас, не я. Так где же я ошиблась?

Очень хочется выйти, прогуляться под ещё не стемневшим небом. Хочется побыть одной и подумать, найти ошибку, найти решение. Но я знаю, что не уйду отсюда.

Четверть часа. Я делаю последний глоток, когда кто-то осторожно кладёт мне руку на плечо. Я не оборачиваюсь.

Чужая ладонь, чуть шершавая... как и голос за спиной:

– Пойдём, Яна...

Я оборачиваюсь, смотрю ему в глаза. Серые глаза с зелёными огоньками. Я смотрю на Яна, а вижу кого-то другого... И мне кажется, что мы знакомы тысячу лет...

День седьмой. Пятница

Час ночи. Тёмная улица

Естественно, мы знакомы! Нет, не тысячу лет, но всю нашу жизнь, это точно. И я злюсь сейчас как никогда ещё не злилась.

– Ну и сволочь ты! – кричу я, тщетно пытаюсь сбросить его руки с моих плеч. – Пусти! Пусти, кому сказала?!

– Яночка, – смеётся он, – угомонись, ну чего завелась? Ты на бешеную кошку похожа...

Я подавляю в себе желание вцепиться ему в морду. Всё равно сейчас не дотянусь. Дышу глубоко, тяжело, тщетно пытаюсь успокоиться.

– Ш-шпионишь, да? Ты за мной следишь? Не-на-ви-жу!!!

– Не шипи на меня, – просит Ян. – И прекрати уже орать как пострадавшая... Если пообещаешь, что не будешь кидаться, отпущу...

– Не буду, – быстро и охотно обещаю в ответ. Ну же, давай, разомкни свои чёртовы пальцы... у меня уже синяки на плечах... Вот та-ак...

– Ай!

Ян хватается за расцарапанное лицо.

– С ума сошла?

– Не больше, чем ты!

– Между прочим, ты мне сейчас слово дала!

– Как дала, так и обратно взяла!

Ян растирает кровь по лицу, но царапины глубокие, я знаю, и кровь не останавливается. Подозреваю, что ему больно, но он всё равно улыбается. Вылитый отец!

– Вылитая мать, – удовлетворённо говорит Ян.

– Надеюсь, ты не собирался меня этим оскорбить?

– Издеваешься?

– Какого дьявола ты здесь делаешь?

– Может, дойдём всё-таки до моего дома? Неохота на улице разговаривать.

Клянусь, в его голосе звучат нотки примирения. Беда в том, что я мириться не желаю.

– Если неохота, мог бы и подождать с превращениями!

– Боялся, что ты приставать начнёшь раньше, чем мы порог успеем переступить...

– Ах, боялся! – я снова захожусь. – Так не фиг было!..

Он поднимает руки. Обычно, когда он так делает, всяческое желание злиться дальше у меня отпадает.

– Сдаюсь! Всё, Янчик, хватит!

– Ты сволочь! Ты же пытался меня соблазнить! – вдруг вспоминаю я.

– Ну... нет, конечно... просто очень хотелось посмотреть, как ты тут мужиков клеишь... Когда ещё такой шанс представится?

– Я? Клею? – я начинаю истерично хихикать. – А чего вас клеить? Разрез побольше, глаза поглупее... И мальчик готов на всё!..

– Не высокого же ты мнения о мужчинах! – замечает Ян.

– Вашими кобелиными усилиями...

– Слушай, хватит уже обобщать! Что за привычка?

– Да иди ты! – бросаю я, потому что говорить больше, в общем-то, не о чем. Надо или мириться, или расходиться. Мириться я не желаю, поэтому поворачиваюсь и делаю два шага в темноту.

– Согласен, Янка, я сволочь, – говорит он мне в спину. – Согласен и готов положить голову на плаху. Но я ведь у тебя единственный брат, разве нет? Может, всё-таки, простишь?

Я останавливаюсь, говорю, не оборачиваясь:

– Нечестно. Запрещённый прием.

– Угу... но я по тебе соскучился... А если ты сейчас уйдёшь, то, скорее всего удерёшь куда-нибудь ещё, и мне снова придётся тебя искать, а потом мы снова поссоримся... Меня это напрягает.

Плохо то, что в его словах есть разумное зерно. Но вот что уже совсем отвратительно, это то, что он не просто единственный брат мой, но ещё и самый что ни на есть мой близнец. Блин. Не помню ни одного дня из детства, чтобы мы не поругались. Мама как-то сказала, что если бы знала заранее, кто у неё родится, утопилась бы раньше, чем вышла за папу.

– Между прочим, и я у тебя единственная сестра, – замечаю я. Снова поворачиваюсь к нему лицом и улыбаюсь. – И ещё, между прочим, я тоже соскучилась...

Ян щёлкает меня по носу, потом радостно обнимает.

– Янка, Янка... Почему ты меня всегда прощаешь?

Я вдруг начинаю плакать. Это глупо, конечно, чего сейчас-то уже? Но мы не виделись тысячу лет, и вся вчерашняя боль в одно мгновение вдруг накатывает на меня, и я плачу и ищу у него защиты. Раньше, когда мы жили под одной крышей, Ян всегда меня защищал...

– Ну, всё, всё, не реви... пойдём ко мне, ладно?

Пока я вытираю мокрые щёки, Ян тормозит такси. В машине я сворачиваюсь калачиком у него под мышкой и засыпаю. Сон, короткий, тяжёлый, заканчивается внезапно. Я недовольно открываю глаза. Высокий потолок, лампа дневного освещения, тяжёлые шторы на окнах. Спиной чувствую мягкую обивку дивана.

– Сейчас будет кофе, – доносится откуда-то из-за стены голос брата. Он по-прежнему всегда чувствует, когда я просыпаюсь...

Кофе... Ян... фантастика!

– Как ты здесь очутился? – спрашиваю.

– За тобой пришёл, – сообщает он, выруливая из кухни с подносом. – Отец отправил.

На мгновение я теряю дар речи.

– Из-звини, я что-то глуховата стала... Отец? Отправил? За мной?

– Угу, – мычит брат, откусывая большой кусок от бутерброда.

– А-а...

У меня нет слов.

– Ты ешь, сестрёна... завтра будет долгий день...

– А-а...

Помню, когда я уходила, отец заявил, что никто мне помогать здесь не будет.

Брат проглатывает бутерброд, глотает горячий кофе, потом спокойно говорит:

– Пора возвращаться, сестрёна.

– Кто это решил?

– Пора возвращаться.

Да, наверное... хотя бы на несколько месяцев...

– Я больше не смогу жить там, – возражаю я.

– Я тоже. Но вернуться надо. Пусть и ненадолго...

– Когда?

– Завтра.

Завтра...

– Тебя здесь что-то держит?

Моя кошка, моя фирма, мои ребята, заказ Алекса... Чегинар!

– Я не вернусь, – заявляю я вдруг.

Ян не умеет читать мысли, только принимать обличия других людей, но мы с ним близнецы, и в каком-то смысле, чувства у нас общие.

– Мужчина, да?

– Я не вернусь.

– Надеюсь, это хотя бы не тот придурак, из-за которого ты напивалась у меня в баре?

Я вспоминаю Игоря... Смеюсь. Кажется, это было сто лет назад.

– Нет, не он. Другой. Он бы тебе понравился.

Ян смотрит на меня, долго, пристально. В глубине его серых глаз я замечаю зеленоватые искорки.

– Так-так-так...

– Чего смешного я сейчас сказала? – спрашиваю подозрительно.

– Смешного?

– Вот именно.

– Ничего, по-моему...

– По-моему, тоже, – соглашаюсь я. – Тогда в чём дело?

– Ни в чём, Яночка. Ложись лучше спать. Завтра мы возвращаемся.

– Ты глухой, да? Я не вернусь. У меня дела.

Воспоминания об Алике Чегинаре нетерпеливо плещутся в голове, в сердце, во всём теле. Он сказал, что подождёт...

– Вернёшься, – усмехается мой брат. – Теперь точно вернёшься.

Тянется к мобильнику на столике, набирает чей-то номер.

– Заходи ко мне завтра в восемь... Утра, естественно... Придёшь, узнаешь.

И всё. Я жду комментариев. Но, похоже, проще дожидаться снежной бури в пустыне.

– Ну! – не выдерживаю я трёх минут молчания.

– Ты о чём? – невинно переспрашивает братец, делая очередной глоток из своей кружки.

– Я? Я о зайцах!

– Почему о зайцах?

– Потому что не о белках же!

– Янка, у тебя, случайно, жара нет? – заботливо вопрошает Ян, протягивает руку, чтобы пощупать мой лоб.

– Иди ты! Скажи лучше, кому ты сейчас звонил?

– Тебе выспаться нужно, Янка, – уверенно говорит брат. Встаёт, протягивает руку, одним рывком вытягивает меня из уютной теплоты диванных подушек. А у меня уже нет сил спорить. Спать охота зверски. Впервые за многие годы я чувствую обычную человеческую усталость. Ян провожает меня в свою спальню. Я тяжело раздеваюсь, падаю на расправленную кровать, закутываюсь в пушистую махровую простынь. Мне снится дом. Длинная пустая улица, одним своим концом упирающаяся в реку, другим – в пшеничное поле. Бурая трава бросается под ноги, и солнце светит всё ярче и ярче... Вот она, наша калитка... На крыльце дома сидит отец, сильный мужчина с разноцветными глазами. Он насмешливо щурится на солнце, разглядывая своё отражение в широком лезвии ножа. Я хочу позвать его и пугаюсь... Что, если он не захочет меня видеть? Или... или просто не узнает меня? Зеркало! Мне нужно зеркало! Но где здесь взять зеркало?!

8.05, квартира Яна

Я просыпаюсь с чувством страха. Выпутываюсь из простыней, бросаюсь в ванную. Зеркало! Где-то здесь должно быть зеркало!

Наверное, на улице ночью прошёл дождь, потому что в коридоре видны отпечатки лап крупной собаки. Интересно, а почему это я вчера никакой собаки в глаза не видела? Следы ведут на кухню.

– Она ещё спит, – говорит кому-то мой брат. – Если принудительно разбудить, рычать будет всю дорогу.

– А так, по-твоему, не будет?

Я замираю. Не может быть. Не может быть.

– Будет, конечно... Но лучше, если она перед этим выспится. Выпить хочешь?

– Давай.

Скрип дверцы, перезвон стекла, лёгкий запах коньяка.

– Мне тоже можешь налить, – сообщаю я, выворачивая из-за угла в кухню.

– Доброе утро, сестрёна, – говорит мне Ян. Но я смотрю мимо него. Никакой собаки в комнате, конечно, нет. Зато у окна, оперев локти на столешницу, сидит Алекс Чегинар. И он тоже смотрит на меня, улыбается почти серьёзно и молчит. Я замечаю часы на холодильнике. Пять минут девятого. Значит, Ян вчера звонил Чегинару... интересно, почему меня это не удивляет?

– Кому доброе, кому и нет, – прямо заявляю я.

– Ты бы оделась, – советует мой братец-консерватор. – А я пока тебе завтрак соображу. Есть хочешь?

– Я хочу выпить, – говорю я, одним глазом оглядывая нацепленную на себя с вечера футболку Яна. Всё вроде бы прилично. – А если точнее, напиться. И предположить, что вы двое – плод моих галлюцинаций.

Чегинар молчит.

– Напиваться чем будешь? – деловито интересуется брат.

Я распахиваю дверцу холодильника, мгновенно оцениваю барменовские запасы.

– Мартини и сок.

– Нету, – зловредным тоном говорит Ян.

– Сходи и купи, – отвечаю ему в тон.

– А...

– Помнишь, я же у тебя единственная сестрёнка...

– Ага...

Ян испаряется из квартиры в течение двадцати секунд. Я слышу, как хлопает входная дверь. Достаяю из холодильника банку пива, усаживаюсь напротив Чегинара, придвигаю к себе пепельницу и полупустую пачку сигарет. Алекс протягивает зажигалку.

– Даже не буду спрашивать, кто ты есть на самом деле, – говорю я после второго глотка пива и третьей затяжки.

– Почему? – удивляется Чегинар. От его голоса у меня начинают дрожать руки.

– Успеется ещё.

– Хорошо, – соглашается он. Лениво поднимается из-за стола, переступает через подсыхающие собачьи следы, стряхивает с рукава клочок чёрной шерсти. Потом берёт меня за руку и тянет к себе, вынуждая подняться.

– Что?

– Помолчи, Яна-Алёна... просто помолчи... – шепчет он.

И мы молчим. Очень долго молчим. Конечно, целоваться молча не обязательно, но мы молчим...

– Я так понимаю, бегать за мартини было вовсе не обязательно, – ехидно замечает брат где-то за моей спиной. – Ты прекрасно обошлась пивом...

Я даже не оборачиваюсь. Чегинар прижимает меня к себе крепко-крепко и смеётся.

– Сворачивай свои дела, Янка, – всё так же в спину говорит мой братец. – Вечером выдвигаемся. Да отпусти ты её, Алекс!

– Вот ещё!

– Тебе для начала с её родителями предстоит познакомиться... Папа у нас тот ещё подарок!

Чегинар разжимает руки, ласково гладит меня по волосам.

– Ты пойдёшь с нами? – спрашиваю я осторожно.

– Нет.

– Нет?

– Посмотри мне в глаза, – просит Алекс. Я слышу насмешливое хмыканье Яна, удаляющиеся шаги... Я поднимаю голову. Глаза у Алекса синие. И где-то в самой их глубине-синеве, светится что-то... сила, способная защитить меня... укротить меня... Мой мужчина...

– Я пойду *с тобой*.

Да, точно, это – мой мужчина...

Вечером, у меня дома

Я смотрюсь в зеркало. Я вижу себя.

– Пора, Янка, – кричит из-за двери брат. – Твоя кошка и так активно выражает недовольство предстоящим походом... Не хотелось бы дожидаться, когда она решит выпустить когти! Янка!.. Осенью вернёшься... если захочешь... Я-то точно вернусь к новому семестру... Ты была права, образование – великая вещь...

Я завешиваю зеркало тёмной тканью. Нет, никто не умер. Просто ему, как и мне, нужно отдохнуть и подумать. Я давно научилась жить с чужими лицами. Может, пришла пора учиться жить со своим собственным?

Закрывая дверь в комнату, отчетливо слышу, как облегчённо вздыхает моё зеркало...

Оглавление

За стеной

1	4
2	10
3	14
4	19
5	25
6	31
7	33
8	39
9	42
10	51
11	56
12	60
13	65
Снова 13	68

Посмотри мне в глаза

День первый. Суббота	70
День второй. Воскресенье	74
День третий. Понедельник	80
День четвёртый. Вторник	83
День пятый. Среда	91
День шестой. Четверг	104
День седьмой. Пятница	110